

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

6

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ
КРЫШЕЙ»

(конец первой части и начало второй)

Книга шестая

Саратов
2015.

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ. Книга 6.

«Старый дом под черепичной крышей». Роман. Конец первой части и начало второй. 268 стр.
г. 2015 .

В романе «Старый дом под черепичной крышей» рассказывается о поисках утерянной старинной глиняной игрушки города. В поисках участвуют различные группы детей и взрослых. У них разные цели поиска и разные возможности. Раздумья героев, желания, жизненная философия, поведенческие ориентиры составляют сюжетные линии произведения.

Глиняным игрушкам автор в произведении отводит особое место. Они умные, деятельные, подвижные со своими характерами наклонностями, имеющие собственные жизненные позиции и эти позиции отстаивающие.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.
Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование
П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015

Глава 17. **Компаньоны** (Продолжение главы)

И тут Эдуард Аркадьевич поймал себя на мысли, что это он придумал, как делать из мусора деньги; это он уговорил Фому Фомича создать подпольное предприятие. Организация же фирмы, – дело рук Фомы-Фомича. И ведь получилось – «Изумруд работает», надо компаньону отдать должное. Сейчас предприятие встало на ноги, окрепло, стало расширяться, вышло за рубеж. Правда, вместе с расширением слабнет конспирация, вовлекаются новые люди. Вот станет Фома Фомич директором холдинга, а на его место кого? Фома Фомич предлагает какого-то Симу? Отморозок, наверное, какой-нибудь? А ведь его волей-неволей с ущербным умишком придётся допускать к какой-никакой информации. Чепуха какая-то. К чёрту этого Симу! Пусть Фома Фомич поищет кого-нибудь другого. Нельзя же, в конце концов, доверять подпольное предприятие, случайным людям, так и до наручников можно дожить... Но, кого туда поставишь? Из окружения Эдуарда Аркадьевича на это гиблое место с бомжами, алкоголиками, барыгами... – никого. Тут даже заикаться нельзя. Остаётся окружение Фомы Фомича.

Доцент нервно пожевал губами. Он понимал, что во многом зависит от Фомы Фомича. Зря он на

него так. Ведь помог Фома Фомич убрать и спрятать Позолотина, помог ему стать председателем комиссии. Правда, Эдуард Аркадьевич тоже время даром не терял. Ведь вывоз антиквариата за рубеж – это уже его заслуга. И тут его мысли переключились на профессора.

Эдуард Аркадьевич всегда, даже теперь, когда Позолотина нет в институте, а в целом и в мире науки, он всё равно завидовал этому мужику, колхознику. Так про себя называл Позолотина Забродин, завидовал его природному, уму. Позолотину всегда не хватало предприимчивости, чего у Эдуарда Аркадьевича было с избытком. Нет, доцент не хотел устранять Позолотина, он даже тогда не раз намекал, что с его известностью в своей стране и за рубежом можно иметь немалую прибыль. Известность надо перековывать в деньги, но профессор его не понял, а потом насторожился. А когда Эдуард Аркадьевич ему прямо намекнул, что возглавляемая им комиссия – это золотое дно, то профессор вовсе отдалился и стал смотреть на Забродина подозрительно, хотя Эдуард Аркадьевич и попытался свести всё к шутке. В общем, тогда-то и родилась мысль – убрать Позолотина подальше, тут помог случай. Без Фомы Фомича этого бы не получилось.

Забродин поморщился. Вспоминать о том давнем эпизоде, когда Позолотина убрали из института и отправили на свалку, не хотелось. Тут он опять

вспомнил о лотке с антиквариатом и об игрушке, и ему в голову полезли разные мысли. «Конечно, он зря сам подошёл к лотку, зачем было светиться, да ещё давать визитную карточку неизвестно кому? Он же хотел только инкогнито проверить, как работают пункты по сбору антиквариата и, на тебе – встретил игрушку и не мог удержаться. Вот она и конспирация, сам первый нарушитель, а других браню» – подумал он.

Да, соблазн у Забродина был очень велик. Столько раз слышал Эдуард Аркадьевич от Позолотина о старинной саратовской игрушке и вдруг её увидеть, здесь кто угодно не устоит. «Ладно, не будем себя бранить, что вышло – то вышло, – подумал он, – упускать такой случай было тоже нельзя. Хоть для науки, хоть для бизнеса это золотое яблочко на тарелочке».

Интуиция у Эдуарда Аркадьевича была отменная. Он чувствовал, что не ошибся, только зря, наверное, отпустил пацанов. Игрушка, которую они принесли на Сенной, была явно старинная, саратовская. А вот этот паренёк, что принёс игрушку, ему кажется знаком. Он его раньше где-то видел? – Эдуард Аркадьевич сдвинул указательными пальцами виски. – Ах да,... он приносил ему на квартиру старинные вещи. Да,... да, это он. Его Кирьян называл «Пегасом». Как он вырос! Ещё год и он бы его ни за что не узнал. Взгляд умный, пытливый. Вот на кого

надо делать ставку, дорогой Фома Фомич, а не на отморозков, вот кого надо приближать, растить и опекать. С Пегасом надо поговорить. Это хорошо, что он дал ему визитку; лучшего момента не будет. Интересно другое – узнал его мальчишка или не узнал? Ладно, пока это неважно. Надо его приблизить, это альтернатива всяким Симами и прочим; из таких можно вырастить нужных для дела людей, – и он потёр руки. – Да – да, именно вырастить. Надо послать Пегаса на свалку и пусть поспрашивает, не находили ли бомжи такие же изделия? – От этой мысли у Забродина аж перехватило дыхание, как он всё просто и надёжно выстроил? И от удовольствия потёр ладони рук. – Правильно, что и игрушку у пациентов сразу не взял, она у них вроде приманки или живца... прибегут, никуда не денутся...». После этих размышлений Эдуард Аркадьевич весело пошагал домой и даже стал напевать любимую песенку.

Глава 18. Непредвиденный ход

Каким образом Батист вышел на Фому Фомича остаётся тайной. Говорят, что такого рода предприниматели каким-то образом друг друга узнают. Возможно это и враки, но то, что господин Батист находится сейчас в квартире Фомы Фомича и сидит с ним и его Зиной за столом, это самая настоящая правда.

– Кто это тебе звонил? – присаживаясь к Фоме Фомичу на колени, и стряхивая пепел сигареты в фаянсовую пепельницу, спросила Зина притворным голосом, – не завёл ли ты себе даму сердца!?

– Ты угадала, милая..., – также, улыбаясь и в тон ей, проговорил Фома Фомич, при этом он прикрыл глаза и его лицо выражало самую любезность. – Антиквариат – моя вечная любовь Зинуля.

– Я сержусь, – сказала Зина, отбросив с лица синие волосы, – это же однополая любовь, – и она, откинувшись назад, захохотала.

– А ты не сердись и не смейся... Это любовь молодости, которую я несу с собой всю жизнь. Тут только один раз влюбиться.

– Как в женщину?

– С женщины, моя лапочка, достаточно, что она красива. Мужчине совсем необязательно копаться в её достоинствах – ум, порядочность, интеллигентность и так далее. Это для тех, кто женится, а кто просто любит – достаточно красоты.

– Значит, свой антиквариат вы просто любите? – спросила, щурясь и смеясь, Зина.

– Вот именно. Я его просто люблю и всё. Разбираться в тонкостях – удел узких специалистов.

– Это не на Забродина ли ты намекаешь?

– Одна из сильных моих сторон – это обставляться нужными мне людьми. Всего, Зинуля, знать

невозможно, да и ненужно. Окружи себя специалистами и дело сделано.

– А как же первая любовь?

– Там мне пришлось обойтись без спецов. Может быть я промахнулся в цене, но выиграл совершенно в другом.

– Ну расскажите, Фома Фомич, это интересно,... не будьте букой... Вот и господин иностранец тоже не против послушать, верно, господин Батист?... – и она толкнула в плечо подвыпившего предпринимателя из Франции.

– О, да, – проговорил тот и уставился на молодую женщину своим левым стеклянным глазом, который всегда смотрел в одну точку. Другой глаз блеснул от выпитого вина и был слащаво добр. Оба этих глаза вместе, если присмотреться, выражали особую холодную самодовольную расчётливость. Стеклянный глаз его при этом был совсем не голубой, как правый, а имел серую поволоку.

– Я был ещё студентом, – начал рассказ Фома Фомич, – Ездил в Испанию по международной программе обмена студентами. А у меня с собой была бабушкина гребёнка, костяная с причудливой головкой сказочного существа. В Германии один американец мне очень хорошо за неё заплатил.

– Вы продать гребёнка?! – воскликнул господин Батист.

– Да, это всё что у меня осталось от бабушки.

– У нас в Франция это считается семейная реликвия. Это то, что не продаётся, даже если тебе грозит нищета. А у вас, в Россия, я смотрю, не так?

Чтобы направить разговор в другое русло, Зина поставила перед Батистом три фигурки: Васька, козочку и овечку.

– Какой милый вещица, – проговорил Батист. – Это, я вижу, настоящий народный творчество! Сколько в вашей стране самородок среди простых людей. Вы очень богатый и таинственный народ, господа. Очень богатый и таинственный. Мы на запад никак не поймём ваша душа... – и он стал рассматривать фигурки. Лицо его при этом от волнения покрылось пунцовыми пятнами. Господин Батист понял, что перед ним на столе стоит та самая игрушка, о которой ему говорил Бакстер.

– А я думала, что это япошки сделали... – с удивлением проговорила синеволосяя Зина.

– Плёхо знаете своя страна, мадам... Мы же у себя, не в пример вам, ценим таланты.... Каким образом это у вас оказалось?

– Ничего особенного, – пожалала плечами Зина. – Мой муж купил дом, а в нём, оказывается, жила игрушечница. Никто об этом и не знал... так, случайно вышло.

– У вас всё случайно... Мой бог!..., – всплеснул руками Батист, – Из этого дома нужно делать музей, отреставрировать, собрать уцелевшие игрушка, при-

влечь мастера – умелец, сделать мастерскую, расставить уцелевшие орудия производства: сита, лоток..., я не знаю, чего там ещё у этих игрушечных дел мастер есть, чем они пользуются во время работы... – и он покрутил ладонью с растопыренными пальцами в воздухе. – Это могло давать не только наслаждение, но и определённую прибыль.

Француз горячился, рассказывая хозяину и хозяйке об отношении к народному творчеству на западе, при этом стеклянный глаз его всё голубел и наконец стал совсем голубым, даже голубее чем настоящий. Надо сказать, что коммерсант из Франции умел ценить настоящее искусство и был до глубины души потрясён увиденным.

– О, да-да. Мы были в Скандинавии, там к дому народного умельца даже асфальт проложили, фонари поставили, мастерскую по всем правилам оборудовали, коттедж с иголочки, туристов водят, – подержал разговор Фома Фомич, затягиваясь сигарой.

– Вот видите,... сами знаете, что, разве сложно всё это делать?!

– Есть небольшая разница, господин Батист, – заметил Фома Фомич.

– Какая? – поднял брови француз.

– У них там два – три умельца на страну, а у нас их как грязи в осенний дождливый день, – и довольный, удачно приведённым примером, захохотал, отчего щёки у Фомы Фомича подпрыгивали как

резиновые мячики и, казалось, что эти мячики, подпрыгивая, стучаются ему то в мясистый нос, то в жирные губы, то в такие же мясистые уши, отчего его лицо представляло боксёрскую грушу. Смеялась и синеволосяя Зина, а потом встала и сказала, что ей надо на кухню.

– Да уж, пожалуйста, Зиночка, сделай нам что-нибудь такое... – Фома Фомич покрутил в воздухе пальцами. Синеволосяя ушла.

– Вы говорите «как грязь». Так и тем более, – непонимающе проговорил Батист, продолжив затронутую тему разговора. – Это же государственный золотой запас. Страна может делать большой бизнес. В мире ручной изделия много ценятся.

В подвыпившем Батисте в это время говорила душа не предпринимателя, расчётливого и ловкого, а душа просвещённого человека.

– А мы с вами чем занимаемся, господин Батист,... не тем же самым? – и Фома Фомич засмеялся ещё сильнее: – Ох, рассмешил, каналья!!!... ох, язви его душу!!! И, главное, говорит о бизнесе на государственном уровне... Ха-Ха-Ха. Это у вас во Франции бизнес, а наш бизнес – это воровство... кто спёр или распилил – тот в шоколаде, – и он, достав платочек, стал отирать пот со лба.

– Я разве говорить что-то смешно, господин Тараканов? – спросил, подняв брови, Батист.

– Ты рассуждаешь как дворник Никита, – продолжал смеяться Фома Фомич. – У того в голове тоже музеи и прочая дрянь. Он мне знаете ли предложил из дома музей народной глиняной игрушки сделать... Ха, ха, ха!!!

– Ваш дворник Никита весьма прозорливый человек, – произнёс Батист.

– Чума он с метлой. – Продолжая залиvisto смеяться, говорил Фома Фомич. – Оказал мне услугу, а денег не взял. По таким дурдом плачет. – Вдруг оставив смех, Тараканов совершенно серьёзно сказал – Я его просил предупредить, когда старушенция ноги протянет. Для меня это было очень важно, потому как это место мог кто-нибудь другой хапнуть. За эту услугу он мог бы иметь тысяч двадцать, а если бы поторговался или намекнул, что сольёт эту информацию кому другому, то и больше бы получил, а он... Тьфу! – ни своровать, ни покараулить... А вы: «Талант!!»... «Народ!!»... Вот он наш народ... – сиволапая образина. Мне такого народа не жалко, а вы «Беречь... достоя-я-ние...»

– Видимо у этот дворник есть своя философия жизни? – заметил Батист, – отстаивая свою точку зрения. – Многие из великий артист, художник, скульптор были крайне бедны, хотя сейчас их работы бесценны!

– Какая философия!.., господин Батист. Какая философия?!.. Вы склонны преувеличивать таланты

простых людей. Вся его философия в одном мусорном баке умещается.

– Позвольте с вас не согласиться, господин Тараканов, – проговорил иностранец, – Ваш народ – большой талант. А если бы не так, то мы не сидел бы здесь и не разговаривал, а я бы уехал куда-нибудь ещё и организовывал бы свой бизнес там, – затем он потянулся и хотел взять Васька в руки, а тот в этот момент растянул меха гармоники и запел игриво и заискивающе:

Я во Францию поеду,
Я француженок люблю.
Я Батисту в душу въеду,
Ему голову вскружу!

Васёк толкнул овечку и козочку, проговорив тихо: «Наше время пришло», и те закружились вокруг гармониста на одних задних ногах, подмигивая и прядая ушами.

– Хвосты поднимите! – прошипел Васька.

– Он у меня всегда поднят, – проговорила козочка, – это природное...

– А я стесняюсь... как можно хвост поднимать... это стыдно... – зардевшись, проговорила овечка.

– Дурра,... это в России стыдно, а там за рубежом, это даже дурно, что такого нет, – и козочка одним движением подняла Смуглянкин хвост и они закружились в танце и пляске. А Гармонист поддавал жару.

Наши девки – просто прелесть,
Да и сам я хоть куда;
Здесьней жизни мы наелись,
Нам бы, знаете, туда-а-а...

Я так не могу... Так нельзя... проговорила в полудобморочном состоянии Смуглянка, – я сгораю от стыда.

– Стыдно – если ты нищий и бездомный, – проговорил Васёк и ударил в колокольчики. Белянка отплясывала как заводная. Смуглянка, от избытка переполнявших её противоречивых чувств, вдруг упала на пол. Она была в обмороке.

– О, какой эффектный конец, – проговорил господин Батист, – браво,... браво... не ожидать... В России?.. Не ожидать... У вас просто европейский вкус, – и он в восторге захолопал. – Такого даже у нас нет. Я покупаю. Вы, господа, европейцы больше чем мы сами... Ха-ха-ха!...

– Не торопитесь, господин Батист... это реликвия, – сказал Фома Фомич.

– Когда это вы стали поборником реликвий? Верно, хотите содрать с меня подороже? – удивился Батист и искусственный глаз его начал темнеть.

В это время вошла с подносом в руках хозяйка. Она видела выход Васька.

Заметив, что Белянка не торопится вставать, си-неволосяя быстренько убрала игрушки, поставив их на сервант, и, погрозив Ваську пальчиком, сказала:

А ты, однако, не промах,... не ожидала, – и мило улыбнулась Батисту.

– О! Эти игрушки! – сказал в восторге Батист, – это шедевр игрушечный искусство. Я это понимаю!? Это национальное достояние, их место в Эрмитаж. – Стекланный глаз его при этих словах опять стал голубеть.

– Вы что же, отказываетесь их купить? – спросил Фома Фомич, – или вы вдруг стали русским больше чем я?

– Нет, нет... я их, конечно, покупать, потому что, если их у вас не покупать я, то вы продадите их кому-нибудь ещё.

– А тут вы правы, – сказал Фома Фомич, – я с удовольствием обменяю кусок мятой глины на доллары и знаете почему? – и, не дожидаясь ответа, сказал, – потому что на западе они будут целее, чем у нас. Х-ха-ха-ха... А посмотреть на них можно и в ваших музеях. Это даже престижно для России – запад признаёт и так далее... Оцените господу глубину мысли... Запад сохраняет наше достояние... а, как-ково!?

– А вы космополит, – сказал Батист.

– Я практик, господин Батист, и потому забочусь о национальном достоянии России по-своему.

– А вы, Зина, может быть, нам станцуете или споёте, – попросил Батист и этим перевёл разговор в другую плоскость. – Вы такая изящная...

– Я этим профессионально не занималась, – проговорила та жеманно.

– У вас обязательно получится, – настаивал Батист и даже привстал со своего места, устремив обожающий взгляд на хозяйку. Он был на вершине блаженства. Что было ему ещё надо? – игрушка найдена, купить её – нет проблемы... Только продавать её солидному ведомству Батисту совсем не хотелось. Во-первых, Батист согласился на продажу изделия, когда не видел игрушки, а во-вторых, только идиот может променять эту вещицу на деньги. Такие вещи не продаются.

Фома Фомич подмигнул Зине и та, включив музыку, стала кружиться по комнате, изображая из себя страстную, но несчастную танцовщицу. Иностранец ещё выпил раз, два и захмелел. Ресницы его стали тяжёлыми, он едва поднимал их, чтобы взглянуть на прелестную хозяйку, но они не слушались и снова произвольно падали. Горбатый нос Батиста ещё сильнее сгорбился и представлял из себя настоящий знак вопроса, топорщащиеся в волосах уши ещё сильнее оттопырились, а Зина кружилась перед ним в вихре танца, затем устав, села на соседний стул, взяла в руки бокал с шампанским и стала обмахиваться платочком.

– Вы сама граций, – сказал Батист, поднимая голову и растягивая губы в пьяной улыбке. Они чокнулись. Батист выпил фужер до конца, Зина отпила

немного и поставила фужер на сервант, рядом с Васьком.

Ах! Какие запахи исходили из этого фужера. Васёк вдыхал их и чувствовал как сам понемногу хмелеет. Перед ним была, *Она*, его кумир...

Васёк вначале смотрел на Зину восторженными глазами, – а потом ему показалось, что дама его сердца слишком много внимания уделяет этому Батисту. Васёк вдруг ощутил, что его невероятным образом тянет к этой синеволосой красавице. Только вот этот Батист? В Ваське заговорила ревность и он решил чем-нибудь насолить иностранцу. Сколько бы он думал над этой задачей неизвестно, если бы... Впрочем, это было уже свыше его сил. Русалка вдруг обняла Батиста руками за шею и взяла его руку в свою.

– У вас обворожительна не только игрушки, но и женщины тоже, – сказал Батист. Он обнял хозяйку за талию и усадил рядом с собой. Этого Васёк уже стерпеть никак не мог и толкнул, поставленный Зиной на сервант бокал с вином. Бокал упал и угодил Зине на платье. Зина вскрикнула, вскочила и до того улыбающиеся и искрящиеся её глаза налились ненавистью. Её лицо сразу преобразилось. Оно вдруг стало точно таким же, как тогда, когда она увидела в старом доме паука Федю. Её, до этого очаровательных глаза, стали такими же, как злой глаз Фомы Фомича. Она попыталась замыть образовав-

шея пятно, затем вышла, сняла испорченное платье и одела другое. После этого она вошла в залу и увидев игрушки, одним движением распахнула створку окна и выбросила их через окно на улицу. Но Батист и Фома Фомич этого уже не видели. Фома Фомич, откинувшись в кресле, спал, а Батист, уткнувшись носом в салат, довольно сильно храпел.

Глава 19. Неудачный маневр

Пегас и Муха с Сенного пришли на трамвайную остановку, сели во второй вагон и поехали в сторону Волги, к старому дому, чтобы забрать остальные игрушки. В трамвае Муха всё бухтел на Пегаса за то, что тот не разрешил ему поискать игрушки сразу и что в том ящике они были наверняка и что им из-за этого приходится тащиться туда ещё раз.

– Хватит действовать на нервы, – проговорил Пегас. – Искал бы... Чего не искал?

– Ты сам говорил, что они ничего не стоят, а вышло наоборот. Вон как доцент встрепенулся, когда увидел, а Червонец, аж позеленел весь, видя, что уплывает такой куш.

– Не боись... – подбодрил Пегас Муху, – будут тебе твои игрушки. Сейчас доедем до Радищевской, а там чуток пройдем и на месте.

– А дворник? – спросил Муха немного испуганно.

– А что дворник?.. Спит твой дворник под вишней...

– Тебе хорошо так говорить, а у меня спина и сейчас чешется, – и Муха для пущей убедительности подвигал лопатками.

– Не дрейфь, – подбодрил друга Пегас. – Вот игрушки сбудем и хоть на Канары.

– А если тебя опять доцент кинет?

– Не кинет,... меня жизнь тоже чему-то научила... Возьмём все до копеечки.

– А мы что, на Канарах жить будем? – спросил Муха.

– Ну, ты даёшь!.. – засмеялся Пегас. – На Канарах отдыхают, а дома покупают в Испании на берегу моря. А вот подданство желательно иметь английское – если что – не выдадут. Ну, а деньги надо срубать в России, так все умные люди делают. Прессу надо читать, фильмы правильные и правильно смотреть.

– Как это правильно?

– А так. Вот ты, поди, в фильмах смотришь, кого кого и как ударил и далеко ли тот улетел, стрелялки всякие, ведь так?

– Так...

– А я не так. Я пытаюсь через фильмы проникнуть в психологию людей и иностранцев тоже, понять их мироощущение, реакции, философию...

– И что,... ты понял?

– Понял, что у иностранцев всё более упрощённо, чем у нас.

– Как это упрощённо?

– Ну, поверхностно, что ли. Мы в своей душе копаемся, а они в мыслях о душе. Это я у одного философа прочитал.

– У кого, у кого? – удивлённо переспросил Муха.

– Эх ты, дурка вяленая. У философа, балда, был такой человек. Умные книги надо читать, а ни хрень всякую... – и Лёня снисходительно улыбнулся. – Насмотришься телека и с обалделыми глазами ходишь. Надо на мир не через телевизор смотреть.

– А зачем тебе всё это? – спросил добродушно Муха.

– Что, «всё это»?

– Ну, душа, мысли? Философ этот?...

– Чтоб пешкой в чужой игре не быть.

– Сам не хочешь, а меня за пешку держишь, – обиженно сказал Мухаев.

– Рано тебе это знать, – нахмурился Пегас, – я тебе и так много лишнего наговорил. Топай, давай, немного осталось, в жизни всегда есть ведущие и ведомые, так мир устроен,... топай,... топай. Я в данном случае ведущий, а ты, со своими куцыми мозгами, всегда ведомым будешь. Для ведомого что главное – хорошего ведущего выбрать и служить ему верой и правдой, тут тебе и прокорм, и желания

в стадии исполнения. Понял!? – Муха кивнул. – То-то.

Они подошли на этот раз к дому не со стороны оврага, а решили перелезть прямо через соседский забор, чтобы оказаться напротив выдавленного стекла в окне дома. Около забора густо росли сливы и компаньоны не боялись быть замеченными.

– Интересно, где сейчас дворник? – спросил шёпотом Муха.

– Под вишней дрыхнет, – проговорил Пегас, – где ж ему быть? С утра пораньше всё подмёл и в холодок. У меня мамка дворником, я знаю их расписание, – и Пегас самодовольно хохотнул.

Ребята залезли на забор, тот оказался гниловатый, не выдержал, накренился и мальчишки кубарем полетели в молодую сливовую поросль.

На мгновение, после треска и стука от падения, наступила тишина. Затем раздался испуганный крик Пегаса: «Муха, спасаемся, кто как может!», а ещё через несколько секунд очевидцы видели как по двору, в направлении спасительного оврага, прихрамывая один на левую ногу, а другой на правую, бегут Пегас и Муха, а за ними, размахивая метлой, гонится, ругаясь и грозясь, дворник Никита. Оказывается, сегодня он сменил вишню на сливу, потому как солнечные лучи в этот час не достигали его только под сливой.

Как только компаньоны очутились в овраге, они стали примачивать раны водой и ворчать друг на друга.

– Зачем ты потащился через соседний забор? – спрашивал зло Пегаса Муха.

– Кто ж знал, что этот дворовый перекочет из-под вишни под сливу, – оправдывался Пегас.

– Так сначала надо было разведать, чё было сразу переться? Теперь оба схлопотали метлой по горбушине. А то «я ведущий!...» Вот и завёл. От таких ведущих подальше.

– Брось бундеть, Муха, – проговорил миролюбиво Пегас, чувствуя свою вину.

– Главное не в том, что схлопотали, а в том, что он нас засёк, – доказывал Муха. – Теперь будет следить. Нам надо что-нибудь придумать.

– Не шебурши, может быть что и придёт в голову, давай понаблюдаем. Дворник по-видимому решил, что мы уже далече, а мы тут рядышком, под боком. Наверняка этот голубчик решит побаловаться пивком или чаем покрепче, я этот народ знаю, – самодовольно сказал Пегас. Тут главное момент не упустить.

Мальчишки поднялись по откосу вверх, затаились в кустах и стали наблюдать за двором. Вот вышла какая-то женщина из дома напротив и скрылась в калитке. А вот мальчишка вышел во двор, лет

пяти, пытается связать хвостами двух котят, те пищат и царапаются, а ему весело.

– Наша смена, – сказал Муха, кивая на карапуза, и хохотнул.

– Тише ты, – огрызнулся Пегас. – Еще раз засе-чёт – будет тебе смена.

Глава 20 **Вред становится пользой**

В ящике из-под мыла ужасно пахло. Пахло, конечно, хозяйственным мылом, которое в нём когда-то лежало. Катерина и Дуня, чтобы ослабить ощущение скверного запаха, постоянно зажимали носики, Пустолай то и дело чихал, а Мурлотик даже на некоторое время потерял сознание и лежал на дне ящика без движения.

– И зачем нас Никита в этот ящик спрятал? – спросила Дуня.

– Расстроенный он был, в попыхах... сунул в первое, что на глаза попало, убрал с глаз подальше. – Ответила Катерина.

Замолчали. Каждый стал думать о своём.

В ящике, спотыкаясь о ноги лежащих, ходил один Заступник и пытался открыть крышку головой. Он поднимался на носки, даже подпрыгивал, стараясь стукнуть крышку.

– Ой!.. – закричал Пустолай. – Зачем ты меня уколол своим мечом?

– Я тебя не укалывал, – ответил Заступник, – и вообще держу меч в ножнах. Как в таком положении я могу тебя уколоть? Ты же стоишь, а не лежишь.

– Тогда, кто меня уколол?

– Не знаю, кто тебя уколол,... может быть Дуня нечаянно иголкой?

– У меня нет в руках иголки. – Ответила тут же Дуня, – Все иголки воткнуты в клубок с нитками и уколоть брата Пустолая они никак не могут. И вообще, мы боимся с Катериной, а вдруг и нас кто-то уколёт, а мы в темноте даже не увидим, кто это делает?

– Ой! – вскрикнул Пустолай, – опять кто-то меня уколол.

– Ты, Пустолай, встань на моё место, а я встану на твоё. Пусть попробуют меня уколоть... – отстраняя пса, – сказал Заступник.

Пустолай с радостью уступил своё место. Как только Заступник встал на место Пустолая, он сразу при шевелении почувствовал, как его сильно кольнули в ногу. Только он не издал ни звука, а стал рукой ощупывать пространство рядом с местом укола.

Немного погодя Заступник наткнулся на вылезший из доски гвоздь. Видно, рабочий, сбивавший ящик, забыл хорошенько гвоздь загнуть, а загнул только наполовину, на него-то и натыкался всё время Пустолай.

– Нашёл я твоего обидчика, – сказал Заступник.

– Это не ёж? – поинтересовалась Дуня.

– Нет, это обыкновенный гвоздь, который не загнул рабочий, сбивавший этот ящик.

– Растяпа... – проговорил Пустолай в адрес рабочего. – Что бы было, если б все так работали, один гвоздь не загнул, другой пуговицу пришил тяп-ляп. Я, например, на вора не стал лаять, Заступник не стал нас защищать, Дуня пришила бы платье по неосторожности к Мурлотиковой шубе, а у Катерины подгорели бы калачи? Такого даже вообразить не возможно, а тут на тебе, гвоздь, и никакой безопасности труда...

– Пачкам мыла, что находились в этом ящике, было не больно, их хоть коли, хоть не коли, – заметила Катерина.

– Причём здесь это, только работу надо выполнять качественно, – парировал Пустолай. – Разве хорошо, что гвоздь не загнули, а если бы с десяток не загнули?.. так мы бы здесь все обкололись.

– Не ворчи, – проговорил Заступник, – лучше давай подумаем, как преобразовать вред в пользу?

– Чего?!... – удивился Пустолай, – Ты что, Заступа, головой тронулся? Как это можно превратить вред в пользу? Такого не бывает...

– А вот и нет..., брат Пустолай. Превращение вреда в пользу – есть один из приёмов в изобрета-

тельском деле. Ты что-нибудь про Альтшуллера слышал?

– Я с шулерами дело не имею, я честный пёс.

– Да не с шулерами... А был такой талантливый изобретатель по фамилии Альтшуллер. Он написал книгу о том, как научиться изобретать. Один из приёмов в этой книге так и называется – «Превращение вреда в пользу» понял?

– Понял-то понял, только как это делается? Никак не пойму. Может быть, этот шулер и умел, на то он и шулер.

– Не знаешь – тогда не говори и не ёрничай. Только всё очень просто.... Например, противник защищён тяжёлыми доспехами, он для меча почти неуязвим, а я для него уязвим, потому как у меня таких крепких доспехов нет, мои доспехи хуже. А как его одолеть? Его доспехи для меня вред, так?

– Вред, – подтвердил Пустолай.

– Обращаем этот вред в пользу. Я снимаю с себя кольчугу и становлюсь очень подвижным и лёгким, правда, но и ещё больше уязвимым. Моя уязвимость сводится на нет возросшей подвижностью. И теперь уже я превосхожу противника, потому как тот, по сравнению со мной, стал неповоротлив. Тяжёлые доспехи противника в бою со мной стали ему самому вредить. Я подвижностью его превосхожу, прекрасно уворачиваюсь от его ударов, и наносю ему свои.

– Так это превращение пользы во вред, – сказал Пустолай.

– Правильно, – подтвердил Заступник, – это для противника вред, а для меня польза. Вот я прошлый раз Змея Горыныча победил этим приёмом. Навьючил он на себя всякого железа, а я только пенькой просмолённой обмотался. Так змей от собственной амуниции занемог, а я каждый его удар упреждал.

– Хитрый ты Заступник... – проговорил Пустолай.

– Без хитрости врага, друг Пустолай, не одолеть. Когда на тебя враг идёт, он тоже не лыком шит, все твои сильные стороны учитывает. Единственное, что он не может учесть – твоей смекалки и выдумки. Вот так-то.

– Выходит, что и наши военачальники в Великую Отечественную войну тоже благодаря изобретательству, немцев победили, – сказал кот

– Не без этого, – подтвердил Заступник.

– Это понятно, только от гвоздя, какой толк? Кроме как колется? Вред один, тем более он такой длинный и толстый, как совиный клюв. – Сказал Пустолай. – Здесь как не превращай вред в пользу – один вред остаётся.

– А ты подумай... – посоветовал Заступник.

– Нечего тут и думать, вред один и никакой пользы...

– А ты представь, что гвоздь, это не гвоздь, а что-то ещё.

– Как я могу на гвоздь сказать, что это не гвоздь? Гвоздь он и есть гвоздь, ещё и загнутый на конце, чтобы нас удобнее подцеплять.

– Так на что же он похож? – не унимался Заступник.

– Сказали же, что на клюв...

– Клюв для нашего спасения не годится, а вот на что он ещё похож, что может послужить нашему спасению? – задал наводящий вопрос Заступник.

– Не томите душу, – простонал Мурлотик. – Делайте что-нибудь, а то пока вы изобретательское дело изучаете, мы помрём, а я в первую очередь...

– Сейчас, Мурлотик, все будем спасены, – сказал Заступник, – и, обращаясь к Пустолаю, торжествующим голосом произнёс, – Да на приступку он похож, на приступку!!!

– Как же я могу представить, что это приступка, когда это самый настоящий большой гвоздь, да ещё согнутый, на него и встать-то нельзя.

– А то, что он согнутый, в этом и вся изюминка. – Весело сказал Заступник. – Сейчас мы повернём гвоздь за согнутую часть, то есть так, чтобы этот самый клюв упёрся в дно ящика и превратился в отличную приступку, – и Заступник ухватился за гвоздь. – Давай, Пустолай, помогай, поворачиваем... вот так,... идёт..., идёт, дорогой он наш..., ещё уси-

лие..., пошёл, милый... Так..., так..., ещё немного... Гвоздь-не шуруп – его повернуть совсем нетрудно, тем более с таким хорошим рычагом, как его изогнутая часть.... Вот и всё... Как, брат Пустолай, похож теперь гвоздь на приступку? Эта приступка даже под двумя, такими как я, не сломается и не согнётся, потому, как изогнутая часть в дно ящика уперлась, образовалась сильная опора. Одна опора – стенка ящика, а другая – его дно.

– Здорово!– изумился Пустолай.

– Ну и как – удалось превратить вред в пользу? Или нет?...

– Удалось! Оказывается, этот Альтшуллер не простак.

– То-то... же. Я рад, что ты оценил его учение. Это как раз то, что нам и надо... Придержи-ка меня, брат Пустолай, чтобы я с этой приступки не свалился, я на неё сейчас встану.

Пустолай стал придерживать Заступника, а тот, встав на гвоздь, упёрся головой и руками в крышку ящика и поднатужился. Гвоздь под ногами Заступника совсем не гнётся, а крышка вверх поднимается. Вот уже изрядная щель образовалась, свежий воздух в ящик пошёл, дышать легче стало. А раз дышать стало легче, то и сил прибавилось. Ощутил в себе прилив свежих сил Заступник, да и махом сдвинул крышку в сторону. Образовалось отверстие, в которое можно было уже свободно вылезти.

Игрушки облегчённо и радостно вздохнули.

Глава 21. Ответственное задание

С совещания Мария Васильевна зашла к начальнику розыскного отдела Музе Карповне Городец.

– Что ты на это скажешь? – спросила Мария Васильевна, – криминальный бизнес неистребим?

– Напротив, истребим, – только это как грипп, каждый год появляются новые разновидности. Кстати, подруга, здесь могут быть использованы малолетки, а это уже по твоей части. Поспрашивай, может быть чего и прорежется?

– Ты думаешь?

– А что, очень удобно – дети лазают по чердакам старых домов, заброшенным сараям и так далее, собирают всякую утварь постарее. На них и внимания никто не обращает. Вот тебе и первая ступень законспирированной организации. Вторая ступень – отбор вещей, представляющих интерес, это уже не сложно. Далее – реставрация, дело прибыльное, а раз прибыльное, то и реставраторы из числа художников и других мастеров своего дела найдутся. Далее – одни вещи идут за границу, а другие реализуются внутри страны, через базары и лотки. Есть такие лотки и на нашем Сенном рынке.

– А как же за границу? Таможня для чего?... – спросила Мария Васильевна.

– Не знаю,... нашли видно ход. Думаю, что «Рубин» или «Изумруд», о чём говорит интерпол, это конспиративное название.

– А что, разве названий два?

– Обязательно, подруга... И не только два названия имеется, одно название совершенно легальное, а другое тайное, криминальное... Кроме этого есть и офис, и приличное, не говорящее название легального предприятия, типа «Рога и копыта». И сидит в этом офисе дядёк пенсионер с мизерным жалованьем и пустяковым оборотом в банке, так что не подкапашься.

– Полковник говорил о доценте Забродине ... – сказала Мария Васильевна.

– Эта, подруга, организация легальная, наверняка там будут только мелкие недочёты. Дело, возглавляемой им комиссией, вещь оценить и всё. Потом, они всегда скажут, что на момент оценки данная вещь не являлась в культурном плане значимой, дескать, реставраторы постарались, вот и всё. – Тут она встала и стала ходить по комнате, говоря. – Нет, капитан. Этих угрей надо ловить в рукавицах из наждачной шкурки, чтоб не выскользнули. Подумай, Мария, кого они и как могут использовать из твоего подросткового хулиганья? Они ведь им нужны только для первого этапа, для сбора. Для этого наверняка организовали приёмные пункты цветмета, подпрягли старьёвщиков с лотками. Как думаешь?

– Есть у меня на примете несколько подростков, антиквариатом занимаются, бизнес у них такой..., только не торопи..., мой контингент деликатный, тут с наскака не возьмёшь. Скоро не обещаю, другие дела давят.

– А ты помощника подключи, младшего...

– Я его уже подключила, разбирается, кто автомобильные колёса у адепта отечественного бизнеса прокалывает?

– И как?

– Опыта нет, но соображает.

Кстати, Митина я у тебя, наверное, заберу в свой отдел. Я из него опера сделаю. Вот у тебя поднатаскается малость...

– На тебе... похвалилась... – шутливо сказала Мария Васильевна, – сразу и отбирают, так дело не пойдёт. Хоть ты мне, Городец, и подруга, но сухарики-то врозь...

– Не упирайся... Ты ведь знаешь, как трудно с сыскарями? В этой профессии без таланта не обойтись, тут чутьё нужно. Хороший сыскарь нутром чувствует, это врождённое. Мне, кажется, что у Митина это чувство есть.

– Сыскарь сыскаря за версту чувствует, так что ли?.. Я, майор, его силой удерживать не буду. Пусть покажет, на что способен?

На этом их разговор закончился, Мария Васильевна ушла, а Муза Карповна стала продумывать по-

ставленную задачу. Она перебирала в памяти имена, связи, ходила по кабинету, пытаясь склеить отдельные криминальные цепочки, мысленно ставя во главе подпольной фирмы то одного, то другого, казалось, приемлемого кандидата из воровского мира, но тут же сама отметала надуманное. Схемы не склеивались. «Это не жизнеспособно, – проговорила она вслух. – Наверняка это новые люди, не зашвеченные, без всяких ниточек, а начинать разработку с чистого листа всегда сложно».

.....

Как только Мария Васильевна пришла в свой кабинет, она попросила Юру записать и запомнить несколько фамилий. Юра понял, что Мария Васильевна озадачена и не стал ничего спрашивать. Но она заговорила сама.

– Кто-то сплавляет на запад культурные ценности... К этому могут быть причастны дети. Их могут использовать как сборщиков старинных вещей. Нас просили обратить на это внимание, поспрашивать. Вроде бы мелькает некая подпольная фирма «Рубин или «Изумруд», запомни, это важно. А сейчас возьми лист бумаги и запиши, надо будет выйти на контакт. Записывай: « Мухаев Вадик, восьмой класс – 83-я школа»; Грогхотов Илья, седьмой класс – 58-я гимназия. Школа и гимназия находятся недалеко друг от друга, – говорила Мария Васильевна, шагая по кабинету от двери к окну и по памяти диктуя

Юре имена, фамилии, клички, классы и школы, – записал? Запоминай характеристики.

– Мухаев – отпетый бездельник, всё время пропадает на пруду, рядом с девятиэтажками по Марине Расковой, катается на плотках.

– На каких плотках? – спросил удивлённо Юра.

– Мальчишки приспособили под плоты деревянные барабаны, с которых смотали рабочие кабель, на них и катаются по пруду, бои устраивают. Так вот он на этих плотках постоянный клиент. Но не он главный. Мухаев, по прозвищу «Муха», интересен как друг Пегасова Лёни, прозвище «Пегий» или «Пегас», учится в восьмом классе. Если первый – пустое место, то второй может что-то и знать. Помнишь? Мы с тобой о них уже говорили...

– Вроде говорили...

– Тут не должно быть никаких «вроде» и «кажись», младшой, вырабатывай профессиональную память, это важно. В каждой профессии необходима своя память. У нас своя, а у кого-то своя. Так, возвращаемся к нашим разбойничкам. Присмотрись. Главное в нашем деле не спугнуть. Если сложно, давай я сама с ними поговорю...

– Спасибо Мария Васильевна, я уж как-нибудь сам...

– А вот, как-нибудь, нельзя, – строго заметила Сорокина. – Дети, младшой, гораздо ранимее взрослых и наблюдательнее. Они много чего знают, на

что мы взрослые не обращаем никакого внимания. У них цепкая память. В любом случае они просчитывают собеседника сразу. Есть у них такое, не испорченное ещё цивилизацией мышление. Это даже и не мышление по большому счёту, а некая фантазия,... но, как ни странно..., срабатывает. Мне ещё ни разу не удавалось ребёнка раскрутить в лоб, он просто замыкается. Единственный верный ход – это войти к нему в доверие. Детское доверие много стоит. Но у вас вряд ли чего выйдет, если вы сами не будете ему всецело доверять. Советую вам начать с собственного доверия. Если с собственным доверием ничего не получится, то любой шкет вам такой лапши на уши навешает, только слушай... это запросто, у них фантазии только отбавляй, нашим операм бы не грех этому поучиться.

– У партизан подростки были великолепными разведчиками, – вставил Юра.

– Вот-вот. Это они могут.

– Спасибо, Мария Васильевна... – краснея, сказал младший лейтенант, – учту, – и, отдав честь, как-то нарочито по-военному, вышел.

«Сам ещё ребёнок, – подумала Сорокина, посмотрев в след Митину. – Его молодость и застрявшая не по годам детская непосредственность ему и помогут, должны понять друг друга» – и, покачив головой, села за стол, чтобы доделать отчёт.

Глава 22. Поведанная тайна

После поездки Костя и Антон сразу пришли в клуб, но Пал Палыча в нём не оказалось. Встретившийся сторож сказал, что все уехали в пионерский лагерь «Дубки» на экстренное районное мероприятие. Ребята поняли, что сегодня педагог не вернётся.

– Хотели находку показать, а его, как назло нет, – проговорил недовольно Костя.

– Так всегда бывает, – подтвердил Антон, – когда позарез нужно, то и нет.

– Диман мне диск обещал дать, надо сходить, – сказал Костя, – пойдёшь? – обратился он к брату.

– Не-а...

– Почему?

– Я лучше здесь, на пруду посижу.

– Чего здесь делать, на козлятник смотреть?

«Козлятником» жители этого микрорайона называли дом культуры, что стоял рядом с прудом. Дело в том, что он был построен в том месте, где раньше паслись козы. Коз потом повывели, а название осталось.

– Почему Пал Палыча нет? – буркнул недовольно Антон. – Как не надо, так всё время в «Спутнике», а как надо... – он не договорил, душила обида.

– Ладно,... сиди, а я сбегаю к Диману, – сказал Костя, а то куда-нибудь тоже утопает.

– Иди... – и Антон стал смотреть на набегавшие на берег волны.

Так он сидел, пока не бросил взгляд на прибывший к берегу волнами круглый деревянный плот. Антон встал, подошёл к берегу, ступил на плот и, оттолкнувшись палкой от берега, поплыл. Он не заметил, как оказался на середине пруда. Плот мог выдержать и троих ребят, таких как Костя, а одного Антона он держал хорошо. Верхние доски на плотике были сухие и даже тёплые от пригревавшего солнышка. Антон лёг на плотик и стал смотреть в небо.

Редкие облака плыли в нежной синеватой зыби. Справа они цеплялись за коллективные антенны на крышах девятиэтажек, а слева – за макушки высоких деревьев, обрамлявших пруд и отделявших его от строящегося спортивного комплекса. Солнце смежило глаза и, пропуская его лучи сквозь ресницы, мальчик удивлялся разнообразию свечений.

Антон склонил голову набок и стал смотреть то на камыши около берега, то на гребешки волн. Когда ты лежишь почти на воде, то впечатление от этих камышей, зеленоватых волн и трепещущих крылышками над водой бабочек, совсем иное, нежели когда наблюдаешь всё это с берега. С плотика всё выглядело сказочно красиво. Камыш был похож на великанов, которые в погоне за мальчиком наткнулись на водное препятствие и, зайдя по колено в воду, и не решаясь дальше преследовать беглеца,

только стоят и качают головами, а обрывистый бережок в это время вырастает в размерах до неприступного горного массива.

И вдруг Антон увидел, как по краю его круглого плотика скачет самый настоящий человеко-конь с трезубцем в одной руке и со щитом в другой. «Так это наша находка, – подумал Антон, – а, может быть, я просто сплю и мне всё это представляется? Но, я же не сплю, я вижу камыши, деревья, волны. Тогда что это? Такого не бывает...»

– Такого не бывает, – проговорил он вслух. Но, тут же у самого уха он ясно услышал голос: «Бывает,... бывает,... да приди в себя,... ты, лежебока».

Антон встрепенулся, и пристально посмотрел перед собой. Нет, ему ничего не почудилось. Перед ним действительно скакал по жёлтым доскам плота тот самый кентавр, которого они нашли на чердаке старого дома. Для убедительности Антон сунул руку в карман. В кармане игрушки не было.

– Что-о, почива-ешь, Тоша!?! Не время почивать, да под лучами светила нежиться, – услышал он тоненький, но пронзительный голосок.

– А ты что, разве настоящий, а не игрушка!?! – спросил Антон удивлённо.

– Мамушка ненастоящих не лепила, и потом, мне некогда здесь болтать, а надо выручать из беды товарищей, – проговорил кентавр.

– Пстой. Какая мамушка? Какие товарищи? Как тебя зовут? Ты что, пришелец из прошлого?

– Причаливай скорее к берегу, мальчик. Я не смог от тебя ускакать только из-за этой воды. Я страшно её боюсь.

– Отчего же ты её боишься?

– Потому, что я так сделан.

– Я не понимаю,... нет-нет,... нет. Я догадался. Ты не обожженная игрушка. Нам Пал Палыч об этом рассказывал, да и мы сами чаще всего лепим сушки. Мы всё это в кружке узнали, – похвастал Антон.

– Вот видишь, какой ты умный и знающий человек, – проговорил кентавр.

– А как тебя зовут? – поинтересовался Антон. – Ты меня по имени называешь, а я не знаю как тебя называть...

– Меня зовут Свистопляс. Я самая древняя игрушка.

– А почему Свистопляс?

– Потому, что я умею очень хорошо свистеть, а скачу так, что ни одна лошадь за мной не угонится. Встаю на дыбы, то есть, на одни задние ноги. Могу развернуться на копытах задних ног на 360 градусов. В сражении я использую все эти приёмы и издали кажется, что я пляшу, вот и прозвали меня Свистоплясом.

– Так почему ты от меня хотел сбежать?

И тут кентавр перешёл на шёпот. Он подскакал к лицу Антона и тихо заговорил:

– У меня в старом доме остались друзья, много друзей. Пегас и Муха обнаружили нас, но взяли только одного Гуделку, а вы меня. Неровен час, они вернутся и возьмут всех остальных.

– Откуда ты знаешь про Пегаса и Муху?

– Они так себя называли, когда залезли на чердак, а вы с товарищем стояли за трубой.

– Это не товарищ, а Костя, мой родной брат.

– Ты прости, я пока в родственных отношениях мало чего понимаю.

– Кто эти твои друзья?.. Откуда?.. Как попали на чердак?.. – спросил Антон.

– На чердак их отнёс в ящике дворник Никита.

– Мы знаем дворника Никиту. Он нам сам разрешил залезть на чердак, – сказал Антон.

– А мы подумали, что вы воры... или люди нового хозяина дома.

– Какого хозяина?

– Да гребни ты к берегу и не останавливайся... – укоризненно сказал Свистопляс.

После этого Антон, ещё в полной мере не осознавая широту проблемы, усиленно заработал палкой, а Свистопляс, забыв, что он может размокнуть, склонился и пытался, лежащей на плотике веточкой достать дна, но дна не было. А, в общем, какое там дно, когда для Свистопляса пруд был – целое море.

– Какого хозяина? – переспросил Антон, – продолжая грести.

– Такого хозяина... Мы слышали и видели, что дом купил толстенький господин с круглой головой и в белых брюках. На вид добрячок. Мы его даже и прозвали «добрячок». С ним была красивая на личико синеволосяя девица, её глиняши прозвали «Барби». Сначала они нам добренькими показались, а потом... – и губы Свистопляса задрожали. – Они хотят дом сломать, а на его месте построить коттедж. Не знаю, что это такое. Ясно только одно, что нашего старого дома не будет, а над моими братьями нависла опасность. Они ведь сидят в ящике из-под мыла. Мы их с Глиней хотели выручить... А тут эти мальчишки Пегас с Мухой, унесли моего друга Глиню.

– Какого Глиню?

Тут плотик стукнулся о береговую кромку. Антон и Свистопляс спрыгнули на берег.

– Мне надо идти выручать друзей, – проговорил кентавр, – счастливо оставаться, Тоша, – и он, было, направился прочь, но Антон его остановил.

– Я тоже с тобой пойду!

– Зачем тебе?

– Не могу поступить иначе, когда кто-то в беде.

– Великолечно,... идём вместе... – обрадовался Свистопляс, – а то я не очень ориентируюсь в городе, а точнее – совсем не ориентируюсь. Я по дороге

расскажу тебе немного о моих братьях и сёстрах, о Глине... Хорошо?

– Кто такой Глиня? – шагая рядом с Свистоплясом, снова спросил Антон.

– Глиня – мальчик. Его ещё Гуделкой зовут. Глиня – его настоящее имя, а Гуделкой его игрушки прозвали, потому как имеет на груди и животе игральные отверстия и может наигрывать музыку. Он для меня марши военные играет. Мы с ним друзья-соратники и друг друга понимаем без слов. Если желаешь знать, мы с ним создали : «Лигу борьбы за справедливость и порядок» сокращённо «ЛБСП» и боремся с вещизмом, алкоголизмом и прочими человеческими слабостями.

– Интересно, – удивлённо сказал Антон, – а мы с ребятами до этого не додумались. Я, правда, читал в одной книжке, что были тимуровцы, которые боролись с хулиганами и помогали старикам и детям, но это было так давно.

– А они с вещизмом боролись? С пьянством, табакокурением, сквернословием? – заинтересованно спросил Свистопляс.

– Нет, с этим не боролись,... Обворовывать чужие сады мешали... – сказал Антон, вспоминая прочитанную им повесть «Тимур и его команда», – а вы, значит, боретесь?

– Обязательно. И ещё как...

– И каким образом?

– Вот недавно пришёл к нам во двор один любитель выпить, сел под Никитину вишню и опорожнил целую бутылку горячительного, вторую бутылку раскупорил, да разомлел на солнышке, задремал. Мы в это время с Гуделкой подкрались, содержимое бутылки вылили, а воды туда налили.

– А дальше что?

– А ничего, – улыбнулся кентавр, – очнулся мужичок, бутылку нащупал и в рот тянет, думает, что заветную влагу пьёт. До половины выпил, отнял от рта, смотрит на бутылку и ничего не понимает. Вот смеху было...

– А что с табакокурением? – спросил заинтересованно Антон.

– Тут тоже от души посмеялись... Нюрка у нас во дворе живёт, в школе учится, а курит. Мы выследили, где она сигареты от родителей прячет, за сараем, в воробьином гнезде, достали пачку, сигареты вынули и подмочили. В общем, Нюрка сигарету раскуривает, пыхтит, дым в глаза, кашляет, чихает, а толку никакого. – И чтоб окончательно сразить Антона добавил, – Мы ещё устраиваем акции.

– А это что такое? Лекции что ли всяким матершинникам читаете?

– Не-е-е, у нас свои способы. В нашем дворе живёт один предприниматель, он в своей машине музыку гоняет, развлекается.

– А что, нельзя?

– Почему же нельзя. Если по-нормальному – то можно. А он включит на всю мощь магнитолау и двери в своём Мерседесе откроет. Он двери открывает, а люди окна и форточки закрывают.

– И что же, вы ему провода перекусили что ли? – спросил Антон, заранее улыбаясь.

– Нет, мы ему шины прокалываем, когда включает, – и довольно засмеялся.

– Лихо вы развернулись, – с завистью сказал Антон.

– Правда, не все игрушки разделяют наши взгляды, – вздохнув, сказал кентавр. – Одни подсмеиваются и считают, что это чудачество или завихрения молодости. Так говорят Мурлотик и Пустолай. Только не все так думают. Дуня и Катерина, чувствуется, за нас боятся, что мы влипнем в какую-нибудь историю и для порядка ворчат. Васька-гармонист, Беянка и Смуглянка – одного поля ягоды, этим гламур подавай, они над нами подсмеиваются, да ёрничают и больше ничего. Так мы этому Васяте-гламурщику тоже подстроили, взяли и подкрутили колокольчик у Саратовской гармошки, Васька нажимает на клавишу, а колокольчик только шипит как змеюка, а не звенит весело, как обычно. Правда, потом он всё равно гармошку наладил. Я смотрю, вы стоящие ребята, вступайте в нашу Лигу! Вместе мы таких дел наворочаем, – задорно и убедительно сказал Свистопляс.

– А у вас программа или устав есть? – спросил Антон, с интересом слушая глиняного человека-коня. Спросил так, для порядка, потому как слышал по телеку о таких вещах.

– Нет, – опешил кентавр, – нам об этом никто ничего не говорил,... мы просто боремся, вот и всё. Расписание есть по борьбе со злом.

– А вы его не на трубе вывесили? Там ещё Англия значится... Мы посмотрели с Костей, но так ничего и не поняли.

– Да, на трубе... А программа это что такое?

– Программа, – проговорил Антон понемногу краснея, – программа,... программа. – Он явно не знал, как ответить на этот вопрос, потому как над этим словом никогда не задумывался. Наконец он справился с минутной растерянностью и твёрдо сказал, – в программе цель ставится.

– Что за цель? – спросил кентавр.

– Чего вы желаете добиться? Вот, чего вы с Глиней-Гуделкой хотите добиться своими акциями?

– Мы хотим, чтобы все: и люди, и игрушки, и животные жили хорошо, – ответил, не раздумывая, Свистопляс.

– Как это хорошо? Это понятие растяжимое. Ваш музыкальный предприниматель уже живёт хорошо, он себе хорошую жизнь устроил.

– Так он для одного себя рай устроил, а мы хотим, чтобы все дружили, занимались своим люби-

мым делом, имели жильё, одежду, еду, а не так – у одного вся верёвка разными платьями да коврами увешана, а у другого одна рубашка и то штопаная. Это мы в нашей Лиге считаем неправильно. А ты как считаешь? – Кентавр с любопытством посмотрел в глаза мальчику.

– Я тоже так думаю, – твёрдо сказал Антон. – Только тут надо различать, кто эти рубашки да автомобили честным трудом заработал, а кто украл? в целом же, я – за.

– Вот и хорошо! Вот и отлично! – с жаром проговорил Свистопляс. Оказывается мы с Гуделкой не одни. Оказывается и среди человеческих детей есть те, кто разделяет наши взгляды... – и он крепко двумя передними копытами и двумя руками пожал Антону руку. – Не должно быть на земле такого, что один под забором спит, а у другого хоромы на одного, не по совести это,... правда?

– Правда, – сказал Антон. – Есть ещё пословица, что от трудов праведных – не бывает палат каменных.

– Мы хотим, чтобы всё было по совести, – добавил кентавр, стараясь приспособить свой шаг под шаг Антона. У Антона шаги были широкие и Свистоплясу нередко приходилось идти с прискоком, чтобы находиться вровень с Антоном. – Никита говорит, что законы тоже должны быть совестные

– Это вы здорово придумали,... настоящим делом занимаетесь. – Восхищённо сказал Антон. – Только мне непонятно, как вы праведные богатства от неправедных отличаете?

– С этим была у нас проблема. Теперь мы над этим голову не ломаем, все должны жить исходя из принципа разумной достаточности. Если нет в потреблении разумной достаточности, то извини и подвинься.

– Что это за разумная достаточность? Я о такой не слышал.

– Ты же в школе учишься, а не слышал. – С укором сказал Свистопляс.

– Может быть в старших классах скажут, а пока нет...

– Твой брат старше тебя?

– Старше.

– И ему тоже не говорили?

– Не говорили... – и Антон покачал головой.

– Чему же вас там учат? – посетовал кентавр, – это же главный закон жизни на земле и ему не учат. Кентавр ещё немного повозмущался насчёт школьного обучения, а потом сказал: – Ладно, это дело поправимое. Я тебе сейчас всё объясню, нас этому мамушка учила и Никита об этом говорил. Вот животные, например, не обжираются и имеют всего одну одежду: птицы – перья, овцы, козы, собаки,

кошки – шерсть. У каждого только по одной шубе и не больше.

– Ты тут не прав, – сказал Антон, – собаки на лето и в зиму волосяной покров меняют, это для того, чтобы летом было не жарко, а зимой не холодно.

– Ну, хорошо, хорошо, пусть две одежды или даже четыре, там ещё есть весна или осень, когда не холодно и не жарко. Так всё равно получается всего четыре, но не сто четыре. Вот это и есть разумная достаточность. У животных она в генетике заложена, а у человека нет, он должен сам себя ограничивать в любом потреблении. Понял?

– Понял, только зачем тогда всякая реклама?

– А её и не должно быть в том виде, в каком она есть, – весело сказал Свистопляс, – наша реклама навязывает товар, а стало быть, и раздувает потребительскую алчность, заражает человека болезнью потребления.

– Надо чтоб были просто информационные листки с наименованием товаров и их назначением, – добавил Антон, – без всяких видеороликов и тому подобных рекламных трюков.

– Я вижу, ты проникся, – довольным голосом сказал Свистопляс. С такой рекламой мы тоже боимся, чтоб вредные привычки и вредные потребительские унастроения не разжигались.

– А что? Разумная достаточность – это здорово! Я «за». Хорошо, что наш разговор не слышит Мухаев, он бы был против.

– Почему?

– Он очень любит всякие напитки, особенно лимонад. Он однажды лимонада напился так, что к нему скорая помощь приезжала, клизму делали. Только это ему не помогло.

– Что? Клизма не помогла?

– Случай этот одуматься не помог. – Уточнил Антон.

Какое-то время шли молча.

А ты тоже хорош, – сказал кентавр, обращаясь к Антону. – Я только собрался выручить друга, как ты схватил меня и положил в карман. Разве это дело, хватать меня при исполнении долга!? А теперь я не знаю, куда унесли Глиню? Да и игрушки сидят в ящике. Мы с Глиней пытались его открыть, даже трезубец погнули, да ничего не вышло. Потом этот Муха,... хватъ Глиню, и в карман.

– Мы это поняли из разговора Мухи и Пегаса, – сказал Антон.

– Вот – вот, и не стало Глини.

– Тогда надо ехать на Большую Горную на вырчку, надо освобождать игрушки из ящика, – сказал Антон.

– А я о чём тебе битый час толкую.

Конечно, Свистопляс говорил ни целый час, а не больше пяти минут, они дошли только до пешеходного моста через железную дорогу, а мост был от пруда в пяти минутах ходьбы. Вскоре они пришли на троллейбусную остановку на четвёртом жилом участке. Антон, предусмотрительно, заранее поло-

жил Свистопляса в нагрудный карман, чтоб на него кто не наступил и вскоре они уже ехали в троллейбусе по широкой, набитой автомобилями, улице.

– Где мы едем? – спросил Свистопляс, высунувшись из нагрудного кармана.

– По улице Чернышевского, – ответил Антон. Сиди ты спокойно, не дёргайся.

– А остановку не проедем? – спросил Свистопляс.

– Нам до конечной, не бойсь.

– А где эта самая «Конечная»?

– В аккурат около краеведческого музея сойдём, а там рукой подать, – успокоил кентавра Антон. Только Свистопляс никак не мог успокоиться, видно ему каким-то образом передавалось волнение других игрушек, находящихся в ящике из-под мыла. Он точно не знал, что там происходит, в этом ящике, а происходило там следующее.

Глава 23. Рухнувшие надежды

– У меня очень плохое известие, – сказал Заступник, – сдвинув крышку ящика и наблюдая через слуховое окно за улицей (ящик как раз стоял около слухового окна). – К нашему дому двигаются какие-то оранжевые чудовища и рычат, – прокомментировал он. – Вместо ног у некоторых нечто напоминающее мамушкины очки, только гораздо больше размером, а у одного блестящая и постоянно бегущая лента. По всей видимости это завоеватели.

А вот этот с ногами, похожими на зубатого червяка, длинной шеей и зубатой головой напоминает мне Змея Горыныча, в новых латах. Думаю, что это очередная хитрость Змея Горыныча или Бабы Яги. Они на это дело горазды.

– Что это значит? – спросила настороженно Ду-
ня.

– Не знаю... – пожал плечами Заступник, – аг-
рес-сия, видно.

– Раз Заступнику удалось открыть ящик, то да-
вайте из него выберемся, – сказал Мурлотик, – и
сами посмотрим... Заступник, освобождай про-
странство, а то расположился как комментатор в ка-
бинке.

– Умная мысль, – проговорил Пустолай и стал
подталкивать Заступника под зад. Как только из
ящика выбрался Заступник, другие игрушки тоже
стали карабкаться. Вскоре все они были на свободе
и столпились у слухового окна. Они не знали, что к
дому подходит строительная техника и что оранже-
вые доспехи – это никакие ни латы или хитрости
Змея Горыныча, а машины и механизмы с завод-
ской окраской. Через слуховое окно было видно,
как оранжевые машины полукольцом располага-
лись около дома, в стороне стоял возбуждённый
Никита, он что-то говорил и постоянно жестикули-
ровал. Но, что он говорил, было не слышно.

– Смотрите, наш Никита! – сказала Дуня радостно.

– Не слепые, видим – заметил Пустолай, – наблюдай лучше.

Поодаль они увидели «добрячка» с синеволосой Барби. Они стояли около своего чёрного «шевроле» и наблюдали за движущимися чудовищами.

А ещё они увидели приближающегося к мамушкиному дому мальчишку, очень похожего на того, что был у них на чердаке и прятался за трубой. Разумеется, они не могли рассмотреть в его нагрудном кармане Свистопляса, а то бы весьма удивились. Мальчишка шёл быстро, видно очень спешил.

.....

Антон и Свистопляс не смотрели в сторону слухового окна и не видели, наблюдающих за ними, глиняшек. Они подошли к дому в тот самый момент, когда во двор въезжала техника. Антоша сразу заметил дворника Никиту. Тот, увидев Антона, предупреждающе замахал руками и прокричал:

– Сюда нельзя, паря,... видишь... – и он кивнул на спецтехнику и самосвалы.

– Чего это они? – спросил, подойдя Антон, и кивнул на бульдозер и погрузчик.

– Дом собираются ломать, – сказал дворник, пытаясь скрыть набегающие на глаза слёзы.

– Что? Дом!! – воскликнул удивлённо Антон и рванулся к крыльцу, но Никита поймал его за рукав:

– Куда ты?!... Головы не жалко...
– Там же игрушки!! – выкрикнул Антон.
– погоди, не торопись,... стой здесь, может быть
удастся уладить. Я сейчас, – и он пошёл к Фоме Фо-
мичу.

.....

– Зачем Никита пошёл к этому «добрячку»? –
проговорила Катерина – мальчишка на месте остал-
ся, а он пошёл, видно решил с чудовищами через
«добрячка» дипломатические переговоры вести.

– Ты не права. «Добрячок» и Барби заодно с эти-
ми рычащими чудовищами, – проговорил Заступ-
ник, – он даже показывает им где встать, то есть вы-
страивает их для нападения. Такого в моей боевой
практике ещё не было. Жаль, нет с нами Свистопля-
са. Может быть, он что-нибудь вспомнил бы из
жизни древних славян. Возможно, в тысячелетней
практике народа уже были такие ситуации?

Оранжевые чудовища, рыкая и поднимая пыль,
выстраивались около дома. Никита, подойдя к «до-
брячку», что-то пытался ему объяснить, видимо в
последний раз, он размахивал руками и что-то до-
казывал, но из-за рыка оранжевых чудовищ, его не
было слышно. Было видно, что он очень недоволен
ответами «Добрячка». Такого возбуждённого и сер-
дитого лица у Никиты глиняшки никогда не виде-
ли. А если бы не рычание, то они обязательно бы
услышали следующий диалог.

Никита: Мы так Фома Фомич не договаривались, не по-честному это!...

Фома Фомич: – Никита! Кто тебе мешает лежать под твоей вишней? Никто... Ты как получал свою зарплату, так и будешь получать. Тебе хватало её на пиво, так чего тебе ещё надо? Я тебя устроил ещё дворником к очень порядочному человеку. Он тебя обижает?... Нет... Чего тебе ещё ?

Никита: – Я пиво не пью.

Синеволодая: – Он, наверное, сухого винца марочного захотел. Так, Никита? Чего молчишь?

Никита: – Вы же говорили, что не тронете дом,... не будете его ломать...

Фома Фомич: – От своих слов не отказываюсь, говорил, обещал. Так это на тот момент было, но планы и обстоятельства меняются... А чего бы ты хотел? – спросил Фома Фомич, глядя на дворника улыбочивым глазом. Это у тебя обстоятельства раз в жизни меняются, а у нас бизнес, сегодня одно, а завтра – уже совсем другое.

Никита: – Здесь жила последняя игрушечница города,... великая мастерица...

Фома Фомич: – Ну, и что теперь? Жила, померла. Мы её что, воскрешать должны, или мавзолей для неё построить?

Никита: – Не воскрешать, а сделать из этого дома музей. Ведь здесь всё есть: и сита, и крупуруш-

ка, и игрушки, и лари. Это же история, это память,... нельзя так.

Синеволося: – (в лицо Никите) Ха-ха-ха! Даже и не подумаем. И вообще,... дядя с метлой! Кто ты такой, чтоб указывать?! Патриот нашёлся...

Никита: (*угрожающе подняв метлу*) Уматывайте отсель по добру - по здорову!

Синеволося: – Он нам, милый, кажется, угрожает!.. Ах ты сиволапый...

Дальше можно не комментировать. Что происходило во дворе потом, глиняшки и так хорошо видели. А ещё они видели, как напротив, наблюдают из густых кустов за происходящим во дворе двое мальчишек. И уж что-то очень знакомыми кажутся им их фигуры. Один низенький, широколиций в фуражке с длинным козырьком, другой в клетчатых брюках с интеллигентным лицом. В этих наблюдателях было что-то знакомое.

– Присмотрись – ка, брат Мурлотик, вон к тем молодцам, что из овражка выглядывают, – проговорил Заступник, – не кажется ли тебе, что это они унесли нашего Глиню с чердака. Вон тот, что поменьше, сунул его в карман.

– Ты прав, – ответил кот, – это они. И мой аналитический ум говорит о том, что и этот мальчишка, и те двое в овраге, пришли по нашу душу, только их «добрячок» опередил. Эти двое в овраге, о чём-то

совещаются? У них озабоченные лица. Они друг друга тогда ещё «Пегой» и «Мухой» называли. По ним видно, что не ожидали они здесь увидеть чудищ.

.....

Этого Пегас и Муха действительно не ожидали. Хотя они могли, как только пришли, пробраться в дом, но помедлили, пытаясь определить, где дворник, уж очень не хотелось зарабатывать метлой по спине и пока оценивали обстановку, во двор стала въезжать строительная техника. Первыми въехали два оранжевых самосвала.

За ними проследовал на больших колёсах погрузчик с покачивающимся ковшом и блестящими стальными зубьями, а потом, лязгая гусеницами, въехал бульдозер с огромным стальным ножом впереди.

– Вот тебе раз, – сказал разочарованно Пегас, наблюдая за движущейся техникой. Опять неудача. Заколдованный что ли этот дом под черепицей или нам горбатая ворона дорогу перебежала?! – Следом за техникой во двор въехал чёрный «шевроле». Из него вышли улыбчивый господин в белых брюках и синеволосая дивица.

– Знакомые всё лица, – проговорил Пегас, вытягивая шею и высовываясь из своего убежища, чтобы лучше рассмотреть приехавших.

– Откуда ты их знаешь? – спросил Муха. – Я их раньше не видел.

– А я видел...

– Где же?

– На свалке, вот где... Это сам директор свалки Тараканов со своей мымой.

– Он тебя знает?

– Нет... я дело на свалке только с Симой имел. Его видел на расстоянии. Сима меня к нему не допускал. Ему близ Тараканова лишние люди ни к чему были.

– А что ты на свалке делал?

– Деньги делал, – что там делают!

– А я думал, что там мусор закапывают, – удивлённо сказал Муха.

– Одни деньги закапывают, а другие их раскапывают. Я отношусь к тем, кто их раскапывает.

– А что ты меня туда не сводил?

– Меня самого оттуда попёрли... Конкуренция. Свалку под собой Сима держит. Я ему конкурент. У него там бомики в мусоре ковыряются. Свалка, Муха, – это Клондайк. Туда вместе с мусором такие вещи вывозят – им только в музее стоять. А сам Сима там деньги нашёл, зелёные, доллары, настоящие.

– Везуха, – проговорил Мухаев и глаза его жадно заблестели.

– Не будь рабом зелёных, – весело проговорил Леонид.

– А сам по базарам таскаешься, что скажешь, не из-за денег? – проговорил сердито Муха.

– Меня интересует процесс их добывания и шествования их по человеческим душам. Запомни, Муха, – процесс добывания денег это простой механизм. Схема – шестерёнки, винтики и гайки меня уже не впечатляют, я с этим давно разобрался.

– Что ж тебя впечатляет?

– Меня интересуют более высокие материи. Ладно, об этом, всё равно не поймёшь. Только знай, если в тебе проявиться алчность – брошу.

– А кого возьмёшь, Костяна?

– Костян думающий, но не рисковый, а мне адреналин в жилах нужен.

Пегас замолчал; замолчал и Муха. Оба стали наблюдать за тем, что происходит во дворе.

И вдруг Пегас стал втягивать шею и укрываться за кустами. Муха посмотрел во двор и увидел, что к дому приближается дворник с мальчишкой. В этом мальчишке они узнали Антона.

– Вот тебе киндер-сюрприз, – удивлённо воскликнул Пегас. – Час от часу не легче и подозрительно поглядел на Муху. Муха отвёл глаза. Тем временем, было видно по жестам Антона, что он хочет проникнуть в дом, но Никита его удерживает.

Тут подъехал Камаз и загородил от них и двор и дом.

– Нашёл, где встать, – пробурчал Муха. Камаз стоял не долго. Когда он отъехал, они увидели, как двое из охраны Фомы Фомича избивают лежащего на земле человека.

– Наверное, дворника, – сказал Муха.

– Кажется...

– Так ему и надо косоюзому, – сказал Муха, нечего метлой спины подметать.

– Заткнись, – зло сказал Пегас.

– Я чё, не правду говорю?

– Правду, только кислую.

– Какую, какую??

– Плакали наши денежки, – вместо ответа сказал зло Пегас. Такого провала у него ещё не было.

– Давай посмотрим, интересно ведь, – сказал Муха.

– Чего тебе интересно? – грубо и зло спросил Пегас.

– До смерти убьют или нет, – часто моргая ресницами проговорил недоумённо Муха.

– Чего, на голову бо-бо! – Проговорил удивлённо Пегас, – мы к этому делу не причастны, ещё в свидетели загребут. До смерти не убьют, народу много, вон сколько столпилось на противоположной стороне... Жить надо по-тихому. – Пегас плюнул на

землю, проговорил зло. – Ну и скоты! Вот скотобаза!

– А чего ругаешься?

– Не твоё дело, наблюдай давай.

– А чё наблюдать, этот Тараканов приказал мордovorотам избить дворника, вот и всё, тут и валенку понятно. Видишь, какая у него презрительная мина, как он смотрит на этого дворового.

.....

И действительно, улыбчивый глаз Фомы Фомича налился злобой, он кивнул двум молодым крепким парням, повидимому телохранителям, и те, взяв избитого Никиту за руки и ноги, отнесли и, раскачав, бросили под вишню, сказав напоследок: «Вот тут и лежи, спаситель отечества, знай своё место. А будешь плохо лежать, то мы вернёмся, а тебе это нежелательно. Если мы вернёмся, то будет больно и даже очень».

– Я тебя не боюсь! – выкрикнул Никита и плюнул в лицо верзиле. После чего последовал удар в лицо и Никита повалился под вишню. Из разбитых зубов его полилась кровь. Вдруг, откуда не возьмись, появился Антон, и, прыгнув на верзилу, вцепился ему зубами в руку. Верзила выдернул руку. «Сволочи,... Сволочи!!» – кричал Антон и бил кулачками верзилу по спине, голос его терялся в рёве моторов. Он заступился за дворника, но этот поступок ему даром не прошёл. После хорошей оплеухи он упал

на Никиту, затем вскочил, но Никита удержал его за рубашку и, покачиваясь, встал сам.

Ах! Как бывает порой страшен тихий простой русский человек в гнев своём. Когда не очень крепкое тело его вдруг наполняют неведомые силы дикой ярости. Какие гены и почему, до селе молчавшие, вдруг заявляют о себе и руководят русичем? Откуда в нём берутся силы, смелость и решительность, чтобы с таким жертвенным отчаяньем сопротивляться злу? В это время в нём перестаёт работать внутренний закон самосохранения, а равно и другие законы выживаемости, потому как лопается с визгом и стенанием пружина терпения и миролюбия, заложенная в него творцом, и выходит русский человек из себя, а его миролюбивая и жалостливая душа летает в отчаянье по телу и ищет спокойного места, и не находит его. Или может быть это тёмные тайные силы, поправ закон Творца, перегрузили человеческую душу сверх меры пакостями, которые только они умеют творить над человеческим существом, а затем в испуге разлетаются, кто куда, не в силах контролировать зажжённое ими буйство. Велик кроткий человек в своей несокрушимой ярости праведного гнева.

Никита, поднявшись с земли и отерев тыльной стороной ладони окрававленный рот, вдруг как бы вырос, поднялся, а, может быть, его обидчикам это

только показалось, только накачанные телохрани-тели почему-то попятились, а дворник, отбросив в сторону метлу, схватил ближе стоящего к нему верзилу, легко поднял над головой, как поднимает весенняя волна в реке щепку и иной мусор, и бросил его в наполовину наполненный мусорный бак. Охнуло и выгнулось железо бака. Без злобы глядят Никитины голубые глаза на поверженного лиходея и искрящиеся лазоревые смешинки, мелькнув в их глубине, переходят и скользят в складках его губ. Минута и следом за первым верзилой место во втором баке занял другой и только четыре волосатые ноги в до блеска начищенных ботинках, торчащие из баков, напоминают видевшим, разрешившееся здесь справедливое возмездие.

И вот уже Никита поворачивается к Фоме Фоми-чу и синеволосой. Ужас исказил прелестное личико девицы, и проявилось на её лице внутреннее урод-ство, до селе прикрываемое маской добропорядоч-ности, а оба глаза «добрячка» Фомы Фомича засты-ли в злом выражении. Новые хозяева дома впрыг-нули в «шевроле» и застучала синеволосая в спину водителя маленькими жёсткими кулачками с одним требованием – немедленно уехать.

Фома Фомич из автомобиля махнул бульдозери-сту рукой, дескать, начинай. Трактор тронулся, за-клубилась пыль и скрыла Никиту и мальчишку, ко-торый бросился к парадному крыльцу дома, и скры-

ла эта пыль вышедшего из-за угла дома землемера, который никем не замеченный подошёл к мусорке, свалил набок баки с незадачливыми молодцами, затем поднял, вылетевший из мусорного бака мешок, подошёл сзади к Никите и ловко накинул его дворнику на голову, затем подставил ножку и толкнул. И сделал он это расчётливо, без суеты, как делают люди привычное им дело.

Никита упал лицом вперёд, во весь мах, как падает подкошенная трава, только охнула и глубоко вздохнула земля, приняв на себя живую тяжесть тела. И подалась от удара грудная клетка, и вышел из груди богатырский дух, и приняла его на время земля, потому как не настал час свершится не свершённого. После произошедшего, землемер тихо и незаметно удалился с довольной улыбочкой на лице, не поворачиваясь и не глядя как озверевшие охранники избивают ногами упавшего...

– Эй! Вы! Палицы захотели! – прокричал из слухового окна верзилам Заступник.

– За что? – проговорила, всхлипывая, Дуня, – Никита добрый, хороший...

– За это самое и получает, – выпустив когти, проговорил сквозь зубы Мурлотик, – шпана проклятая.

– Эй! Вы, сволочи! – закричал Пустолай, – зачем человека обижают!! – только за шумом работающих двигателей его совсем не было слышно.

– Прощайте, братья и сёстры, пора мне в поход, за правду и справедливость биться, сказал Заступник, – моё время настало, пришёл час, – и он отвесил игрушкам поясной поклон, прижав одну руку к груди, а другую, опустив вниз.

– А как же мы? – проговорила Катерина.

– С вами Мурлотик останется и Пустолай. Они вас не оставят, а мне надо с супостатами драться и искоренять эту чуму из земли русской. Так делали наши отцы, деды и прадеды. Так защищали землю князя и богатыри в прошлом, так должно поступать и нам в настоящем. Простите меня, если я кого обидел. Пусть простит меня мамушкин бог и поможет нам – Он ещё раз поклонился и направился к чердачной лестнице.

И только он сделал шаг к лестнице, как раздался сильный треск и грохот, вылетела рама слухового окна, одна из стропил обрушилась. Игрушки в ужасе спрятались снова в ящик и сама собой от сотрясения задвинулась за ними крышка. Один Заступник, перехватив поудобнее дубину, остался на месте и приготовился к сражению, а если надо, то готов был принять и смерть, как подобает настоящему воину.

Вот он увидел, как упавшая стропилина придавила крышку ящика. Заступник подбежал к ящику и

стал спиной сдвигать с него стропилину. Почему стали падать стропила? он не знал.

А произошло это обрушение потому, что нож бульдозера протаранил стену старого дома. Вбежавший в это время в сенцы дома Антон упал, так как пол под ним зашатался. Выпавший из кармана Антона Свистопляс, тут же вскочил на ноги. Его не испугали пыль и грохот. Вот его копыта процокали по лестнице на чердак. Пыль заволокла чердачное пространство, покосились и кое где рухнули стропила, обвисла кровля, Свистопляс скакал перепрыгивая через какие-то коробки, стулья, стараясь как можно быстрее доскакать до ящика из-под мыла. Вот он видит около слухового окна Заступника, тот пытается поднять с крышки ящика упавшую стропилину. Свистопляс бросается к нему на помощь. Но не успел он сделать двух прыжков, как кровля рухнула, Заступник вывалился в слуховое окно, а Свистопляса спасла печная труба. Она на какое-то время удержала на себе часть кровли, как раз в том месте где находился Свистопляс, но и это длилось секунды. От нового удара дом закачался и как большое, но ещё живое существо, вздохнув осел, завалившись нелепо набок.

– Ребёнок в доме!!! – закричал, срывая с себя мешок, Никита и, держась обеими руками за голову, покачиваясь точно пьяный, преодолевая боль в из-

битом теле, не обращая внимания на работающую технику, пошёл к дому. Вот он дошёл до дома, стал подниматься на крыльцо.

– Туда нельзя! – услышал он крик бульдозериста, но не обратил на него никакого внимания, потому что знал, что если дом рухнет совсем то...

Никита вошёл в парадную дверь. Пыль застилала глаза. И тут он увидел Антона. Рухнувшая кровля закупорила вход на чердак и Антон сиделся сдвинуть перекрытие и освободить проход.

Никита взял Антона под мышку и пошёл к выходу, цепляясь одной рукой за рухнувшие балки, повторяя:

– Гат-паразит,... людишки-человечишки... Вот плюнуть-не растереть что делают...

Антон пытался вырваться, а самого Никиту душили слёзы. Вот они вышли на крыльцо, спустились и Никита понёс Антона к изгороди. Антон уже не пытался вырваться, он плакал. Никита донёс Антона до вишни и, не выпуская его из рук, стал смотреть на дом. Он смотрел отрешённо, не чувствуя боли, да и досады тоже, он просто стоял и смотрел как рушится старый дом, рушится его прошлое и настоящее, рушится с этим домом его внешний и внутренний мир, и он откровенно плакал, не вытирая слёз. Пыль покрыла его лицо. И слёзы, скатываясь по щекам, промывали в осевшей пыли на лице извилистые светлые полосы.

– Пусти меня!.. Пусти!.. – вдруг закричал Антон и хотел снова бежать к дому. Он даже хотел укунуть Никиту за руку, но в этот момент Антон увидел, как вывалился из слухового окна игрушечный воин. Заступник упал на землю, но тотчас вскочил и, размахивая дубиной, бросился на бульдозер. Бульдозер в этот момент остановился, сдал назад, чтобы сориентироваться и обрушить свой страшный нож на ещё цепляющийся за жизнь дом.

Техника была с иголки. Иностранная. Ревели мощные моторы, обрушивая историю, уклад, подминая под гусеницы не только разросшуюся крапиву, но и душу Никиты, которая, на время оставив тело, невидимая летала вокруг дома, ударяясь как птица в окна, а тело Никиты просто стояло, поджидая мятущуюся невидимку.

Антон, не отрывая глаз, смотрел на глиняного чудо-богатыря, который, размахивая дубиной, двигался навстречу железной громадине. Блестело на солнце лезвие бульдозерного ножа, из кабины смотрел на стену ухмыляющийся тракторист. В створке, с подветренной стороны, где нет пыли, стояла чёрная иномарка и из её кабины смотрела на работу техники синеволосая Барби и маленький, толстенький в белом костюме господинчик с сигарой в зубах. Ему было приятно ощущать свою всевластность над этим старым домом, который через минуты превратится в кучу мусора. И если ему захочется, то он од-

ним движением руки остановит всякое движение в этом дворе, и если ему надо, то даже отремонтирует этот дом на старом фундаменте, подведёт под него новые венцы. Но он не будет этого делать. Для него это просто старое с подгнившими нижними венцами строение, которое просто необходимо снести и делу конец.

Тараканов, увидев Никиту, что-то сказал охраннику, тот подошёл к дворнику и сунул ему в карман сторублёвую бумажку. Никита этого даже не заметил... Антон в это время видел, как крошечный богатырь, подступив к железному огнедышащему дракону, ударил его дубиной по блестящему ножу раз, другой, третий... Брызнули из-под кованых шипов дубины искры, но не покачнулся дракон и даже не остановился. Он только поискал фарами-глазами смельчака, который посмел проявить в отношении его дерзость, но, из-за малости последнего, не видел его среди мусора. Но это длилось недолго. Чудище поводило фарами-глазами и наткнулось взглядом на крошечного человечка с дубиной и захохотало сразу всеми двенадцатью цилиндрами чугунного мотора. «Ха!-Ха!-Ха!.. Ха!-Ха!-Ха!..» И запрыгала на выхлопной трубе закрывалка – заслонка, и засмеялись, пища и скрежеща, гусеницы, выбегая вперёд, чтобы посмотреть на удальца. «Хи-хи-хить, хи-хи-хить» – смеялись они. «Дайте мне посмотреть,... дайте мне посмотреть на этого храбреца», – громко

говорила одна зубастая и особенно крикливая гусеница, протискиваясь вперёд и расталкивая подруг локтями.

Гусеницы, что достигли первого ряда наперебой удивлённо говорили одно и тоже: «Ах!.. какой он махонький, ха-ха,... а мы думали... Тоже нам герой...». «Дайте нам посмотреть,... дайте нам...» – доносилось с задних рядов. И тут увидел Антон Свистопляса. Он висел в воздухе, прямо над бульдозером на конце длинной жердины, зацепившись поясом за изогнутый гвоздь. «Я иду к тебе на помощь, брат Заступник, – кричал Свистопляс, дрыгая в воздухе ногами и размахивая трезубцем. – Сейчас мы покажем им кузькину мать!!!». Раньше это дрыгающее ногами существо на конце жердины, могло бы вызвать только ироническую улыбку, но не сейчас.

Впереди чудища была стена, именно на неё был нацелен нож бульдозера. Заступник пытался к стене, не зная, что предпринять против закованного в броню дракона, и всё бил и бил дубиной по его стальным клыкам. Вот над Заступником завис бульдозерный нож, он шевелился, выцеливая трещину между брёвнами. Нож на несколько секунд застыл и, примерившись, вонзил в трещину между рёбрами – брёвнами блестящее стальное жало. И посыпалась из смертельной раны засыпка, сохранявшая столько лет в доме тепло в жуткие январские стужи.

После этого удара, дом разом, обмяк, осел и уже не сопротивлялся. А с севера, вдруг надвинулась туча, налетел внезапно вихрь, Барби и Тараканов подняли стёкла в машине, а Никита, прижав к себе Антона, размашисто перекрестился.

И в этот ужасный момент, когда набегающие гусеницы страшилища уже стали накатываться на Заступника, жердина, на которой висел Свистопляс, покачнулась, накренилась и обломилась, кентавр, отцепившись от гвоздя, камнем полетел вниз, чтобы напоследок разделить участь товарища. И это падение Свистопляса для Заступника было спасительным, потому как Свистопляс угодил точно на крышку выхлопной трубы бульдозера и плотно её закрыл. Отработанным газам из мотора стало некуда выходить, мотор зачихал и тут же заглох, двенадцать хохочущих цилиндров испуганно замерли а, набегавшие на Заступника, сверкающие гусеницы остановились. Но дело было всё равно уже сделано – вместо дома во дворе высилась большая куча мусора с торчащими из неё переломанными стропилами, бoем кирпича, опилками и отлетевшими к самому её основанию две фронтоновые доски, украшенные, вырезанными и набитыми на неё деревянными голубками.

Всё было кончено. Старый, но ещё добротный дом прекратил своё существование. Где-то под кучей должен был находиться ящик из-под мыла, ес-

ли, конечно, он уцелел. А что случилось с Заступником и Свистоплясом не мог сказать никто.

После того, как дом рухнул, за дело взялся погрузчик. Он вгрызался в кучу, выхватывал из него куски побольше и отправлял в кузова оранжевых самосвалов. Кучка любопытствующих, с подветренной стороны, наблюдала за работой техники. Люди вполголоса говорили кто о чём:

– Любил дворник покойницу, – со вздохом, налегая на «о» говорила женщина крупного телосложения и очень добрым лицом. – Я-то уж знаю.

– Знамо, что-то было, раз охраны не побоялся, – поддакнула худенькая.

– А новый хозяин с размахом, – проговорила Чугуниха, – Никита на них с кулаками, а он ему раз и сто рублей в карман, знай наших. А тот взял,... не побрезговал, а сделал вид, что не заметил,... хитрюга.

– Не брал он,... просто не видел как ему сотку охранник в карман сунул, – заметил сипатый.

– Понятно, что не заметил, кто ж от сотки откажется, – опять встряла Чугуниха. – И, поверьте моему слову, бабоньки, умершая хозяйка дома колдунья была, вот те крест. – И она мелко перекрестилась.

– Что-то не слышать было, – засомневался обладатель сипатого голоса.

– Это вам не видать, а моему зятю, ой как видать, – пошла в атаку Чугуниха. – Как ни подъедет к дому, так два колеса обязательно проколят и нико-

го... Вот так-то! Милиционер молоденький приезжал разбираться, на коленях с лупой землю рассматривал и никаких следов. А кто следов не оставляет, сами знаете... – и она подчёркнуто снизила голос, – только нечистая сила,... вот.

Спорить с ней никто не стал. Все смотрели на работу погрузчика и не заметили, как бесшумно выкатилась со двора чёрная иномарка.

Глава 24. Зыбкий след

Когда Белянка и Смуглянка ждали на склоне Белой горы Василия, Пегас с Мухой беседовали в Глебучевом овраге, капитан Сорокина молча пролистывала старые дела, пытаясь понять, кто из ребят может быть вовлечён в криминальный бизнес.

Неожиданно дверь открылась и вошёл возбуждённый Митин.

– Есть новости? – спросила капитан.

– По проколотым шинам новостей нет, думаю что и не будет.

– Что так?

– Главную привязку – дом под черепичной крышей, откуда могли совершаться какие-либо действия, сломали. Я успел к шапошному разбору. При мне грузили остатки мусора в самосвалы, то есть всё, что от него осталось.

– Не густо, – сказала Сорокина... – а чего весёлый такой?

– Не совсем же я пустой приехал,... Марь Васильна.

– Тогда говори.

– Когда я увидел работающую технику во дворе, я сразу понял, что с проколотыми шинами наступил швах... Дом – была моя последняя зацепка. Больше проколы делать неоткуда.

– А почему именно дом? Как ты связываешь дом и проколы?

– Я вспомнил, как мы в детстве делали арбалеты.

– Что из того,... делали вы арбалеты с друзьями или нет?

– Я подумал, что при помощи такого арбалета, можно запросто продырявить колесо, тем более, я тогда у сторожа выяснил, что все проколы были сделаны в борт покрышки, то есть с боку, а не в протектор и именно со стороны дома. У колеса на прокол – это самое уязвимое место.

– Тогда почему эти стрелы от арбалета в колёсах не обнаружены? – спросила капитан.

– Я знал, что вы зададите мне этот вопрос, – сказал Юра и торжественно выпалил, – мы в детстве, чтобы не бегать за стрелами иногда привязывали к ним тонкую леску. За эту леску и возвращали стрелы назад. Вот я и подумал, что в сенцах, или в слуховом чердачном окне, обязательно должны остаться обрывки лески или нитки. У нас леска часто пу-

талась и мы её просто обрывали. Только теперь эту версию не проверишь.

– Жаль, Юра, что эта мысль пришла тебе в голову только сейчас, версия правдоподобная, а сама подумала: «Толковый, ... не зря на него положила глаз Муза Карповна». – Вот видишь, младшой, покопался в своём детстве, кое - чего вспомнил и на деле применил, это похвально...

– Не применил, товарищ капитан, а хотел применить...

– Нет, Юра, применил, ... применил, времени не хватило для реализации задуманного. Только по глазам вижу, что ты мне не всё сказал, говори уж, ... чего там, – и она, поправив волосы, приготовилась слушать.

– Не знаю, как и сказать, Марь Васильн. В общем, не стал я к дому подходить, тем более, что процесс погрузки был в самом разгаре, а встал за угол и вижу, как из Глебучего оврага за погрузкой мусора в самосвалы тайно наблюдают двое мальчишек. И кто же, вы думаете, это был?

– Не говори, Юра, загадками, право как ребёнок, – сдвинула брови Мария Васильевна. – Откуда ты взял, что они таились. Да разве мало мальчишек наблюдают за работой, особенно за сломом!

– Там, Марь Васильн, никто никого не прогонял, другие люди тоже смотрели, а эти таились.

– Тут ты молодец, а дальше что?

– Я увидел, что они с интересом наблюдают за двором и, как мне показалось, остались очень недовольны увиденным, то есть ликвидацией дома. Вот такой факт.

– Впечатление может быть обманчивым, – заметила Мария Васильевна.

– Не совсем так. Когда они уходили, то мимо меня прошли, и я услышал обрывок разговора, буквально несколько фраз. Один говорит: «опоздали», а второй: «я же тебе говорил, что сразу надо было брать». Тот в ответ: «бывает и на Маруху проруха».

– И это всё?.. – удивилась Сорокина.

– Так ясно же, что ребята не просто так приходили и были там не один раз, потому как уверенно на местности ориентируются.

– Может быть, они и прокалывали? – сказала Мария Васильевна. – В любом случае, если дом для них был рабочим местом по прокалыванию, то проколов больше не будет, – и оба улыбнулись.

– Ты чего смеёшься? – спросила Юру Мария Васильевна.

– Смешно получилось и со смыслом – прокол колёс и прокол в моей работе. Одно слово, а два значения и так здорово соединились...

– А ты можешь этих ребят обрисовать? – спросила капитан.

– Могу. Один маленький пухленький, рыженький; другой – на голову выше, русый, лицо тонкое, интеллигентное.

Сорокина стала перебирать в памяти имена и фамилии хулиганистых подростков. Кожевников – всплыла в памяти фамилия мальчишки из неблагополучной семьи. Но капитан сразу отвергла её. Мальчишка слишком открытый, чего натворит, то сразу и расскажет. Такому самое маленькое дельце никто из подросткового хулиганья не поручит, да и из взрослых тоже. А вот Пегасов?.. Она постучала костяшками пальцев о стол, – Пегасов,... Пегасов. С ним в паре Мухаев. Знают ли что они про сбор старья? Мухаев вряд ли что знает, не доверят. Хотя как знать, как знать: тихоня, себе на уме, с хитрецей. Этакий Санчо Панса, оруженосец Дон Кихота. Только вот Лёня Пегасов на Дон Кихота никак не похож: Этот с ветряными мельницами бороться не будет, умный, уверенный, эрудированный, почти отличник, но за оценками не гонится, относится к ним даже как-то наплевательски, когда необходимо – дерзкий и решительный. Из такого характера легко получится или воровской пахан, или учёный. Лёня – это тайна, с непредсказуемым будущим. Один раз в беседе с ним Пегасов так ей прямо и сказал, что на откровенный криминал никогда не пойдёт и ни под кем ходить не будет, так что, мол, Мария Васильевна, не беспокойтесь.

Сорокина потёрла переносицу. Она-то знала, что криминальный мир затягивает и таких, наверное, даже прежде всего таких, уверенных и безапелляционных. Умеют они их втягивать в свои сети. Но ближе к делу. Пегасов промышляет антиквариатом, вроде водит дружбу с Червонцем. Только вряд ли это дружба. Червонец,... Червонец,... вроде за прилавком стоит, а на самом деле эта торговая точка может быть местом наводок и передачи информации, а так же точкой приёма краденых или найденных вещей. Конечно, Червонец Лёню может использовать, но быть его другом – вряд ли. С ним Леня дружбу водить не будет, натура гораздо шире... Да, но Лёне... могут доверять. В любом случае, я бы доверила.

– Думаю, Марь Васильн, они из ваших старых клиентов, – прервал ход её мыслей младший лейтенант.

– Почему?

– Потому что живут не там, а здесь в Заводском, рядышком, я проследил за ними, в аккурат на улице Марины Расковой их дом стоит. У одного в первом подъезде квартира, приблизительно на третьем этаже, а у другого в третьем, этаж не знаю .

– Ты, Юра, самое важное говоришь в последнюю очередь. Конечно, это они.

Мария Васильевна помнила дом, в котором живут Пегасов и Мухаев.

– Надо с Пегасовым встретиться, – заключила инспектор, – только не здесь в кабинете и не при погонах, – и она стала думать о том, как вывести Пегасова на откровенный разговор не в казённой обстановке.

Глава 25. В полной темноте

Когда ломали дом, глиняшки, что находились в ящике и упали вместе с ящиком с чердака на землю, были в относительной безопасности. Толстый слой мусора, наваленного сверху на ящик не позволял всевозможным балкам, черепице и кирпичам стучаться о ящик. Можно сказать, что они были погребены вместе с ящиком под толстым слоем мусора. В ящике было абсолютно темно и глиняшки даже не могли видеть очертаний друг друга.

– Как в могиле, – сказал Пустолай.

– Хуже. В могилу живыми не закапывают, – поправил пса Мурлотик.

– Почему это не закапывают?.. Очень даже и закапывают. Я по телеку видел.

– А ты телек смотри больше и чаще, так глядишь крыша и поедет, – парировал кот.

– Нашли о чём говорить, – прервала спорящих Катерина.

– А о чём тогда говорить? – спросил Пустолай. – Как раз разговор в тему, что случилось – о том и говорим.

– Медведь тебе, Пустолай, на мозги наступил.

– А о чём, по-твоему, говорить надо? Скажи, раз такая умная...

– О чём угодно, только не о гробах.

– Давай, Мура, шепотком разговаривать, если наша тема некоторым уши режет, – и пёс с котом, отодвинувшись в уголок, стали тихо разговаривать.

– Так-то лучше, – сказала Катерина. – Ты, Дуняш, не обращай на них внимания.

– Я не обращаю, – тихо сказала Дуня, – только я не знаю, о чём говорят погребённые как мы.

– О любви говорят, Дуняш,... о любви. Только о ней и можно, и нужно говорить в таких ситуациях и ни о чём больше.

– Как же мы будем с тобой, Катерина, о любви говорить, когда ты даже замужем не была.

– Ну и что? – удивлённо спросила Катерина.

– Как что? Тебе уже сорок лет, а у тебя детей нет. А раз нет детей, то значит и любви у тебя никогда не было. Как же о ней говорить будешь?

– А кто тебе, Дуня, сказал, что у меня любви в жизни не было?

– Никто... Так... Сама подумала.

После этих слов Катерина порывистым движением притянула Дуню к себе, прижала и поцеловала в голову.

– Ты что? – удивилась Дуня Катеринину порыву. – Я сделала тебе больно своими словами? Я не хотела,... по глупости всё это,... Просто подумала, что у тебя ничего и ни с кем такого не было...

– Чего не было, Дуняш?

– Переживаний, чувств разных... Не было того, как у меня я из-за Васи... – Дуня осеклась и дальше говорить не стала.

Немного помолчали. Обоим было немного неудобно говорить, из-за того, что они не видели в темноте глаз друг друга, но с другой стороны, отсутствие всякой видимости позволяла обоим сосредоточиться на главном, что было в их душе, можно даже сказать – заняться созерцанием собственных чувств в то время, когда они уже отгорожены от мира плотным слоем мусора и каждый из них не мог не подумать о том, что возможно они не увидят белого света всю оставшуюся жизнь.

– Девочка моя, – заговорила Катерина немного сдавленным голосом. – Я прошу тебя... Никогда... никогда не говори мне этого...

– Прости меня, Катя,... я же не знала; не сердись, ладно?

– Я не сержусь. Просто твои слова,... слова мне напомнили...

По интонации в голосе было понятно, что Катерина сильно волнуется. Катерина помолчала, стараясь побороть внутреннее напряжение. Видно ей это удалось и далее уже начала говорить голосом спокойным:

– Давно это, Дуняш, было. И меня любили, и я любила. Да так любила, что, казалось, что перед тем чувственным жаром души ни одна преграда устоять бы не смогла – ни скала высокая, ни стена гранитная, ни льды материковые, всё бы попалил и растопил огненный смерч, что из сердца до неба столбом огненным стоял. Я и сейчас его огонь в душе чую, хотя столько лет прошло. Всё можно, моя милая, забыть, а вот этого нельзя. Чувства эти человек с собой всю жизнь несёт и с собой, когда совсем состарится, в могилу уносит.

Катерина опять замолчала, но ненадолго. Видно думала, как и с чего начать рассказ. Дуня понимала, что торопить Катерину не надо, сама скажет раз уж начала.

Катерина заговорила медленно, будто вынимая каждое слово из собственного сердца, рассматривая его духовным оком и вслушиваясь в свой собственный голос. Она говорила так, как будто рассматривала в альбоме уже давно не виденные ею старые фотографии. Со временем эти пожелтевшие снимки стали вдруг намного ближе и дороже, и она всё смотрит на них и не может насмотреться, потому

как встают они перед ней живыми и разговаривают с ней одними говорящими взглядами.

– Была, Дуняш, и у меня любовь. А как же не быть. При сотворении каждый награждается этим чувством и чувство это благословенно.

– Кто же он? – выдохнула Дуня.

– Был, Дуня, среди мамушкиных глиняшек один паренёк, по занятию – мукомол, душевный, тихий. Мамушка его своеобразной красотой наделила. Нет, не внешней, таких ты и сама видела красавчиков, а внутренней. И была в этой несказанной красоте его такая сила, такая притягательность, что словами и описать невозможно. Ведь это я от него научилась калачи выпекать. Глупая я тогда, Дуня, была, от счастья под ногами земли не чувствовала. Думала: «Вот оно моё счастье,... никто этого счастья у меня не отнимет», думала, что всю жизнь с ним счастливой буду, а не пришлось.

– Катюша!.. Милая моя! – воскликнула Дуня. – Это же неправильно! Так не должно быть! Любящие должны быть вместе!

– Я это, девочка, и сама знаю, – и Катерина горько улыбнулась в темноте, – но это, к сожалению, не всегда бывает. У нас, по крайней мере, этого не получилось.

– Катюша... Мне тебя жалко. – Дуня нашла в темноте руку Катерины и крепко её сжала. – Мамушка говорила, – что когда человек другому чело-

веку соперживает, то боль страждущего вполнину меньше становится. Не знаю, умею ли я соперживать? только мне очень хочется, чтобы тебе стало легче. Расскажи мне про него и тебе будет легче...

– Девочка ты моя... Что там и рассказывать. Всё было как во сне. Я и сейчас думаю иногда, что это был сон. Помню, дверь в мамушкином доме открывается и входит он. Лицо доброе-предоброе и каждое его чувство на лице написано, что и спрашивать ничего не надо, смотри и читай. Я смотрю, а он ко мне идёт. У меня ноги сразу ватные сделались, веришь? – ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, а сердце того и гляди из груди вылетит, вот как трепыхается, а в висках, чувствую, кровь колотится.

Катерина перевела дыхание, вздохнула и стала говорить дальше.

– На скамеечке во дворике с ним сидели. Он, мой мукомол, всё шутил, да всякие интересные истории рассказывал.

– И что же дальше? – поторопила Катерину Дуня.

– А ничего дальше... Дальше, Дуняш, как в сказке с хорошим началом, да с плохой серединой. Сидим, милуемся, о свадьбе да о жизни совместной мечтаем, а тут ворона на городьбу скок. Старая, голова вполнину от клюва лысая, хвост куцый, крылья вполнину ощищенные, усы из нескольких седых волосинок около клюва торчат в разные сторо-

ны, голос скрипучий как рассохшаяся телега и сама от старости уже рыжеюй покрылась. Один глаз бельмом зарос. От шеи горб высокий торчит. Я таких и не видала никогда. Села она и на нас с Гришей, так моего суженого звали, смотрит одним глазом, рот приоткрыла и изо рта её, а вроде как из самой утробы только один звук идёт: «Крэ-ке-э...».

– Ой! Какие страхи, – проговорила испуганно Дуня, – у меня аж мурашки по телу побежали.

– Потом эта ворона посмотрела так на нас, посмотрела, да вдруг и говорит нам: «Милуетесь!? Любуетесь... Недолго осталось», потом вдруг открыла клюв, да как захохочет по-человечески, хлопнула крыльями, хватъ моего мукомола и улетела. Я только слышу уже сверху Гришин голос: «Жди меня, Катюша!! Я обязательно вернусь!!». Так вот до сей поры и не возвращается, а голос его и слова последние в ушах так и стоят. Нет уж видно, не встретится нам с ним на этом свете.

– Что, и ни слуху, ни духу? А, Катъ?

– Разные толки тогда по этому поводу были. Сорока говорила, что ворона была колдунья. Только вороной оборотилась. Ведь чародеям главное любовь на земле разрушить. Они того не понимают, что от этого она в душе ещё сильнее горит.

– А ворону эту потом видели?

– Нет, Дуня, никто не видел и не встречал. А я с тех пор так и жду. Унесли в небо, а откуда ждать и не знаю.

– А что тебе, Катюш, сердце говорит,... А? Сердце-то оно и подсказать может, чего люди ни глиняные, ни человеческие не знают.

Дуня была взволнована рассказом и потому хотела как-то помочь Катерине, но не знала чем и как? Она, то гладила Катериныны волосы, то пожимала ей руки, а затем, расчувствовавшись окончательно, стала целовать Катерино лицо, волосы, плечи.

– Я глупая,... глупая,... самонадеянная девчонка. Что я тебе наговорила?! Да меня убить за это мало, Катенька... Я не знаю, что тебе сказать...

– Не кори себя, милая,... не надо. Я сама к тому дала повод. А сердце всегда одно говорит: «Жди» и ни слова больше. Сердце – оно на слова скупое. Это наш язык может наговорить воз и маленькую тележку, только ему веры в этом большой нет. Я уж это знаю. То он успокаивает меня – «терпи и всё будет хорошо», то наоборот – «и не жди даже, оттуда не возвращаются», или того хуже – «В той стороне и получше тебя найдутся»... Я и сама понимаю – двадцать лет минуло. Я теперь о своём счастье, Дуня, и не мечтаю, мне бы на чужое счастье посмотреть и ему порадоваться. Хочу, чтобы и у вас с Васей, как у меня с Гришей было, чтоб всё взаимно и при полной сердечности.

– Не говори мне о нём! вспыхнула Дуня. – Слышать не могу, ненавистен он мне.

– Если ненавистен, это хорошо...

– Чего ж хорошего?

– Любовь, Дуняш, и ненависть в этом деле бок о бок ходят. Иногда и сама не разберёшь, кто из них кто? И чего больше? винегрет какой-то. То охватит жаром – думаешь, что это любовь, а то вдруг окатит как из ушата холодной водой и жизнь становится не мила, так бы в омут головой и бросилась.

– Я понимаю тебя, Катюш. Иногда за Васины выходки готова со стыда под землю провалиться, или даже убить его готова, а чуть время пройдёт, раздумаешься и жалко его становится и уже ревёшь как дура, и непонятно, кого жалеешь: то ли себя, то ли его непутёвого, а потом такое подплывает, вроде как лучше его и нет. Помнишь, когда он с этими дурачками перед синевлаской выплясывал – я чуть со стыда за него не сгорела. Вроде как это не он, а я перед «добрячком» и Барби кручусь...

– Это и есть, Дуня, любовь. Любовь – это не за что-то? Если сама себе говоришь, что люблю за то-то и то-то, то это и не любовь совсем, а бизнес. Любить – значит любить ни за что? Любить, значит поступать вопреки здравому смыслу и рассудку, жить на чувстве. К этому ощущению даже и вопроса поставить нельзя. Любишь и всё, а какой он: хромой, кривой или как в твоём случае – непутёвый, то уже и значения никакого не имеет.

– Ты права, Катя. Говоришь – будто душу мою как книгу открыла и читаешь.

– Это я не твою душу читаю, это я свою, истрёпанную за годы, книжку какой раз перелистываю и перечитываю.

После этих слов они уже не говорили, а сидели молча, обнявшись и вглядываясь то ли в своё сердце, то ли в свинцовую темноту ящика, и было слышно, как трепетно стучат их глиняные сердца. А потом Дуня незаметно уснула и ей, вдруг привиделось - стоит на берегу реки Катерина, а с ней рядом такой красивый, элегантно одетый мужчина, и этак ласково смотрит на Катерину, и Дуня догадалась, что это и есть тот самый мукомол, о котором ей говорила Катя. «Какие они красивые и совсем ещё не старые» – подумала Дуня, и ей стало от этой мысли хорошо-хорошо. И вдруг она смотрит, а от реки поднимается ещё человек в красной рубашке навыпуск, в синих штанах и хромовых, до блеска начищенных сапогах, и под мышкой гармошку держит. Как увидела Дуня гармошку, так сердце у нее как у птички и ворохнулось. «Он это», – подумала она. Подумала, а узнать не может. Вроде и гармошка его, и ростом такой же, а не он. Вглядывается в его лицо, вглядывается, вроде он. Только серьёзный такой, потому и не узнать его». И видит Дуня, как Катерина поворачивается к ней и говорит: «Это он». Дуня посмотрела на мукомола, а тот тоже, смотрит и серьёзно так говорит: «Это он, Дуня». «Иди к нему» – сказало Дунино сердце. И тут Дуня сделала на-

встречу один пажок, другой, проснулась и как ей показалось – вскрикнула... И тут раздался голос Пустолая:

– Это вы о чём там шепчетесь? Нам говорить нормально запрещаете, а сами даже кричите.

– Это мы так, о своём, о женском, а крик, так это Дуня палец прищемила, – ответила Катерина.

– Ну шепчитесь, это всё лучше, чем горевать, – заключил философски кот.

И не успел ему на это Пустолай ответить, а только открыл рот, как над ними что-то загрохотало, а потом стало происходить нечто невообразимое. Они же не знали, что наверху начал работать погрузчик.

Глава 26. **Есть идея**

Куча мусора, в которую превратился дом, постепенно перекочёвывала в кузова самосвалов. Пегас, пнув от злости ногой старое без дна ведро, сказал:

– Пошли, Муха, отсюда.

– Быстро у них всё это получается, – сказал Мухаев и кивнул на работающую технику и стоящие под погрузкой Камазы.

– Давай хоть одну игрушку да загоним, – продолжил Пегас, – и они, выйдя из своей засады, и уже не опасаясь дворника, пересекли двор и пошли к мосту через Глебучев овраг. Ворота двора, где недавно стоял дом, жалобно поскрипывали, покачиваясь на ветру. Ребята вышли со двора и направились вниз к Волге. Один из самосвалов стоял на до-

роге и водитель закрывал мусор пологом, чтобы при движении он не разлетался по улицам.

– Упустили куш, – бормотал Муха. – Может быть сами махнём на свалку. С водителем договоримся и там поищем?

– А там что? – спросил зло Пегас.

– Будем мусор перебирать, – ответил Муха.

– Так это целый дом надо через руки пропустить! Мы же не знаем, в какой машине их повезли. А там бульдозеры, скреперы, техника. Нас, что, рабочие будут ждать, когда мы всё переберём? Спихнут бульдозером под обрыв и все дела.

– Значит, всё пропало? – обречённо проговорил Муха. – А может начальству свалочному об игрушках рассказать,... а?

– Не свалочному, а сволочному, – съязвил Пегас. – Иди,... расскажи. Ты директора уже с его мымрой видел. Они с домом решили вопрос и там решат, как только прознают, будь спокоен, только не в нашу пользу.

– А если как-то схитрить? Директор поверит...

– Причём тут директор!?! Я же тебе говорил, – Сима там, на свалке, всем распоряжается. Я его несколько раз с Червонцем видел. Червонец к нему на свалку приезжал. Один раз я старинную бутылку нашёл с вензелями, решил отскрести грязь, а под рукой ничего не было, пошёл к сараю, а за сараем они, толкуют о чём-то.

– Кто они?

– Сима с Червонцем, кто же ещё. В связке они, понял?

– Ну?... А дальше...

– Что дальше? Про сбыт антиквариата толковали. У них там, Муха, целая система выстроена. Одни бомики ищут, кто-то найденное реставрирует и так далее.

– Что так далее?

– Ты что, совсем не впрягаешься! Дурка вяленая. Просекать надо такие вещи.

– Бизнес на антиквариате делается, в широком масштабе, так что под колёса попадать этой организации нежелательно.

– Что, даже и организация есть? – изумился Муха.

– Думаю, что за этим стоят серьёзные дяди. Только ты, Муха, язык за зубами держи, а то и тебя, и меня в асфальт закатают.

– Ты меня, Пега, попугать решил, да?

– Я тебя не пугаю, думаю, что директор Тараканов над всем этим стоит или повыше кто, здесь лучше особо под ногами не надо путаться. Я его разговор по мобилу слышал, он несколько раз слово «Изумруд» произнёс, потом доцент на базаре по телефону тоже это слово сказал,... подозрительно это. В связке они,... и Тараканов, и Забродин, одно дело делают. Помалкивать надо.

– А «Изумруд» – это что?

– Может быть пароль, кличка или даже организация, кто знает? Только я понял, что дело не чис-

тое. А ты сам знаешь – я ходить под кем-либо не желаю, да особенно на коротком поводке. Я – птица вольная, хочу – лечу, хочу – на ветке сижу.

– Не переживай, – стал успокаивать друга Муха.
– В нашем деле так: сегодня – с убылью, а завтра – с прибылью. Посмотрим, как ещё дело обернётся...

И вдруг Пегас резко остановился.

– Ты чего? – спросил Муха.

– Поворачиваем назад, идея пришла.

– Что за идея?

– Ты сейчас домой вали, а я попробую на свалку с Камазом тем уехать.

– Значит, я правильно говорил? – встрепенулся Муха.

– С Симой надо потолковать, без него не получится. Риск – благородное дело, попробую обыграть. Он ведь об игрушке ничего не знает... Так, что есть шанс.

– А шофер возьмёт? – заволновался Муха.

– Чего-нибудь придумаю, – и Пегас резко повернул назад.

Глава 27. **Вся надежда на ящик**

Всё происходило, как в страшном сне. На ящик из-под мыла что-то падало, скрежетало. Ящик сдавливало так, что трещали его толстые доски, он переворачивался, падал, ударялся и снова сдавливался.

– Эх, грехи мои тяжкие... – говорил Пустолай, падая в крошечной тьме. Мурлотик наоборот, сваливаясь на кого-то постоянно повторял:

– Извините, не хотел, простите, если кого зашиб ненароком.

Потом Пустолай понял, что можно в ящике и не падать. Он встал в ящике в распор, то есть упёрся ногами в одну стенку, а передними лапами – в другую, ширина ящика это позволяла сделать, и тем самым не только он сам ни на кого не падал, но и смягчал падения других, потому как все сначала ударялись о Пустолая и тем самым уменьшали инерцию своего падения.

Пустолай от таких ударов только кряхтел и время от времени говорил:

– Дуня, Катерина,... держитесь за меня, иначе все побьётся.

Наконец последний удар, ящик, упав, застыл и больше не шевелился.

Игрушки валялись в ящике как попало: Мурлотик стоял на голове, Пустолай в скорченной позе, лежал под Дуней и Катериной. Единственное, что радовало, это то, что в ящик через щели, которые стали достаточно большими, стал проникать свет и воздух. Глиняшки этому были несказанно рады, потому что могли видеть друг друга и более свободно дышать.

Но, вот они все немножко пришли в себя, поохали от набитых шишек и синяков и стали разговаривать.

На улице продолжало скрипеть, визжать и рычать.

– Это, наверное, дракон – сказала Дуня.

– Кому ж ещё быть, – заметил Мурлотик. – У него первое дело противника сразить, а потом и завалить всякими брёвнами, да корягами, так во всех сказках пишут.

– Это что же он нас сейчас заваливает?! – испуганно проговорила Катерина, – а потом съест?

– Нет, он нас не съест, – успокоил её кот, – потому что ящик и мы в нём для него тоже мусор... Не бойтесь, ему наш Заступник задаст жару. Во всех сказках и сказаниях народных говорится, что богатыри, что русскую землю охраняли, всегда выходили победителями, – заметил Мурлотик.

– Так - то оно так, – сказал Пустолай, – только сколько я не слышал мамушкиных рассказов про подвиги чудо-богатырей, они ни разу не находились в столь ужасном положении как наш Заступник и мы с ним вместе.

– Находились они и в худшем положении, – сказал Мурлотик, – ты не все сказки слушал, брат Пустолай. Нашему народу приходилось столько мук перенести, а богатырям столько пота кровавого про-

лить, так что наши страдания – мелочи; но на скорый исход из ящика не надейтесь...

– Где наш любимый Заступник? Что с ним? – сказал Пустолай, подвывая. – И надо было ему вылезти из ящика.

– Хорошо, что Никита нас в очень крепкий ящик спрятал, а то бы нам всем конец пришёл, – опять сказала Дуня.

– Наверняка бы жизни лишились, если бы в горнице на столе находились. А тут все вместе и ящик действительно оказался очень прочным, – в тон Дуни сказала Катерина.

– Худа без добра не бывает, – заметила Дуня.

– А мы на Никиту ещё ворчали, нам запах не нравился. Вот уж и на запах не обращаем внимания, а думаем о том, как бы выжить, и надеемся на толстые стены ящика, – сказала Катерина.

– Правильно, – подтвердил сказанное Мурлотик, – когда малая беда нормально жить не даёт – это одно, а вот когда большая нагрянет, то про первую уж и не вспоминают.

– Крышка-то вон, опять на своё место встала, видно и гвоздь как-то воткнулся, не открылась ни разу, – заметила Катерина.

– На нас кирпичи от печки сыпались да черепица с крыши, вот они крышку и придавили, да и гвоздь случайно вколотили, – сказал Мурлотик.

– Откуда ты знаешь, знахарь? – спросил Пустолай.

– Печная сажа сквозь щели между досок ящика сыпалась, – ответил со знанием дела кот. Потом, по печкам я специалист, а не ты.

– Ой! Специалист нашёлся, тоже мне печник...

– Не печник, а продвинутый пользователь. Знаешь сколько я на ней лежал?.. – но договорить он не успел, что-то тяжёлое так ударило по ящику, что стенки его затрещали, а между досками появились большие прогалы, ящик перекосило.

Глава 28. **Идея провалилась**

Когда Пегас подошёл к самосвалу, водитель натягивал ремни полога. Водителем был молодой парень. Вот он закончил натягивать полог, укрывающий мусор и стал вытирать ветошью руки.

– Куда повезём, – спросил Пегас непринуждённо.

– Велено на свалку. – В тон Пегасу ответил шофёр.

– Меня прихвати.

– Я тебе что, маршрутное такси? – буркнул парень.

– Что-то муторно на душе стало... – проговорил Лёня, сморщившись и приняв вид страдальца.

– Что так? – отозвался водитель.

– Как-никак в этом доме вырос, – слукавил Пегас.

– Неужели.

– Вот так вот – был дом и нет дома. Стоило бабушке умереть и, – Пегас расстроено махнул рукой.

– Раз это твой дом, то сидай, – миролюбиво проговорил парень.

– Вот так-то, брат, – сказал Лёня, усаживаясь в кабину и махнув рукой Мухе, дескать, уходи домой.

– Родная бабушка, говоришь? – продолжал спрашивать водитель.

– Родней не бывает,... недавно похоронили...

– Что, и сразу ломать? Другие дома годами с забитыми окнами стоят и ничего? – спросил водитель, выправляя самосвал на дорогу.

– Тут сложнее,... мафии место приглянулось,... так, что не успело тело остыть, а дома уже нет, – продолжал развивать мысль Пегас.

– Если мафия, то так оно и есть, – сочувственно сказал шофёр. – Да ты не расстраивайся... Хочешь, я тебя до свалки довезу и назад доставлю...

– А это можно?! – спросил радостно Лёня.

– Всё можно, дорогой... Родной дом всё-таки везём! – и он прибавил газу.

Через некоторое время Камаз выехал на Новоастраханское шоссе, Лёня успокоился. Он понял, что мусор везут на знакомую ему свалку.

На свалке машины принимал сам Сима. Он, переругиваясь с шоферами, бегал от машины к машине, приказывая сваливать мусор не в общую кучу, а в сторону. Шофера нехотя подчинялись, пятили Камазы и поднимали кузова.

«А чего не сразу к оврагу? – подумал Пегас, – странно,... значит отсюда торопиться уезжать не следует, прав Муха оказался, посмотрим, поглядим что к чему?». Пегасу с одной стороны было на руку, что мусор не под обрыв валят, а с другой – это же самое и настораживало – что, если прознали? Но он тут же отверг эту мысль. «Наверное, решили в строительном материале покопаться, дом всё-таки. Возможно, кто-нибудь решил баньку соорудить на даче, тут ведь и кирпич есть хороший, и черепица на кровлю, вот в сторону и валят» – подумал он.

– Я, пожалуй, здесь останусь, – сказал Лёня водителю, – может быть, что памятное найду.

– Ты ищи, я не спешу, – проговорил шофёр.

– Да нет, поезжай, я как-нибудь доберусь. Спасибо большое.

– Лёня вылез из кабины, а шофёр стал сдавать Камаз назад.

Много раз видел Пегас эту свалочную картину, но никогда, сколько бы он здесь не бывал, так и не мог к ней привыкнуть. За бетонным забором, вдалеке от любопытствующих глаз находился свой мир со

своими законами, отношениями и ценностями. Это была та самая чёрная дыра в космическом пространстве, о которой так любят рассуждать авторы фантастических романов, но эта дыра была много ближе, она начиналась здесь на земле. Пегасу казалось, что над этим уголком вселенной не властно время и не властны геофизические законы и отношения. Всё было как и всегда: летающие от лёгкого дуновения ветерка по территории бумажки, старые газетные полосы, которые иногда захватывал налетающий небольшой смерч, закручивал их вместе с пылью в спираль и поднимал на невероятную высоту, затем поднимал их ещё выше, пока те не скрывались из глаз, и уносил их к неведомым галактикам, чтобы познакомить вселенский разум с земной цивилизацией.

С оврага, куда сваливали мусор, тянул кисловатый запах разлагающегося мяса, смешанный с запахом кислой капусты и гнилой картошки. Запах шибал в нос и заставлял дышать не носом, а ртом. Резкость запаха при этом пропадала, но вместо него во рту появлялась сухость и першение в горле.

Оставшись на свалке, Лёня не спешил показываться Симе на глаза. «Этот мусор валить отдельно!» – кричал Сима, бегая от машины к машине. За Камазами Пегас увидел человек пять бомжей, разбирающих строительный хлам и понял, что эти машины уже здесь ждали и ждали не для сбыта даро-

вого строительного материала. Эта мысль его словно ножом резанула: «Но почему? Может быть, это игрушек и не касается, а дело в чём-то другом? А в чём в другом? Неужели пронюхали? По какому каналу просочилось? Если так, то кто мог опередить? Может быть Костян с Антохой и Пал Палыч подсуетились?... – но он тут же отверг этот вариант. – Вряд ли, слишком быстро. Тогда и они должны были бы быть здесь, а их нет. И вообще никого нет кроме водил и Симы, бомжи не в счёт. Этот вариант отпадает».

Камазы пятились, сваливали мусор и уезжали. «Что я так занервничал? – подумал Пегас, – так не годится. Надо взять себя в руки, расслабиться, покумекать. Потом, что ищет Сима? Пока неизвестно. Надо выйти с ним на разговор,... только осторожно. Сима в этих делах битый, раскусит не успеешь и рта открыть. Потом, кто сказал, что он ищет игрушку? Это пока только догадки. И бомжи могут сами тут лазить по кучам. Их присутствие ни о чём не говорит, они тут не впервой. Надо успокоиться, иначе ни до чего нельзя додуматься. Хотя нет, – самоуспокоение тоже ничего не даст. Я же вижу, что они ищут что-то конкретное. Бомжи никогда не разбирают кучи до основания, берут только то, что видно? Могут отвалить что-то незначительное, но не более. А здесь разбирают... Это всё неспроста... Расслабляйся, не расслабляйся, а факт налицо... Предпо-

жим, что они всё-таки ищут игрушку, тогда какие мои действия? Вклиниться и тоже искать – не пройдёт, Сима его знает и сразу даст от ворот поворот. В этой ситуации надо заручиться благорасположением Симы и искать вместе с ним. Главное – проследить, чтобы игрушку нашли и чтобы она никуда не ушла». «Надо играть в подкидного дурака», – подумал он. Тут Лёня увидел, как Сима направился в вагончик и тут же пошёл за ним.

Когда Лёня вошёл в вагончик, Сима уже сидел в удобном кресле и собирался пить чай. При виде Пегаса, Сима расплылся в улыбке:

– Каким ветром в наши края-я!? Говорили, что ты домушником стал, мусор бросил.

– Кто это тебе, Сима, наплёл... Я воровским делом не занимаюсь, – ответил Пегас.

– Ладно,... замяли. Не занимаешься, значит, не занимаешься, я знаю. Это я так, от балды сказал, чтоб разговор поддержать, не обижайся. – Сима поднялся и дружески обнял Пегаса. – К нам-то зачем? – сказал Сима, указывая на венский покарбаный стул. Глаза его смотрели весело, но выжидающе настороженно.

– Хорошо живёшь, – сказал Пегас в тон Симе и кивнул на стул, – веняки стоят, кресло гамбургское.

– Не жалуемся... не жалуемся... К нам-то зачем? Знаю, что просто так не ходишь...

– Просто так и белка по веткам не прыгает... – садясь на стул, проговорил Пегас, – а орешки собирает.

– И какие тебя орешки интересуют? Ведь пока орешки собираешь, как бы шишек не наловить... – намекнул он многозначительно.

Лёня понял, «Сима хочет сесть ему на хвост, войти в долю, отбояриваться не стал, Сима заподозрит и работать не даст. Поэтому информацию надо выдать частично, о его части намекнуть, тогда, глядишь, возможно, и поможет даже» – и Лёня сказал:

– Надыбали мы в одном доме ветхом, без хозяев, на чердаке старинные вещи, хотели на следующий день прийти и забрать, а приходим – дом бульдозер по брёвнышкам раскатал. Я сюда с самосвалом и приехал.

– Что за вещицы, – спросил Сима, – хитро поглядывая на Лёню.

– Петли на тумбочке посеребренные с завитками, кованые, филигрань, фурнитура печная – ажурное литьё. Немецких мастеров работа. Можно сбить богатым на дачу. Они из-за прикола хорошие деньги дать могут. Я уже такое проворачивал.

– Петельки, значит... – сузил глаза Сима, – ажурное литьё, говоришь. – Он встал, взял со стола стакан с водой, покрутил его в руках и вдруг неожиданно плеснул содержимое в лицо Пегасу.

– Ты чего? – опешил Пегас, чувствуя как Сима больно наступает ему на ногу.

– Ты мне, Лёня, мозги не парь, бабушке будешь парить. Вот сейчас выгоню тебя к чёртовой матери со свалки... и что? Я вашего брата насквозь вижу. Тут знаешь передо мной сколько таких, как ты прошло ковыряльщиков. Ты ещё в городе был, а мне уже доложили, что Пегий на Сенной пришёл, с Червонцем торгуется, игрушки предлагает. И про покупателя знаю, и про договор ваш. Сколько тебе он пообещал дать?

– Цифру не обговаривали, – сказал Пегас морщась от боли, – к себе пригласил домой. Когда всё принесу, тогда, говорит и сладимся.

Пегас понял, что люди Симы, а в их число входит и Червонец, его с Мухой просто от базара тогда вели, выслеживали, значит, а они с Мухой и не заметили. «Здорово лопухнулись» – подумал Лёня, – надо спасать положение и он, глядя Симе в глаза, широко улыбнулся. – Твоя взяла, Сима,... сдаюсь... переиграл ты меня...

– А, это уже по нашему... Вот так, Пегашка, – миролюбиво и весело сказал Сима, отступая от Пегаса. – Моя она всегда брать будет. У меня везде есть свои глаза и уши – А мы эти Камазы уже ждали. Думаю, ты заметил, что этот мусор свалили на пустую площадку, а не в общую кучу... Это для удобства, чтоб другой мусор не мешал. Понял, Лёня!?

– Это я понял, только не сообразил, где прокололся?

– Я много чего знаю, парняша, – и Сима самодовольно улыбнулся. – И ты будешь положенное тебе знать, если дураком не будешь.

– Как это понимать? – спросил Пегас, пытаясь сообразить, к чему клонит Сима? Он понял, что отпираться бесполезно и даже вредно. «Надо играть с Симой в открытую, будь что будет, а там посмотрим, говорят иногда и петух яйца несёт» – подумал он.

– А ты молодец... руку на пульсе умеешь держать, сладимся, вижу, не дурак, – проговорил Сима, – и в антиквариате разбираешься получше других, в школе отличник, в институт лыжи востришь.

– Откуда знаешь?

– Опять повторяю. – Я много чего знаю. Знаю, что ты не селёдочник.

– Как понять?

– А просто понять. Большинство старинные вещицы собирают чтоб на бутылку пива заработать да на хвост селёдки, вот и селёдочники. Но не о них речь. Они всегда были и будут расходным материалом в нашем деле.

– В каком это деле? Ты о чём?

Сима смерил взглядом Пегаса. «Вот такой мне помощник и нужен. Я сам в антиквариате не силён, а Пега в городе фигура известная. Червонец знавала из знавал и то его уважает».

– Жизнь твою хочу устроить, – загадочно произнёс Сима. У Пегаса расширились глаза. – К большому бизнесу хочу тебя приобщить. Человек мне нужен. Хозяин на повышение идёт, а меня на своё место метит, а мне шустрый паренёк нужен, уже в перспективе на моё место...

– Мне доучиваться в школе надо, – проговорил ошарашенный Пегас, – явно не готовый к такому повороту событий и сказавший первое, что пришло в голову.

– А у тебя учёбу никто и не отнимает... Я же тебе говорю – в перспекти-ве... Тут у тебя с учёбой ещё лучше получится. Тут тебе только свистни, не только контрольную или курсовую сделают и кандидатскую напишут, – и Сима довольно хохотнул, затем открыл дверь и прокричал: «Светило, мать тебя раз так, быстро ко мне!».

Через некоторое время в дверях появилась щуплая фигурка седенького старичка. Он склонил голову в поклоне и Сима, смачно выругавшись по поводу отечественной науки, отвесил вошедшему человечку крепкий щелбан и сказал:

– Бери Крокыча и другим скажи – все на разбор куч, понял? Подчиняться будете вот ему, – и он кивнул на Пегаса.

– Как скажете, – пробормотал старичок, и, не разгибаясь, вышел.

– Кто он? – спросил Пегас, чувствуя, как Сима одним движением определил ему место в своей схеме.

– Сейчас никто,... просто быдло, – проронил сквозь зубы Сима, – а был большой человек – сам профессор... Позолотин... Тьфу... Так-то, Пегашка. Он тебе диплом в сей секунд напишет. Тут, если в этом бездомном дерьме покопаться, людей из прошлого с любыми чинами и званиями можно найти... была бы охота. И запомни – путь к знаниям он через свалку идёт. Свалка в жизни человечества вещь не последняя, а может быть даже и!.. – и Сима поднял палец вверх, этим показывая значительность свалки перед всем остальным сущим на земле.

– Мне надо подумать, – ответил на предложение Симы Лёня.

– А ты, Лёня, подумай. Я ведь не каждому встречному-поперечному такие предложения делаю... Завтра ответ дашь. Пораньше сюда приезжай, мы всё равно скоро шабашить будем, да и народа сегодня маловато для разбора. Я по своим каналам на завтра заказал ещё человек двадцать, тогда в полную силу развернёмся, все до щепочки пересмотрим.

– Так я ещё в школе учусь, а не в институте... – сказал Лёня, думая, что Сима ошибся в возрасте.

– Я об этом знаю... Ты не пресекаешь... Школа не помеха. Оставишь здесь за себя светилу или Кро-

кыча и учишь на здоровье, времени будет больше, по старым сараям шляться не надо будет и крупорушки тырить.

– «Он и о крупорушке знает» – подметил Пегас, – крепко на хвост сел» и тут же спросил:

– Так что же профессор?

– Он тебе ещё и ботинки будет лизать за такое доверие и ласку. Ведь он вообще в бочке здесь жил, потом в коморку к Крокычу переселился.

– Как Диоген? – изумился Пегас.

– Хрен с ним с Диогеном. Каждому, Лёня, своё. Я понимаю, что он на людей понадеялся, квартиру подписал, потом его из неё и вышибли. Головой надо думать. Попал в волчью стаю, так живи по-волчьи, а не хочешь по-волчьи жить, так живи на свалке в бочке. Вот и вся философия... Нечего стремиться любить человечество. Ты себя сначала возлюби. Да так возлюби, чтоб вокруг тебя павлины пели и крыльями как опахалами тебя обмахивали. А вот после этого можешь и всё человечество любить, только в меру, иначе это же человечество быстренько у твоих павлинов пёрышки из хвостов повыдергает. Вот так-то... Фома Фомич говорит, что если на нашу землю со стратосферы посмотреть, то она похожа на большую свалку. А Фома Фомич – это голова... У него я многому научился.

– А как ты думаешь игрушку сбывать? – спросил Пегас.

– Придёт время, узнаешь...

– Я пойду, – сказал Пегас, поняв, что Сима его обошёл и что теперь уже не Пегас хозяин дела, а Сима. Поиски игрушек поставлены Симой на поток. Он знает, чего ищет. Пегас горько улыбнулся.

– Ты правильно оценил ситуацию, – сказал Сима, испытующе глядя на Пегаса, и добавил, – думай, Лёня, думай. В одиночку, брат, всё равно в люди не выбьешься. А мы тебе предлагаем влиться в хорошо отлаженное дело, даём должность. Если с головой – руби своё бабло, делись с другими и живи припеваючи... Ладно, иди, завтра людишки подвалят. Твоя задача не самому копать, а распоряжаться, понял. Ну, как я тебя, лихо сагитировал?.. – и он засмеялся, показывая щербатые прокуренные редкие зубы. – Вот так-то,... учись.

– А хозяин знает? – спросил Пегас.

– Ты об этом не парься. Ты мой человек и до Фомы Фомича тебе дела нет. Ты своё дело делай, да язык держи за зубами. А теперь ступай, с утра займись делом, да смотри, чтоб эти курицы чего по карманам не рассовали.

Пегас вышел из вагончика и уже минут через десять был на автобусной остановке. Всякие мысли крутились в его голове. День был напичкан событиями до отказа. Тут тебе и слом дома, и слезка, и вербовка. Надо всё хорошенько обдумать. Из последней информации, выданной Симой, его мучила только одна – «Позолотин». Верно ли, что этот бомж-старикашка-профессор или это Симин при-

кол? Позолотин,... Позолотин. Где-то он уже слышал эту фамилию, но где? Стоп... истрёпанная книжка в библиотеке... не слышал, а видел... Истрёпанная зачитанная студентами книжка и на белом фоне прописью вверху написано: *В.П. Позолотин*.

«Может быть, однофамилец? – подумал он, – надо бы как-то выяснить». «Это надо выяснить, – сказал он себе твёрдо. – Завтра соберутся бомжи, у них и выясню. А если это он, Позолотин? Конечно Лёня не хотел профессору такой участи, но сейчас ему почему-то хотелось, чтоб это был именно он. Надо сходить в библиотеку и перечитать книгу, неужели сам Позолотин?». К такому сюрпризу Пегас не был готов. То, что Позолотин выступает в качестве бомжа и по сути Симиного раба – такое не укладывалось в голове. Но, не смотря на событийный хаос, на душе у Лёни было хорошо. Он сел на скамеечку и стал ждать автобуса.

Глава 29. **Даже мусор вывезли**

Антон приехал домой под вечер. Родителей дома не было. За компьютером сидел брат и что-то искал в интернете. Он услышал стук двери, оставил компьютер и пошёл в прихожую.

– Ты где был!? – накинулся на Антона Костя. – Я тебя на пруду оставил. Прихожу – тебя нет – но, увидев расстроенное лицо Антона, переменил тон. Да как было не сменить тон – одежда на брате была пыльная, ворот рубашки частично оторван, а под

носом виднелась запёкшаяся кровь. Он был страшно расстроен и даже поначалу не хотел разговаривать. Костя понял, что произошло нечто неординарное.

– Ты что, подрался что-ли с кем? – спросил брата Костя. Но Антон упорно молчал, его душила обида и он боялся того, что стоит ему сейчас начать говорить, как он тут же расплачется.

– Ты что, порожняком, а кентавр где? – продолжал спрашивать Костя, видя, что брат не торопится вытаскивать из кармана игрушку.

– Нет кентавра, – сказал Антон сквозь слёзы и развёл руками.

– Как нет!? – возмущённо спросил брат.

– Я что, непонятно говорю? Нет его,... нет.

– Ты чё... обалдел?!

Тут Антон и рассказал историю, которая произошла с ним на Большой Горной, умолчав о говорящем и скачущем Свистоплясе. Он сказал, что кентавра выронил во время падения, когда хотел попасть в старый дом.

– Ты только, Костя, Пал Палычу всё не говори, он расстроится. Давай скажем, что дом с сараем нашли и что дворник подтвердил, что здесь жила игрушечница, про игрушку не надо...

– Если б сегодня Пал Палыч был в клубе, то и дом бы никто не сломал, – проговорил Костя.

– Как назло. Его, что, весь день не было? – спросил Антон.

– Да, – ответил Костя. – Я интересовался, сказали, что в лагерь уехал, территорию убирать. Может быть сейчас пришёл, не знаю...

– Не может не прийти... у него выставка на носу, давай сходим, настаивал Антон, – только умыться надо и переодеться.

– Давай, – согласился Костя.

Как ребята и предполагали, Пал Палыч был в клубе, он только что приехал.

Пал Палыч по лицам детей понял, что что-то случилось, а когда они рассказали ему про поездку на Большую Горную улицу и про дом, который был только сегодня утром цел и невредим, а сейчас его уже нет, возмущению его не было предела:

– Надо ехать на Большую Горную!.. – гневно сказал Пал Палыч, – надо приостановить вывоз мусора... надо подключить к этому общественность!.. Если надо, мы ляжем под гусеницы бульдозера, под колёса самосвалов!.. Это безобразие. Куда смотрят наши чиновники!? Из дома надо было сделать музей глиняной игрушки, оставить вещи, приспособления, инструмент... Старый дом, сохранившийся в нём до наших дней быт,... всё,... всё имеет огромную ценность... Варвары,... современные варвары!.. Куда смотрели краеведы? Единственная на весь город иг-

рушечница и мы о ней ничего не знаем. Боже мой! – он обхватил голову руками. – Грош нам цена и особенно мне. Я первый должен был о ней знать. Первый! Это вы понимаете!? Старый я чёрствый, из ума выживший старик, потащился в эти Дубки на уборку территории. Ну, на одну ветку отнесли бы меньше, а тут... Никогда не прощу себе этого, ... ни-ко-гда... Надо обследовать всё что имело отношение к хозяйке: сарай, погреб, дворовые закоулки...

Пал Палыч замолчал, прошёлся ещё раз два по кабинету и, остановившись напротив Антона, спросил:

– Так ты говоришь, что мусор вывозят или уже вывезли?.

– Вывозили, – сказал тот тихо.

– Вот... даже и мусор вывозят! – зло сказал Пал Палыч. – То мусор годами лежит – никому не нужен; то враз – и на свалку,... не понимаю! – и он развёл руками.

Ребята как могли стали успокаивать Пал Палыча, понимая, что в таком расстроенном состоянии он вряд ли должен куда-либо ехать, но Пал Палыч был непреклонен, и они поехали. Когда они приехали к старому дому, там уже никого не было. Посреди двора высилась небольшая куча мусора, вокруг неё ходил дворник Никита; рабочий день был закончен, рабочие разошлись. Пал Палыч и Костя, оценив обстановку, сразу подошли к дворнику.

– Здравствуйте, – поприветствовал Пал Палыч дворника, но тот на приветствие не отреагировал, а продолжал тупо смотреть на кучу мусора.

– Мы сарайчик, что принадлежал хозяйке, с ребятами осмотрим? – опять спросил Пал Палыч. – Не покажете нам его...

Никита не ответил, а только посмотрел на подошедших, узнал Костю и Антона, махнул рукой в направлении сарая.

Пал Палыч и Костя направились к уцелевшему дощатому сараю. Им было важно знать – остались ли там хоть какие-то инструменты и приспособления?

Пал Палыч взял в руку ржавый замок, потянул на себя и пробой почти без усилий вышел из подгнившего косяка.

– А эти придурки доски отрывали, – сказал Костя. Он, перед тем как Пал Палычу потянуть замок, успел обойти сарай и увидеть с тыльной стороны оторванную доску.

– Посмотрим, что в нём осталось? – сказал Пал Палыч и открыл дверь.

В сарае было сумрачно, пахло голубиным помётом и вокруг было много старой пыльной паутины. Костя, предупредив Пал Палыча и Антона, чтоб они не шли дальше, взял в руки длинную палку, что стояла в углу, стал снимать нависшие с потолка паутинные гирлянды.

– Это ты молодец, что придумал паутину снять, – сказал Пал Палыч. – раз уж мы сюда хозяевами зашли, то по-хозяйски должны здесь ко всему относиться.

– Пал Палыч! Вот совок старьёй, – сказал Антон.

– Ну-ка, ну-ка, покажи... – учитель взял в руки найденный Антоном совок и стал рассматривать. – Это, ребята, совок для сыпучих веществ.

– А как вы определили? – спросил Костя, пролезая между двумя большими, плотно сколоченными ящиками.

– Рабочая часть у него полукруглая и, заметьте, совок полностью деревянный. Даже в мои молодые годы такие уже не делали, а больше прибьют к полукруглой дощечке ручку деревянную и по полукругу набьют жёсть, быстро и удобно

– Так теперь их совсем из металла штампуют или из пластмассы, – заметил Антон.

– Когда этот совок из дерева вырезали, то металлические листы просто так нигде не валялись, – объяснил Пал Палыч.

– Они, Пал Палыч, и сейчас не валяются, – весело отозвался из угла Костя. – Их собирают и на металлолом сдают. У нас в районе целая сеть приёмных пунктов.

– Это я вам для примера сказал, чтоб понятнее. А вот, ребята, и лари, – и Пал Палыч похлопал по крышке большого ящика, около которого прошёл

Костя. – Давайте посмотрим, что в них есть. – Учитель поднял крышку и присвистнул.

– Что там, – спросил Антон, привставая на цыпочки и заглядывая в ларь.

– Здесь, ребята, те самые камешки, что мне Лёня в клуб приносил, – и Пал Палыч вытащил из ларя пригоршню жёлтых камешков.

– А здесь в ларе камешки коричневые, – сказал Костя. Он поднял крышку другого ларя и, перегнувшись через его край, достал несколько камешков.

Всего в сарае оказалось пять ларей, один из них оказались пустым, а в четырёх были камешки жёлтого, коричневого, белого, и чёрного цветов.

– А чёрный цвет зачем? – спросил Антон. – Из такой глины тоже игрушки лепили?

– Ту глину, ребята, что мы нашли, использовали только для подкрашивания изделий, потому и хранится она отдельно в ларях. Основное тело игрушки лепилось из глины более доступных и их просто сваливали куда-нибудь в угол.

– Точно! Я, оказывается, стою на глине, – удивлённо произнёс Антон, – здесь её много.

– А вот, Пал Палыч, какая-то прялка или что-то в этом роде, – раздался голос Кости. Все подошли к нему.

Посреди сарайчика стояло на подставках какое-то приспособление, похожее на невысокий стол без

крышки. Под столом стоял ящик с ручками. Вместо крышки на столе возвышался ящик, вместо дна у верхнего ящика была натянута металлическая сетка. Пал Палыч осмотрел приспособление, нагнулся, взял из нижнего ящика его содержимое, поднёс к глазам и стал рассматривать.

– Это, ребята, просеянная глина. И, судя по тому, что здесь имеется сетка, то значит на этом приспособлении и просеивали.

– У верхнего ящика ручки только на одном конце, – заметил Костя, – а другой конец подвешен на ремнях.

– В ящик на сетку насыпалась глина, а затем мастер брался за ручки с этой стороны ящика и резко двигал к себе и от себя. Приспособление позволяло одному человеку справляться с этой работой.

– Умно, – сказал Антон, – раньше технического прогресса не было, а приспособления уже были.

– Бурного развития научно-технического прогресса не было, – заметил Пал Палыч, – а вообще этот процесс создания чего-то нового, что облегчает физический труд, никогда не прерывался со дня сотворения мира, просто с развитием науки и техники стал возможен рывок.

– А вы, Пал Палыч, верите, что мир был сотворён? – спросил Костя. Я вас об этом спросил, потому что в этом вопросе ничего не ясно; по телевизору и в газетах на этот счёт чего только не пишут.

– Удачное ты время для такого вопроса выбрал, – сказал Пал Палыч, снимая со стены какую-то материю или ветошь и внимательно её рассматривая. – Этот вопрос, ребята, относится не к научной сфере; он из области духовной. Можно, конечно, верить в то, что ты произошёл от обезьяны, вольному воля, только мне что-то этого не хочется, чтоб она была моей прародительницей.

– Генетики, Пал Палыч, доказали, что у человека ничего общего с обезьяной нет, я читал.

– Это хорошо, что ты, Костя, читал, только я повторяю, что это относится к духовной сфере, а не научной. Я вот верю, что мир сотворён и мне не надо никаких этому доказательств. Доказательства нужны в материальной сфере, например, чтобы объяснить, каким образом просеивали глину в старину.

– Так через сетку же, мы это выяснили, – и Антон показал на приспособление.

– Металлическая сетка, это ноу-хау, изобретение не такого уж далёкого прошлого, а до неё как просеивали? – и педагог внимательно посмотрел на ребят.

– Когда найдём, вот тогда и скажем, – уклончиво ответил Костя.

– А я уже нашёл, – и Пал Палыч кивнул на материю, что была у него в руках. – Это рядом, со старых времён здесь висит. Видите, какая редкая ткань. Ею младенцев от комаров укрывали и муку с глиной

просеивали. В нашем случае она служила для просеивания глины, среди нитей есть застрявшие кусочки глины. Через рядно процеживали глину и в жидком состоянии.

– Вот это да! – выдохнул удивлённо Костя.

– Пал Палыч, а я корыто толстое нашёл, – воскликнул Антон. – Вот оно, на полу стоит. Интересно, для чего оно было нужно?

– Конечно, в наше время трудно сказать о полном назначении каждой вещи, но, исходя из жизненного и профессионального опыта, нетрудно догадаться. Думаю, что в нём вот этим билом, – и Пал Палыч указал на небольшой чурбашок с ручкой, – дробили крупные куски глины.

– А вот пятно тёмное на лавке, – сказал Антон, – без пыли; здесь по всей видимости, что-то стояло.

– Мельничка здесь стояла, – только её вперёд нас кто-то взял.

– Это Пега с Мухой здесь шастали, – заметил Костя, – вот и позарились.

– Надо у них её конфисковать, – произнёс Антон.

– Для нашего музея в студии это был бы неплохой экспонат, только как её у дружанов выманить? Об этом тоже подумаем, только, ребята, не самодеятельничать, дело это тонкое, придётся вести переговоры на самом серьёзном уровне, – заметил учитель.

– По башке дать, – сказал зло Антон, – чтоб не хапали без спроса.

– Этим ничего не добьёшься, «не пойманный – не вор» – буркнул Костя.

– Выходим, ребята, из помещения, более тщательно осмотрим его в следующий раз, – сказал Пал Палыч и ребята стали выходить из сарая.

Пал Палыч подошёл к Никите. Дворник немного стал отходить от шока. Никита стал говорить учителю об игрушечнице, показывая рукой то на место, где был дом, то на сарай, то на овраг:

– В сарае она глиной занималась: сеяла, через крупорушку пропускала.

– А я что-то крупорушки не увидел, – сказал учитель.

– Там она должна быть, куда ей деться, – заключил Никита.

– Так в сарай не прошеные гости заглядывали, доска узкая сзади отодрана... – вставил Костя.

– Мальчишки лазили, – уточнил Никита, – вот и оторвали доску.

– Зачем им широкая? Они и в узкую пролезут, – заметил Пал Палыч.

– Верно, – сказал Никита, – шастали тут двое. В сарай – не знаю, а в дом лазили это точно. Даже стекло в полуподвале воровским способом выдавили. И сегодня я их видел.

– Один маленький с рыжей шевелюрой, а другой высокий в клетчатой фуражке, отутюженных брюках, франтоватый? – спросил Антон.

– А вы их знаете? – спросил сторож.

– Антон кивнул.

– Моя метла с ними тоже познакомилась, – и Никита постучал метлой о землю, – маленькому точно досталось.

– Спасибо, – сказал Пал Палыч, обращаясь к Никите, – много вы мне рассказали, присматривайте пока за сараем. Мы для своего кружка из него заберём кое-что. Пусть дети смотрят. Это важнее всяких наставительных бесед.

– Чего уж там... Рад, что в добрые руки всё попадёт... – и, помолчав, добавил. – На один день вы опоздали. Такая участь,... такая участь... Дом свалился, а об игрушках ли речь... – И сказано это им было с таким большим сожалением, что мальчишкам стало не по себе.

– Судьба игрушек, это сейчас самое главное, – сказал Пал Палыч. Так что мы уезжаем, но не прощаемся. Мне надо нанять автомобиль и вывезти в «Спутник» всё что уцелело, в руках этого не унесёшь. Дворник согласно кивнул и сказал.

– Сейчас возьму молоток и заколочу дверь.

– Про доску сзади не забудьте, – напомнил Костя.

– Это само собой, – сумрачно проговорил Никита. – Кто бы мог подумать?! Как в страшном сне! – Он покачал головой. – Вот гат-паразит, как всё обернулось, – и пошёл в свою комнату за молотком и гвоздями, а Пал Палыч, Костя и Антон отправились на троллейбусную остановку.

Глава 30. Кто съел Федию?

Как только все ушли со двора, на самую вершину мусорной кучи выбежал из своего домика паук Федя. Ему было интересно узнать, что же произошло? Он почесал ворсистыми лапками брюшко, огляделся, внимательно посмотрел на мусорную кучу, и, не увидев старого доброго дома, пошевелил усами и сказал одну единственную фразу: «Вот тебе на-а-а!!». Эта фраза вместила у Феди кучу других фраз, например, таких как: «что теперь делать?», «как быть?», «куда податься?» и «где все?».

Случилось в это время пролетать мимо воробью Крошкину. Крошкин сел рядом с Федей на щепку и произнёс не менее глубокомысленное: «Не фигу себе...», затем, обращаясь к пауку, сказал:

– Ты бы поостерёгся, а то не ровен час склюют. Дом – и тот склевали. Я, пожалуй, полечу, вон, кажется, ворона летит, а мне с ней пересекаться не резон, сам знаешь, – и воробей, взмахнув крылышками, перелетел с кучи на забор. С забора паука уже не

было видно. Зато было хорошо видно, как на ту же кучу мусора села старая горбатая ворона и, вперив единственный зрячий глаз в то место, где стоял ма-мушкин дом, ехидно проговорила:

– Допрыгались, голубчики! Кра-хе-хе, – и, смеясь, закашлялась, – кха-кха!! Хы-хы-хы!! – Затем взмахнула растрёпанными крыльями и нелепо, крениась то налево, то направо, перелетела через забор и буд-то провалилась в Глебучев овраг.

Крошкину этот визит не понравился. Он с забора снова перелетел на мусорную кучу и, не увидев на ней паука, риторически произнёс:

– Кто съел Федю?

Ему никто не ответил, так как во дворе никого не было.

– Кто съел Федю!?! – громко и с пафосом повторил вопрос воробей Крошкин. Пафоса же в голосе ему прибавило то обстоятельство, что его никто из посторонних не слышал.

Федя же в это время, послушавшись воробьиного совета, шустро перебирая ножками, бежал в сторону сарая, чтобы спрятаться там, в укромном местечке.

Часть вторая

Опалённые сердца

Глава 31. Столовая дракона

Бывают в июне такие дни, когда повиснет над городом проклятый сизобрюхий смог, и хоть ты его вилкой коли, хоть половником черпай – всё одно бесполезно. Вальжно этак развесится и висит ежевичным киселём на троллейбусных проводах, да на балконных ограждениях. Смотреть тягостно, не то, чтоб дышать. Да разве его вдохнёшь? Наберёшь полон рот синеватой горько-кислой ваты, поддержишь, да и выплюнешь в ближайшую урну. А тут ещё жара с пылью.

Надо сказать, что эти неудобства на свободе и то трудно пережить, а в ящике и подавно. В нём ещё свой смог прибавляется.

– На нас как будто что-то упало, – сказала Дуня.

– Вроде того, – проговорил кот.

Наконец скрежет и удары о ящик прекратились, послышался рёв и рык и узники почувствовали что их ящик подняли и стали медленно раскачивать.

– Кажется, нас куда-то везут или несут, – сказала Катерина.

– Вот опять уже не несут, а мы на чём-то стоим, – прокомментировал Пустолай.

Вдруг рядом с ящиком послышался какой-то шорох, кряхтенье:

– Братцы! Вы живы? – раздался голос сверху. Это был голос Заступника.

– Где мы? Что с нами? – в один голос спросили Дуня и Катерина, – несказанно обрадовавшись Заступнику.

– Вы и я и всё что осталось от нашего дома один из змеёнышей везёт на своей спине, а куда не знаю. Странное дело,... этот змеёныш идёт не сам по себе, а в его голове сидят люди. Что-то всё очень непонятно. Может быть это и не змеёныш, а такие устройства люди придумали, потому как они в голове сидят?

– Что за змеёныш? – спросил из ящика Мурлотик.

– Весь выводок очень большой, в железных непробиваемых панцирях. Я всю дубину о Горыныча обломал, но даже ни одного зуба ему не выбил. Потом изловчился и схватился за его зуб, когда он ящик понёс, таким образом оказался на спине другого змеёныша, чтоб быть вместе с вами. Должен же я вас защищать...

– Так остался бы с Никитой, двор защищал, место где стоял дом? – проговорил Пустолай.

– Зачем защищать место, когда там никто не живёт?.. Вы не бойтесь,... я с вами. Мне бы только уязвимое место у этих железных чудовищ найти, я бы этим непременно воспользовался.

– А где мы сейчас? – спросили из ящика.

– Не знаю. Везут нас по городу, вокруг дома большие, людей много.

– Дайте я,... дайте я понюхаю, – проговорил Пустолай, приставляя нос к трещине. – Я, знаете, по запаху много чего могу определить. Запахи это моя стихия. По запахам мы и дорогу назад к мамушкиному дому найдём.

Катерина отодвинулась, уступив Пустолаю место. Только сколько не внюхивался Пустолай, незнакомые запахи ему почти ничего не говорили о пути их движения.

– Я думаю, – сказал кот, – что плохие люди сговорились со Змеем и ему помогают.

– Я тоже об этом подумал, – сказал Пустолай, – Только боялся сказать, думал, что смеяться будете.

– Какой уж тут смех, – проговорила Дуня. – Спасибо тебе, Пустолаюшка, что помог нам в ящике совсем не разбиться, когда он кувыркался.

– Брось ты, Дуня, об этом... Я сделал то, что смог. Мурлотик тоже бы самое сделал, только он маленький и в распор ему не встать.

Все замолчали.

Примерно через полчаса езды, змеёныш сошёл с ровной дороги, поковылял по ухабам и остановился. Затем чудище стало пятиться задом, остановилось и глиняшки почувствовали, как ящик стал наклоняться и куда-то ползти, как бы под гору.

– Держитесь, братцы, нас змеёныш со спины сваливает! – прокричал сверху Заступник, и все, кто находился в ящике, почувствовали, как ящик стал

скользить всё быстрее и быстрее, затем обо что-то ударился и кубарем покатился. – Мы опять падаем, – ударяясь о стенки философски заключил Мурлотик, – и падаем вниз, потому как вверх мы падать не можем по определению.

Ящик тем временем упал на кучу мусора, скатился с неё к основанию и по инерции прокувыркался ещё сажени три по земле. Он бы мог откатиться и дальше, только его кувырканию помешал большой лопух.

Сам ящик, после падения, представлял из себя жалкое зрелище – крышка на нём частично оторвалась, доски были покорёжены и между ними образовались такие щели, что, кажется, ещё один удар кирпича или черепицы и он бы рассыпался на части. Через образовавшийся большой прогал между крышкой и ящиком, игрушки охая и прихрамывая, стали покидать своё убежище.

Глиняшки как только выбрались из ящика, тут же спрятались под большим лопухом, где их через несколько минут и нашёл Заступник.

– А ты как нас нашёл? – удивились и обрадовались они.

– Я же вместе с вами падал, только отлетел немного в сторону, а потом увидел, что ящик к лопухам откатился, подошёл, а он пуст, стал вас искать.

Все игрушки были несказанно рады, что они живы, а на синяки да шишки стоит ли обращать внимание.

– Какие здесь ужасные запахи, – заключил Пустолай и чихнул.

– Не чихай... услышат... – сказала Дуня, оглядываясь.

– Где мы, интересно? – спросил Пустолай.

– Неужели непонятно, – проговорил Мурлотик.

– Мой аналитический ум говорит мне, что нас привезли на свалку.

– Наверное, это столовая дракона, – добавил Заступник.

– Давайте приведём себя в порядок, отдохнём и немного оглядимся, – предложил кот и первый улёгся под лопухом, положив свой хвост под голову. За ним, охая и постанывая, повалились на землю и другие игрушки.

Глава 32. Кентавра мучает совесть

Как только Пал Палыч с ребятами, попрощавшись с дворником, вышли со двора на улицу, Антон остановился и повернул назад.

– Ты чего? – спросил Костя.

– Забыл.

– Чего забыл?

– Кепку забыл, она там на гвоздике висит, я повесил, чтоб паутина не насела.

– Беги, давай! – озлился Костя. – Хорошо, что мозги не оставил.

А Антон ни мозги, ни кепку и не оставлял, он просто засунул её за пазуху и сказал, что кепку забыл. Ему просто не хотелось оставлять Никиту вот так, как получилось у них, одного, не сказав ему тёплых слов, не утешив, ведь он видел, как ему было тяжело.

Когда Антон пришёл назад, то Никита уже прибил оторванную доску у сарая, вбил покрепче пробой и для надёжности приколотил дверь к косяку ещё гвоздём. После проделанной работы он остановился около кучи мусора и задумался.

– Дядя Никита, дядя Никита! – потянул за руку дворника Антон. Никита посмотрел отрешенным взглядом на мальчика, и ничего не ответил. И вдруг Антон почувствовал, что его как-будто тихонько кто-то теревит за ботинок, он нагнулся и увидел, что его ботинок скрябает копытом Свистопляс. Кентавр еле держался на ногах. Надо было видеть, как обрадовался своему другу Антон, он присел на корточки и взял Свистопляса в руки. Некогда отважный воин представлял из себя жалкое зрелище: головной убор его был сдвинут на ухо, щит весь исцарапан. Он стоял на трёх ногах, потому как одна задняя нога его была треснута.

– Ты один, а где остальные? Где Заступник, с которым ты вместе сражался?.. спросил Антон.

Свистопляс опустил голову, чувствовалось, что ему тяжело говорить, но он, преодолевая себя, сказал:

– Всё кончено, Тоша... Мусор увезли, дома больше нет. Я надеялся, что может быть они каким-то образом остались в этих поскрёбках, и он кивнул на кучку оставшегося мусора, – но, ни Никита, ни я ничего не нашли.

– А где Заступник? Что с ним?

– Я не всё знаю, мне железом, которым враг разбивал дом, повредило ногу, но Заступника он не задел. «Это он так бульдозер с ножом называет», – подумал Антон.

– А что с ящиком?

– Ящик я видел... Я видел, как его лапамихватило одно чудовище и бросило на спину другому. «Это он про погрузчик и самосвал говорит» – перевёл на свой язык мальчик.

– А куда делся Заступник?

– Его зверь не захватил, он оказался между когтями и мог бы быть здесь с нами, но,... но,... но..

– Что – «но»?

– Заступник – отважный воин, настоящий храбрец. Когда лапа чудовища опустилась на землю, чтобы взять очередную порцию мусора, то эта лапа опять его не захватила, а захватила ящик с глиняш-

ками, Заступник же сам подпрыгнул и ухватился за стальной коготь страшилища. Я видел как эта лапа с сжатыми когтями зависла над спиной другого чудища и как Заступник отцепился от зуба и упал вместе с ящиком из-под мыла на спину другого чудовища. Больше я ничего не видел... – Свистопляс помолчал немного и добавил. – Он,... он... ведь специально решил попасть на спину зверя,... специально. Он хотел быть со всеми,... он не мог поступить иначе... – голос Свистопляса срывался, он глотал слова. – Заступник пошёл на смерть ради товарищей, он решил или их спасти, или разделить с ними их участь – и слёзы потекли по щекам человеко-коня. – А.. я, а.. я,... Я даже не смог сделать и этого,... и потому чувствую себя очень плохо,... меня мучает совесть. Если б не нога, то я бы тоже дотянулся до когтя великана и был бы рядом с Заступником... Я должен быть там, рядом с ними...

– Не огорчайся... если б не ты, то кто бы нам всё это рассказал, – улыбнулся подбадривающе Антон, – ведь это сейчас даже важнее, чем, если бы ты был рядом с Заступником. Ты настоящий герой.

– Правда?! – спросил кентавр.

– Конечно. Ты герой. Информация в нашем деле, это шаг к победе. Мы теперь знаем, что произошло с глиняшками и это главное.

– Спасибо, – проговорил кентавр, – ты влил в меня своими словами каплю надежды.

Антон догнал Пал Палыча и Костю только на остановке троллейбуса у церкви. Вернее, не догнал, а когда он туда пришёл, то учитель и брат его ждали.

– Куда пропал?! – сердито сказал Антону Костя.
– Тебе только за смертью ходить. Один троллейбус по твоей милости пропустили.

Антон вначале не обратил внимания на Пал Палыча и Костю, он был поглощён своими мыслями о кентавре и Заступнике, но вот он заметил Костю и Пал Палыча. «Зачем им нужен этот сарай? – подумал Антон, – толку от него. Надо игрушки спасти, а не в барахле столетнем рыться». Но Антон не успел ответить, подошёл троллейбус. Братья уселись на заднее сиденье, а Пал Палыч прошёл вперёд, он не любил ездить сзади.

– Застрял чего? Мы ждать устали, – сказал Костя.

Вместо ответа мальчик разжал пальцы и показал брату кентавра. Только он не сказал, что он живой и разговаривает. «Зачем это знать всем? Что это даст? И принесёт ли пользу игрушкам? А если это принесёт им новое горе?.. ведь люди на Земле так жадны» – подумал Антон.

– Где ты его нашёл!? Что с ним случилось? – спросил Костя.

– Он попал под бульдозер, – нехотя сказал, едва удерживаясь от плача, Антон.

– Такой был великолепный кентавр, – сказал Костя. – Если б не твоё самоличное решение ехать на Большую Горную, то бы он был цел и невредим, – упрекнул Костя брата. – Вечно ты со своими инициативами... – но, увидев, что Антон очень сильно расстроен, смягчился и сказал. – Не переживай, что –нибудь придумаем. Сейчас приедем в «Спутник», покажем Пал Палычу, он знает как его вылечить?

Антон кивнул и положил Свистопляса в карман. До самой своей остановки братья молчали. Говорить не хотелось. Да и о чём говорить. Корить себя за сломанный дом, за потерянные игрушки, за украденную мельничку стоит ли? Всё равно время не повернёшь вспять и по-другому ничего не устроишь.

Глава 33. **Иносказательная речь**

После того как Пегас уехал на свалку, Муха вернулся домой. Остаток дня пролетел быстро. К вечеру он пошёл на пруд ловить рыбу. «Эх, надо было с Пегой ехать, – подумал он, всё интереснее». Придя на пруд, он стал наблюдать, как птички ловят над водой мошек, около камышей покачивались на волнах два круглых плота, но кататься на них не хотелось. Муха размотал удочки и забросил лески в воду, хотя понимал, что поймать вряд ли чего удастся, рыбы в этом пруду особой не было, так себе с мизинец, но делать всё равно было нечего.

В это же время, к тому же самому пруду подошёл младший лейтенант Митин. Он был без милицейской формы и с первого взгляда походил на отпущенного на летние каникулы студента. «Студент» – сразу дал кличку подошедшему Муха.

– Как, клюёт? – спросил младший лейтенант, – окинув взглядом мальчишку. По описанию Сорокиной, это был Мухаев. Копна нечёсанных рыжих волос, наполовину скрывала его лицо, нос был усеян многочисленными красноватыми веснушками. Зеленоватые кошачьи глаза смотрели настороженно.

– Так се-бе... – протянул Муха, придиричиво разглядывая незнакомца, и тут же подумал: «Действительно интересуется или разговорить хочет? Сдалась ему эта рыба мелкота. Наверное, разговорить. Может быть крутой, попросит сбегать куда, небольшое порученьце,... пивка там принести или ещё чего... Это я за небольшую мзду мигом. А, впрочем нет, не из этих, взгляд не крутого, добрый. Ладно, колись, птичка, раз прилетела, а мы послушаем...» и Муха, надев на лицо маску безразличия, приготовился слушать.

Митин не спешил. «Пусть сам проявляет активность, – размышлял он. – Вон как напрягся, готов к любому вопросу. В таком состоянии мальчишку допрашивать нельзя, получишь то, чего не желаешь. Лучше посижу, понаблюдаю, а там увидим» и он, усевшись поудобнее и, надвинув на глаза кепку, стал

ковырять прутиком в земле и чертить геометрические фигуры, да изредка вздыхать.

– Что тошно? – спросил Муха, поворачиваясь к Митину, – плюнь на всё и, как я, лови рыбу. Мне тоже тошно, а я вот ловлю и ничего становится.

– Плюнул бы и ловил, только рыбак я пока никакой, пробовал – мелкая не ловится, для крупной – леска не годится, – ответил Юра.

– А вы бредешком, – посоветовал Муха.

– В бредне ячея большая, мелочь уходит, а крупной может и не быть, хотя по слухам водится, – ответил Юра.

– Слухи – не факт, – заметил Муха, а сам подумал: «Чудит дядя. Здесь крупная отродясь не водилась, да и не рыбак он кажись вовсе – здесь бреднем только коряги, да старые кроватные спинки ловить, я подколол, а он клюнул, точно, не рыбак и отвечает как-то чудно».

Как только Пегас приехал со свалки в город, он сразу направился на пруд, Муха был там. Пегас ещё издали увидел рядом с Мухой незнакомого человека. Он подошёл к Мухе и, не обращая внимания на его соседа, бросил:

– Сматывай удочки, пошли в кафешку, дело есть, и, не дожидаясь, когда дружан соберётся, медленно пошёл по берегу. Муха, не попрощавшись с

собеседником, засеменял следом, на ходу сматывая леску.

– Что с ментурой кукарекаешь!? зло проговорил Пегас, когда они отошли на приличное расстояние.

– А он что, милиционер? – удивлённо сказал Муха.

– Я его сразу срисовал, проговорил Пегас.

– А я даже об этом не подумал...

– Меня больше интересует, почему он к тебе подошёл? Из любопытства..., или как?

– Брось, Пега, заикливаться... подошёл и подошёл..., что с того?

– Ладно,... поживём,... посмотрим, буркнул Пегас, а сам про себя подумал: «Неспроста это. Может быть из мальчишек кто чего натворил по-крупному? но он тут же отверг простую версию, Этим бы Сорокина занималась, а не он. Сорока – специалист опытный... Странно,... тут надо бы разобраться... Этого мента мы тогда у Сороки в кабинете видели, когда с мельничкой шли... точно... он.

– Зря мы вот так сразу ушли, сказал Муха. Надо было поговорить, может быть, что и прояснилось? Он вроде ничего, разговорчивый.

– И о чём вы говорили? Раз разговорчивый, заинтересовался Пегас.

– О рыбалке, клюёт – не клюёт?..

– А точнее можешь сказать?

– Можно и точнее, казал Муха, насупившись. Он говорит, что рыбак он пока никакой и что мелкая не ловится, а для крупной леска не годится. Я ему посоветовал бреднем ловить, а он говорит, что на его бредне ячея крупная, мелочь уходит, а крупной может и не быть и тут же добавил, что по слухам – водится. Явно не рыбак. Откуда в этом прудике крупной взяться?

– Точно милиционер, сказал Пегас.

– Откуда знаешь?

– Он тебе сам сказал.

– Ничего он мне и не говорил... удивился Муха.

– Эх, ты... чума болотная. - сказал Пегас, иронично улыбаясь, – это иносказательная речь. Помнишь в «Капитанской дочке» Пугачёв так говорил.

– Ничего я не помню и из книжки только некоторые листики прочитал, чтобы училка не привязывалась. Ну и о чём он говорил, скажи, если такой умный?

– Этот мент сказал, что у него на душе лежит. Прямо сказать не может, а выговориться выговорился. Мелкая рыба – полагаю подростковое хулиганье, пока от него ускользает.

– А почему он сказал, что для крупной леска не годится? – спросил Муха.

– Не в этом отделе работает, или опыта малова-то.

– Тогда почему он сказал, что крупной рыбы может и не быть?

– Меня ни это интересует, а то, что он сказал, что крупная рыба по слухам водится. По каким слухам? Это загадка. Надо полагать, что в милицию пришла наводка на крупных дельцов, тогда почему детский отдел этим занимается?

– Ты, Пега, голова! – изумлённо сказал Муха. – Я бы в жисть не допёр.

– Да не голова я,... не голова... Почему этим Со-рокина занимается? Вот вопрос.

– Что тут непонятного – «отцы и дети», – пробубнил Муха.

– Что ты сказал? – встрепенулся Пегас, повторил...

– Я сказал, что «отцы и дети», что тут непонятного?

– Не торопись... Я, кажется, что-то начал понимать. Только как это относится к игрушке, пока не знаю.

– Что ты начал понимать?

– А то, что меня Лёхой звать, – весело сказал Пегас и ушёл от ответа на вопрос.

– Не хочешь – не говори, – обиделся Муха. – Я тебе всё про незнакомца рассказал... Откуда мне было знать, что он из милиции. Разве одну деталь упустил.

– Какую?

– Когда дом сломали, и мы стали уходить. Я назад оглянулся и мне показалось, что этот студент из-за сарая вышел. Тогда я внимания на это не обратил, а сейчас вспомнил, точно, это он был.

– А за это пятёрка, – серьёзно сказал Пегас оставившись. – Такая информация всё дело меняет, и иносказательная его речь понятнее становится.

– И чего же ты понял?

– Предупреждает он нас, вот чего. Взять нас не с чем, с домом полный облом получился и у него тоже. На хвосте он у нас, понял?

– Может про игрушки в ментовке прознали?

– Возможно, но не это главное, – Пегас сплюнул.

– У них там в милиции что-то нарисовалось, а что – мы не знаем.

– А что, Пега, может нарисоваться? – спросил Муха испуганно.

– Всякое может быть. Если следовать иносказательной речи, то вроде крупная рыба образовалась, это или человек крупно заинтересованный, или целая организация.

– А мы причём?

– При том. Мы чем занимаемся – мелким бизнесом. А люди опытные, думаешь не просекают, что на этом можно деньги делать. Только действуют с размахом, по-крупному. Вот тебе и крупная рыба, что по слухам в пруду водится. Предупреждает он нас, чтоб осторожными были.

– А почему по слухам?

– Потому, что и в ментовке точно об этом не знают, но информация о щуке поступила.

– Так уж и о щуке?

– Не тупорылый же карась криминалом занимается...

– И кто же на роль щуки, по-твоему, подходит? – не унимался Муха. Он явно побаивался такого оборота дела и старался посильнее раскрутить друга, заполучить от него додумки, а затем их проанализировать, это для него уже было сделать проще.

– Щука не знаю кто, а щурят хватает, – ответил Пегас. – Около Червонца мелкая рыбёшка крутится, типа нас с тобой. Знаешь её сколько?

– Чё, много?

– А ты как-нибудь встань в сторонке и понаблюдай. Что приносят? – он сразу в стол кладёт. Потом к нему какие-то хмыри подходят, он, принесённое, им передаёт.

– У него что, пункт перевалочный? – заинтересовался Муха.

– Насчёт пункта не знаю, тёмное там всё. – Уклонился от ответа Пегас, не желая пока выдавать Мухе информацию о разговоре с Симой.

– Он собирала простой и обирала, – проговорил Муха сердито.

– Не скажи, может только маскируется, хотя на роль щурёнка подходит как нельзя лучше.

После таких слов друга, Мухе стало не по себе.

– Чего? Сдрейфил что ли? – сказал весело Пегас,

– Не бойсь. Со мной не пропадёшь, вычислим. Примерный расклад ясен, – а дальше уже ни к кому не обращаясь, а как бы для себя сказал: – Ох, поторопился ты, Симеон,... ох поторопился. Не ту дорожку торишь.

– Это ты о чём? – спросил Муха.

– Это я так, называется мысли вслух, – ответил Леонид, – не заикливайся.

– А если доцент в этом деле замешан? – задумчиво произнёс Муха.

– Забудь это имя и никогда не вспоминай! – озлился Пегас. Он и сам чувствовал, что доцент – фигура с секретом. «Впрочем, а что он, Леонид о нём знает? – спросил себя Пегас. – Знает про шкатулку, что всплыла в частной коллекции за рубежом и наделала много шума. Нашёл её, конечно, он. Только с меня в этом деле взятки гладки, а то, что я по мелочи нарыл – милиции до того дела нет. С этим они связываться не будут».

Так и не приняв окончательного решения, Пегас и Муха отправились в ближайшее кафе, чтобы скоротать время, да получше обсудить последние события.

Кафе их любимое место. Если заводилась какая-либо денежка. Они шли в него. Любимое кресло у

окна было занято. Странный тип в оранжевой куртке, очках и усах сидел и клевал носом. Муха плюхнулся в кресло за соседним столиком и вытянул ноги.

– Ребята! Вы бы поосторожней. – Раздался сзади странный скрипучий голос потревоженного посетителя.

– Кемарь дальше, дядя, – парировал Муха. И не обращая внимания на потревоженного соседа спросил:

– Что на свалке? Наколотось что?

– Угадал, – проговорил весело Лёня.

– Ну и что?

– А то – мусор в отдельное место велят.

– Ну и что, что в отдельное?

– А это говорит о том, что его перебирать будут.

Вот так. Определили нас с тобой, Муха.

– Может быть не игрушку ищут?

– Зря беспокоишься, её самую милую и ищут.

– Мы что теперь, не при делах, – спросил Муха.

– И что же, ничего сделать нельзя?

– При делах, при делах..., не суетись. Есть один вариант, но он не по мне...

– Какой вариант?

– Сима-мусорщик себе помощника ищет, мне предложил. У него там какие-то дела намечаются...
Говорит в прогаре не будешь.

– А ты?!

– Я отказался...

– Ну, ты, Пега, и псих... Тебе место тёплое выгорает, ходи поплёвывай, да бомжей гоняй с алкашами, а ты?

– Ты,... ты – вот тебе и «ты»?! – занервничал Пегас.

– Мне никто ничего не предлагает, говорить не о чем, – сердито ответил Муха.

Оба замолчали. Прервал молчание Пегас.

– Как на свалку прикатил, то сразу понял, что-то не так – мусор от дома в отдельное место валят, бомжи в нём ковыряются, да Сима бегаёт, суетится. Пришлось с Симой идти на контакт, деваться некуда. Или пан – или пропал. Думал – он меня турнёт, но не тут-то было, встретил как лучшего друга, хотя в особых друзьях я у него никогда не числился. Тут он и речь о своём заместителе завёл. Я здорово не отнекивался, чтобы Симино расположение не потерять. У них там с поисками неувязочка выходит. Сима психует. Организатор он никакой, только и способен матерится, да зуботычины раздавать. Меня к этому делу привлёк. Сегодня, так поковырялись немного, завтра с утра начнут по полной программе трясти, говорит, что целую бригаду бомжей пригонит.

– Вот, это молодец, что не отнекивался... – заулыбался Муха.

– Ты меня не хвали, я этого не люблю, – заметил Пегас, а вот получить временный доступ к свалке, заманчиво. Здесь можно у Симы игрушку из-под носа увести.

– Как?

Тут Пегас вплотную приблизился к Мухе и шёпотом что-то ему сказал.

– Круто... – расплылся в улыбке Муха. – Ты, Лёня – голова. Мне что, можно уже начинать?

– Слышал и забыл,... понял?

– Обязательно понял!!!

– Ну, давай. Ни пуха, ни петушиного крика. – Они встали из-за столика и вышли на улицу, а немного погодя вышел из кафе и обладатель оранжевой куртки. Он немного помедлил на крыльце и, дождавшись, когда ребята скрылись за углом, не торопясь пошёл в противоположную сторону.

Глава 34. Родная земля

Откуда было знать Ваську, Белянке и Смуглянке, что они, выброшенные из окна квартиры Фомы Фомича, упадут прямо в цветочный газон. Дом этот стоял на улице, в Комсомольском посёлке. Именно в нём и жил Фома Фомич, прямо напротив Алтынной горы, на верху которой рос дубовый лес, а за ним располагались многочисленные дачные постройки. Не знали они и того, что с этой горой их очень мно-

гое связывает. Потому, что именно из этой горы была взята серо-белая глина, из которой были сделаны многие их братья и сёстры, а из них троих полностью козочка Белянка и на треть овечка Смуглянка.

– Как, все живы? – спросил Васёк, пытаясь разглядеть в темноте овечку и козочку.

– Живы-то живы, только я очень сильно ножки зашибла, болят, – сказала Белянка.

– И я тоже, – добавила Смуглянка.

– Что будем делать, Васёк? Как нам быть? – запричитали козочка и овечка, – если бы ни эта клумба с высокими цветами, то мы бы разбились до смерти...

Вокруг было темно и страшно. Вскоре глаза выброшенных в окно игрушек немного привыкли к темноте и они стали различать близкие предметы, а затем, немного и те, что подальше. Они увидели, что дом, из которого они были выброшены, находится около высокой горы; настолько высокой, что её верх был едва видим на фоне мутного ночного неба.

– Что нам теперь делать? спросила испуганным голосом Белянка.

– Сначала надо отсюда убраться по добру - по-здорову, – сказал Васёк. – Ему явно не понравился этот непрогнозируемый приём в квартире Фомы Фомича.

– Давайте уйдём из города, город злой – сказала Смуглянка.

– Давайте залезем вот на эту гору, – предложила Белянка, – мне так хочется, меня просто тянет к ней.

– Давайте заберёмся на гору и посмотрим с высоты, может быть, мы увидим мамушкин дом? – сказал Васёк.

– Тут тысячи домов, – сокрушённо сказала Белянка, разве мы разберёмся, где наш?

– Недалеко от нашего дома на Соколовой горе стоит очень высокий памятник с журавлями на верху... – сказала Смуглянка. – Я видела его в окно автомашины, когда ехали с «Добрячком».

– Надо подумать, – сказал Васёк.

– А может нам просто попастьись по сочной травке и прийти в себя? – сказали хором козочка и овечка.

– Давайте взберёмся на гору, а там посмотрим, – предложил Васёк, – заодно и уйдём отсюда подальше.

Хотя он это и предложил в целях безопасности, но в нём продолжали бороться два противоположных чувства «уйти» и «остаться». С чувством «остаться» связывалось то, что господин Батист изрядно захмелел и не видел, как хозяйка расправилась с игрушками, а они Батисту явно понравились. Возможно, он очнётся и спросит о них сумасбродную Зину? Возможно, даже и купит, и тогда всё встанет на свои места?

– Если бы Батист не уснул, возможно всё сложилось бы по-другому, – сказал Васёк. – Он бы не позволил выбросить нас в окно. Европейцы – народ культурный... «Добрячёк» тоже не знает о выброшенных игрушках. Ему это не понравится, потому, что он рассчитывал их подороже продать Батисту.

С этим все согласились.

Другое же чувство говорило ему, что их образ жизни и отношения – ему чужды, что всё это красиво только в рекламе и что полёт в окно не досадная случайность, это норма отношений и что его гармошка с колокольчиками не нужна новым русским здесь, она для них неформат, и русские песни тоже неформат, а там, во Франции, и тем более. Эта гармошка создавалась здесь, на берегу Волги, и она должна быть здесь, потому что здесь, есть кому её слушать, есть кому радоваться её переборам и колокольчиковому звону. А там она такая же для них экзотика, как и набедренная повязка туземца.

Ваську хотелось то плакать, а то безудержно смеяться. Ведь это он, Васёк, совсем недавно хотел задавать тон жизни, хотел быть кумиром и участником разнообразных шоу. Это ему, Ваську, грезились, заливающие светом сцену, прожекторы и софиты, крикливые плакаты на улицах с его, Васькиным, портретом и гармошкой через плечо и много о чём ещё мечтал гармонист, что можно получить в этой жизни. «Что это – неудача? – думал он, – Случай-

ность? которые надо преодолеть и тогда всё заблестит и засветится?» И тут же опять внутреннее чувство Ваську начинало говорить, что это не случайность и не неудача – он просто не вписывается в то общество, в котором решил играть первую скрипку, и оно отторгло его, как отторгает организм что-то ему чуждое, и Васёк, запутавшись в этих противоречивых мыслях, всё искал и искал искомое решение и не находил его.

Прошли глиняшки не больше ста метров, как Васёк вдруг обнаружил, что с ним нет его любимой гармошки.

– Это у тебя, Вася, психологический стресс, – проговорила, подыскав нужное, но непонятное научное слово, Смуглянка. – Ты забыл о самом главном в своей жизни.

– Вы правы, однако инструмент бросать не годится. Подождите меня здесь, а я по-быстрому сбегаю в цветочную клумбу за гармошкой.

Овечка и козочка согласились, только с условием, что это будет недолго.

– Я быстро. Вы только никуда не прячьтесь, – сказал Васёк, – поднимитесь чуть выше по горе, чтоб вас никто не сцапал, и подождите, я вас там найду, – и ушёл. Овечка и козочка остались одни.

– Да, – сказала Белянка, как только Васёк скрылся в темноте, – если уж наш Васёк про гар-

монь забыл... – она не договорила, пытаясь подыскать нужные слова, и не находила их.

– Забыл, потому,... потому, что раньше гармонь была смыслом его жизни – задумчиво сказала, но не договорила своей мысли Смуглянка.

– Ты, козочка, точно подметила, а я никак слов не подберу, как это выразить.

– Что тут подбирать.... Ты посмотри на него... – То он постоянно твердил о красивой жизни, да как бы попасть за границу, а теперь... – сколько шли – ни одного слова.

– Он ещё надеется на Батиста.

– Возможно.

– Ни разу ни одну частушку не пропел, – добавила Белянка.

– Чего греха, подружка, таить... Мы ведь тоже вокруг него приплясывали и восторгались... – Ведь, правда? – и Смуглянка заглянула в глаза подружке. – Правда,... правда, – кивнула та, твёрдо посмотрев в глаза Смуглянке. – Мне и сейчас самой перед собой стыдно за свою глупость. Только и начинает чего-то доходить, когда хвост начинают задирать...

– Для богатых русских и для господина Батиста мы просто тряпки, о которые можно вытирать ноги. Поиграл и выбросил, как нас... в окно, да в грязь.

– В цветочную клумбу, – поправила её Смуглянка.

– Хорошо, что в окно полетели, а не в помойное ведро, надо радоваться и этому, – добавила Белянка. Обе глубоко вздохнули, а потом потихоньку пошли к выступу горы, который так привлёк их внимание. Посредине этого выступа мерцало большое белёсое пятно, которое издали напоминало облако. Луна мерно светила с высоты, мягко высвечивая очертания склона.

Они подошли к самой горе и стали подниматься. Наконец они добрались до середины горы и тут Смуглянка заметила:

– А это и не облако совсем, как нам казалось раньше, а земля такая светлая. Посмотри, подруга! – воскликнула Белянка. – Посмотри, сколько вокруг серо-белого порошка! Мы утопаем в нём по щиколотки! Какой он мягкий на ощупь и очень нежный!

– Я это тоже заметила. Да, здесь им всё усыпано!

– Постой, кажется, не усыпано, а сама гора состоит из этого порошка, – заметила Смуглянка, вот почему нам в этом месте привиделось облако. Ведь ниже по склону порошка не было и мы ступали копытцами по камешкам. – И они стали веселиться и посыпать друг дружку этим удивительным мягким и нежным серо-белым порошком. На какое-то время они даже позабыли, что у обоих болят ножки, и что они сюда еле-еле шли.

– А ножки у меня стали меньше болеть, – вдруг сказала Белянка.

– У меня прибавились силы... – добавила Смуглянка?

– Это волшебный порошок, – вторила ей Беянка.

– Привал! – сказала Смуглянка и первая села прямо в мягкий порошок. Она посмотрела на вершину горы, до неё было ещё далековато. – Здесь и дождётся Васю, – сказала она и подумала: «с больными ногами нам на эту вершину было бы не подняться».

Просидели с полчаса. Вдруг Беянка почувствовала, что ножка её совсем выздоровела, а у овечки зажило копытце и всё это совсем-совсем, навсегда.

– Ты знаешь,... у меня ничего не болит, – сказала Беянка

– Я тоже чувствую себя совершенно здоровой, проговорила Смуглянка.

– Мне так весело, отчего бы это? – спросила козочка.

– Ты посмотри на себя, а потом на этот порошок и сама себе скажешь,... почему тебе так радостно? – заметила Смуглянка.

– Беянка посмотрела на свои ноги и была удивлена тому, что порошок был неотличим от них по цвету.

– Что?.. Догадалась? – спросила ласково Смуглянка.

– Неужели?..

– Да, да,... подруга,... без всяких неужели. Нам ведь мамушка не раз говорила, что мы сделаны из земли. Так вот мы сейчас стоим на родной земле, из которой произошли. И эта земля лечит наши раны, даёт нам новые силы. И мы почувствовали, что мы не тряпки и созданы не забавы ради Батистов и синеволосых Барби. Это наша родная земля, она укрепила наш дух... Это наша родная глина.

– Ме-э-э-э! – кричала Белянка от восторга.

– Бе-е-е-е! – вторила ей Смуглянка.

«Порошок счастья – это наша родная земля!!!» – кричали они, и веселились как могли.

Они радовались жизни, хотя не имели крова над головой, не знали, что их ожидает и что с ними будет завтра? Они просто были счастливы.

– Ты правильно всё сказала, милая, и про порошок счастья, и про нашу родную землю – заметила Белянка, – Я просто хочу добавить к этому, что сейчас мы, казалось бы, находимся в худшем положении, чем раньше: у нас нет крыши над головой, мы не знаем, что нам делать? И куда идти? Но нам легко и радостно,... не правда ли?

– Всё так и есть, – и Смуглянка кротко улыбнулась. Просто это наш дом, потому, что это наша земля!!!

– Однако, что-то долго нет Васи, – сказала озабоченно Смуглянка?

Козочка и овечка встревожились.

.....

С Васьком же в это время происходили следующие события. Дойдя до клумбы и не найдя в ней свою гармошку, Вася решил, что гармошка, когда его вышвыривали в окно, возможно вылетела из его рук и осталась в комнате. И он стал думать, как незаметно пробраться в квартиру Фомы Фомича, чтобы взять свой инструмент. Однако судьба распорядилась за него сама и ему не пришлось решать столь сложный для него вопрос, ведь на третий этаж он никак не мог забраться. Васёк всё сидел на камешке в цветочной клумбе и сокрушался о своей гармошке, что не заметил, как наступило утро. Вася увидел, как во дворе дома уборщицы мусора развели большой костёр и стали сжигать старые коробки, и сухие ветви от деревьев. Вышла из дома и синеволосяя хозяйка с белым пуделем на прогулку. Хозяйка всё время говорила пуделю: «Фу, брось, собираешь всякую гадость» и при этом морщила носик и дёргала пуделя за поводок. Затем она сняла пуделя с поводка и тот стал бегать по клумбе и, конечно, сразу же нашёл под листом гладиолуса Васька. Пудель так был ошарашен такой нечаянной встречей, что от неожиданности открыл рот и из его зубов выпала глиняная гармошка. Васёк так обрадовался гармошке, что забыл про собачку и схватил инструмент.

Пудель ещё вчера увидел игрушки на столе, они ему очень понравились и ему очень хотелось с ними познакомиться, и с ними поиграть, но ему этого не позволили. Пудель обиделся и ушёл в другую комнату и не видел, как Зина выбросила игрушки в окно. Потом пудель, не найдя их в комнате, ходил, принюхивался и скулил и, наконец, нашёл гармошку. Та зацепилась за шпингалет форточки. Утром же, когда его вывели на прогулку, его тонкий собачий нюх, сразу уловил, что из цветочной клумбы исходит знакомый запах и не ошибся.

Обрадовавшись находке, он тут же схватил в зубы Васька вместе с гармошкой и стал весело бегать вокруг хозяйки.

– Что за пёс!... опять чего-то подобрал, – проговорила Зина и попыталась подозвать пуделя и отобрать у него его находку, но тот не поддавался, продолжая выписывать от радости по двору круги. Наконец один из рабочих, подбрасывающий в костёр ветки и коробки, схватил пуделя за ошейник. Хозяйка тут же подошла, пристегнула поводок к ошейнику, поблагодарила рабочего за помощь, а затем вытащила из зубов своего питомца его находку. Каково же было её удивление, когда она увидела ту самую игрушку, которую выбросила вчера в окно.

– Собираешь всякую дрянь, – проговорила Барби и бросила Васька вместе с его гармошкой в костёр. Это обидело пуделя, но в костёр за находкой он

лезть побоялся, хотя игрушка ему очень нравилась. Зина тут же увела пуделя в дальний конец двора и с поводка уже не спускала.

.....

Немного погодя во дворе появились два господина. Их Васёк увидел сквозь пламя костра. Один из них был Батист, а другого скуластого, с тяжёлым носом и широкого в плечах он никогда не видел. Васёк обрадовался и уже хотел крикнуть, что он здесь, в костре, но не крикнул. Во-первых, эти, двое были ещё далеко и за треском горящих веток могли его не услышать, а во-вторых, Васька что-то насторожило. Батист с товарищем осматривали двор. Вот они приблизились так, что стало слышно их разговор. Васёк прислушался.

– Вы говорите, что хозяйка выбросила их в окно? – спросил незнакомец.

– Да, Бакстер, она мне сама об этом сказала... –

– Значит, вы лично не видели, как их выбрасывали? – спросил Бакстер. – Плохо дружище... очень плохо... Нашли игрушку и не смогли её взять и передать нам, как мы о том договаривались...

– Это, по большому счёту, воровство, – проговорил Батист сквозь зубы. Он давно знал Бакстера и мог позволить себе высказать собственное суждение.

– Воруют у равных, – скривил недовольно губы Бакстер. – Не берите на себя лишнего.

– Я не считаю этот народ туземцами! – вспыхнул Батист.

Бакстер поморщился.

– Они не туземцы. Они просто стоят на нижней ступени социального развития и этого достаточно по определению.

– Чего достаточно? – запальчиво спросил Батист, – и по какому определению?

– Достаточно для того, чтобы помогать ведущей цивилизации. Иначе прогресс остановится. Не каждый сам по себе, дружище, а все для одного, только в этом случае возможен планетарный рывок.

– Все остальные народы и государства на обслуживе, так что ли?! Это и есть ваше *определение*.

– А что в этом плохого? Если хорошему спортсмену не создать идеальные условия, то и не жди результатов. Важен результат, а он налицо. Поэтому и ты, и я работаем на этот результат, создаём условия. Мы – расчищаем дорогу лидеру, другие – посыпают её гравием и так далее. Ушла в прошлое соревновательность между странами и цивилизациями. Возможно, она была более справедлива, но не столь результативна. Налицо – не экономная трата ресурсов и интеллектуальных сил на земле. Разумеется, авангард не должен в чём-то нуждаться. Он же даёт и правила, которые никто не вправе нарушать.

– Тогда скажите – при чём здесь игрушка?

– Игрушка, как и религия – это анахронизм. Авангард не заинтересован, чтобы вспомогательный эшелон сильно отставал, это мешает общему движению вперёд. Дети должны играть в более цивилизованные игрушки. Согласитесь – в век высоких технологий ребятишки не должны играть в глиняных болванчиков, даже у обслуги. Это нонсенс. Убедил? – И он дружески похлопал Батиста по плечу в знак примирения.

– Звучит, Бакстер, убедительно. Я над этим подумаю. Батист замолчал.

– Подумайте, дружище, подумайте. Так, что вы ещё можете сказать об игрушке? – спросил Бакстер.

– Они пели, танцевали, играли на гармошке... – выдавил сквозь зубы Батист.

– Вы, кажется, перепили... Кто играл?.. Кто танцевал?.. Игрушки что ли? – и Бакстер внимательно, как врач, посмотрел на Батиста.

– Да, они... пели, плясали и разговаривали...

– Ладно. Оставим эту тему. – Вздохнул Бакстер. – Если это не влияние выпитого на ваши мозги, то вам нельзя долго находиться в этой частично сумасшедшей стране с её частично невменяемым населением.

Бакстер помолчал и через минуту заговорил снова.

– Игрушки у него ожили... Гм... Чёрт те чё напридумывает в своё оправдание. Нам, Батист, нужна

игрушка, живая она или мёртвая не имеет значения... Для чего вы меня вызвал и привели в этот двор? Сказать, что оказались ротозеем? Игрушка была в ваших руках, и вы её упустили. Или как?..

– Может быть, спросить об игрушках у Зины? Вон она в другом конце двора выгуливает пуделя.

Батист хотел что-то сказать ещё, но Бакстер недоволен поёжился, дескать «хватит об этом, это твой вопрос, ты его и решай... » и они пошли со двора.

Разговор двух иностранцев обескуражил Васька. Да, что там обескуражил, он потряс его до глубины души. И ещё неизвестно, что жгло его сильнее: пламя костра, или суждения этого квадратного Бакстера. Оказывается, он никого здесь в грош не ставит. Для него и Никита и мамушка непонятно кто – прошлый век? А он вообще – глиняный болванчик... Потом он говорил о каких-то правилах, которые они не имеют права нарушать. Что это за правила? Кто их придумал? Может быть, этот компаньон Батиста их и сочинил? Странно всё это. А Батист! Почему он так робко возражал и в конце-концов уступил? Какой я глупец... какой глупец. – И Васёк больно стукнул кулаком по колену.

.....

Пудель жил один в большой комнате и у него не было настоящего друга. В комнатах было много вся-

ких красивых вещей, до которых ему запрещали дотрагиваться, а ему иногда так хотелось какую-нибудь из вещей лизнуть или о неё потереться. Только вещи на него не обращали никакого внимания, они были заносчивы, особенно шведские часы и венский стул. Шведские часы вообще игнорировали белого пуделя, а венский стул старался от пуделя всегда отодвинуться, непременно ворча при этом: «ходят тут всякие, только и смотри, чтоб не обшарпали».

С прогулки пудель вернулся очень грустный. Всю ночь думал пудель о глиняном человечке с гармошкой, и ждал вечера, когда его поведут снова на прогулку. Ему хотелось, чтобы его на прогулку повёл хозяин и тогда он смог бы поискать человечка в прогоревшем и остывшем, к тому времени, костре, а вот хозяйка этого не разрешит и вряд ли спустит его с поводка, чтобы побегать. Но, на то у пуделя и голова, чтобы думать. И эта голова придумала следующее – необходимо спрятать куда-нибудь подальше Зинину туфельку и тогда наверняка на прогулку его поведёт хозяин. Он так и сделал, взял хозяйкину туфельку и положил ее под отопительную батарею, да задвинул носом подальше, чтоб ее сразу было нельзя найти.

Вечером, к радости пуделя, его повёл на прогулку хозяин, потому как Зина не могла сразу найти туфельку. Разумеется, как только хозяин спустил

пуделя с поводка, он сразу же побежал к тому месту, где горел вчера костёр и начал разгребать пепел и остывшие головёшки лапами. Конечно, он нашёл того самого человечка с гармошкой, но?.. Каково же было его удивление, когда он увидел не серобелого, а золотистого гармониста. Пудель даже не поверил своим глазам, он взял игрушку в зубы и вытащил её на лужайку, ощутив, что в зубах у него находится не податливое, как раньше глиняное тело, а очень твёрдое, которое даже не разгрызёшь зубами. Это очень удивило пуделя.

– Как ты смог перекраситься? – спросил он гармониста.

– Не знаю, – ответил Василий.

– А что же ты знаешь?

– Помню, что было очень жарко, просто нетерпимо... Помню, что из меня стал выходить сырой дух в виде пара, потом я стал от огня размягчаться.

– А потом?

– А потом,... потом,... я не помню. Я вроде бы как заново родился... Вроде бы и руки, и ноги, и всё тело моё, но уже совсем иное, вроде бы как и не моё и в тоже время моё... Оно такое крепкое, и дыхание моё не такое как раньше,... и вообще всё - всё не такое,... даже мысли в голове и то стали другие.

– Что-то ты совсем меня запутал: моё – не моё, такое – не такое... У меня, аж кругом голова пошла.

– Проговорил недоумённо белый пудель. – Скажи

толком – ты это, которого я нашёл в клумбе, или это не ты?

– Точно я, но только уже и немножко не я...

– Опять заморочка... Как это я... и тут же, не я. Со мной такого не бывает. Я, всегда – я. Лучше скажи, кто может подтвердить, что ты – это ты?

– Белянка и Смуглянка, – выпалил Василий. – Ах, да,... Я о них совсем забыл.

– Где же они?

– Они у горы, меня дожидаются.

– Так пошли к ним,... чего здесь торчать и дожидаться, когда меня хозяин возьмёт на поводок? Давай, Васёк, так тебя, кажется, зовут, уйдём отсюда.

– Давай, только, Пудя, не называй меня Васьком, это меня так раньше звали. Я – Василий. Понимаешь – Василий, а Васёк это в прошлом.

– А как же Васёк? – опешил пудель.

– Был Васек, да весь вышел, улетел вместе с дымом и паром из костра.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, Василий так Василий, – проговорил недоумённо пудель, – как скажешь.

– А тебя со мной хозяин отпустит? – спросил Василий.

– А мы убежим.

– Как убежим?.. Без спросу? – спросил Василий.

– А что здесь такого... Собаки часто теряются... И потом, мне очень надоело жить с этой синеволосой

хозяйкой мы... мы... мымрой,... вот. Я бы хотел стать твоим другом.

– Слушай, давай тогда потеряемся по правде, раз уж мы друзья.

– Давай... А как?

– А ты погонись, хотя бы вон за той вороной, а уже назад не возвращайся.

– Это хорошая идея...

Задумка им удалась. Напрасно Фома Фомич звал белого пуделя, погнавшего за вороной. Через пять минут Василий и белый пудель были уже вне зоны видимости. Они шли к высокой горе.

– А ты, оказывается, не промах, – сказал Василий пуделю. Я, правда, о тебе очень плохо поначалу подумал. Подумал, что ты жирующий хозяйский балбес...

– А я, а я тоже о тебе плохо подумал, – вторил ему пудель. – Когда ты стал играть перед хозяйкой и этим иностранцем. Я подумал, что ты с подружками самая, что ни на есть «золотая молодёжь». А теперь вижу, что ты совершенно иной человек, очень серьёзный и вдумчивый. У меня от такого переворота в сознании даже голова кружится.

– А у меня,... у меня совсем головы, кажется, не было и появилась, то есть я стал ощущать, что я думаю сам, соображаю сам, а не повторяю как попугай чужие мысли... – весело сказал Василий.

– А я смотрю,... вроде ты такой же, только весь красный.

– Меня огонь опалил, – вставил Василий, – по этому и цветом стал другим, не как прежде.

– Нет, это тебя, дружище, жизнь опалила и мозги на место поставила, – серьёзно сказал пудель, а не огонь. – Давай торопиться, ведь нас давно ждут.

– Ты прав, и про мозги тоже, – сказал Василий вспомнив разговор Батиста и Бакстера.

Глава 35. Реставрация

После поездки на Большую Горную Пал Палыч, Костя и Антон снова приехали в клуб. Около кабинета Пал Палыча ждали дети; пришли лепить, а кабинет закрыт. Пал Палыч открыл дверь. Ребятишки сразу стали занимать свои места. На Пал Палыча посыпались вопросы. Учитель старался побыстрее загрузить ребят работой. Воспитанники готовились к выставке: кто спрашивал совета по лепке, кто не знал, как приготовить ангоб. Часть детей занимались росписью. На столе уже стояло с десятков готовых фигурок, но этого было маловато. Каждый из ребят хотел увидеть на выставке хотя бы одно своё изделие. Антон с Костей терпеливо дожидались, когда Пал Палыч немного освободится, чтобы показать учителю свою находку и поговорить о кентавре.

Когда Пал Палыч увидел кентавра, то чуть не подпрыгнул от счастливой неожиданности.

– Что ж вы её мне там не показали? А...

– Мы боялись, что вы ещё сильнее расстроитесь,
– сказал Костя. На фоне сломанного дома и такая находка.

Пал Палыч дрожащими от волнения руками взял в руки кентавра. Он вертел его в руках, разглядывал, затем даже вооружился лупой и постоянно повторял: «так - так..., интересненько,... интересненько, очень даже недурно, прекрасная задумка».

– Так это же самая настоящая старая саратовская игрушка! – воскликнул он, а затем сказал, обращаясь к братьям. – Эх, был бы жив профессор Вениамин Павлович Позолотин!.. Я бы среди ночи к нему на квартиру побежал... Вот она, ребятки, местная игрушка, – и он поднял её высоко над головой, чтобы все могли увидеть. Такой радости в глазах Пал Палыча ребята ещё не видели. Он ходил с Свистоплясом по кабинету, подносил игрушку то ближе к глазам, то рассматривал на расстоянии вытянутой руки, прижимал к груди и даже напевал какую-то песенку.

– Жаль только что побитый, – сказал учителю Костя.

– Дорогой мой мальчик! – проговорил Пал Палыч в волнении. – Причём здесь поцарапанный и побитый... главное он есть. А вы знаете, я его вчера даже во сне видел.

– Расскажите, как вы его видели? – попросили братья.

– Вроде бы я нахожусь на какой-то свалке и вижу, стоит у большой кучи мусора Вениамин Павло-

вич Позолотин и этак загадочно меня манит к себе рукой и на кучу эту самую показывает, а сам улыбается. Я к нему хочу подойти, а ноги не идут. А профессор мне так укоризненно говорит: «Что ж это вы, Пал Палыч, на мою находку не желаете посмотреть?» – сам нагибается и поднимает с мусорной кучи этого самого кентавра, а кентавр вроде как живой, смотрит на меня и говорит: «Не стесняйтесь, Пал Палыч, подходите, мы вас ждём», – а сам этак рукой меня манит и хвостом помахивает. Как видите сон в руку.

– Кентавр с вами даже человеческим голосом говорил, – спросил Костя.

– Такое во снах бывает, – ответил Пал Палыч.

– Давай не будем говорить Пал Палычу о том, что он у нас уже был целый и здоровый, а то заругает, – шепнул Антон брату.

– Само собой, – ответил Костя.

Пал Палыч же, пока дети лепили и красили, говорил и говорил им о старинных глиняных игрушках и о кентавре тоже:

– Это уникальное изделие, разноглинный кентавр. Это и конь и человек вместе. Посмотрите на него внимательно и вы увидите, что слеплен он очень любовно. Мистический герой древних защищал праотцев от врагов. В нём сочетается и мудрость человека, и быстрота, выносливость и сила коня.

Пал Палыч говорил, а сам всё ходил и ходил взад и вперёд по кабинету широкими шагами, дер-

жа в руке Свистопляса. Он был возбуждён, на лице учителя играл румянец, глаза светились и вообще он был на крыльях удачи.

– Как это – разноглинный? – спросил Костя.

– Видите, у игрушки человек по пояс белый, а конская часть коричневая, кроме хвоста.

– Вижу, только я думал, что это так покрашено, – сказал Костя.

– Нет, не покрашено, а слеплено из белой и коричневой глины.

– Вот здорово!! – удивился Костя.

– Это, ребята, о чём говорит? – Спросил педагог и тут же сам ответил. – Это говорит о том, что эту игрушку делал хороший мастер, можно сказать виртуоз в своём деле. Разноглинку лепили редкие игрушечники.

– Я понял, – сказал Антон, – белая и коричневая глина даёт разную усадку и потому при высыхании обязательно будет отслаиваться одна глина от другой.

– Молодец, Антон. Это если она по усадке разная, так чаще всего и бывает. А дальше? – спросил Пал Палыч, – глядя на ученика, – договаривай, договаривай.

– А дальше, требуется тщательная подгонка глин по усадке с добавлением или отбором песка, – сказал Костя.

Антон засмутился. И вообще он был горд тем, что Пал Палыч рассказывает о его находке. А когда

занятия закончились, учитель подсел к Антону с Костей и спросил:

– Там только была одна эта игрушка и всё?

– Не всё. – Костя покраснел. – Нас опередили Муха и Пегас. Они тоже что-то прихватили. Говорили о каком-то глиняном мальчике.

– Что же вы мне сразу не сказали?

– Мы хотели, – Костя ещё гуще покраснел, – да кентавра потеряли. Потом нашли, а глиняный мальчик нам не достался.

– Лепили, такие Глиняшки-Гуделки, – сказал Пал Палыч. У меня в детстве была такая игрушка. – И тут же, переменив тему разговора, сказал, – Я вас, предупреждаю – с Пегасом не заговаривайте об этом, чтоб не насторожился.

– Так он Гуделку уже поди сбыл на Сенном, – заметил Костя.

– Это тоже жедательно узнать. Надо подумать, как этого Глиняшку найти?

Как ни рады были дети и Пал Палыч находке, но больше всех радовался Свистопляс. Он, находился в руках учителя, и был от этого просто на седьмом небе. И почему мамушка ему не сделала крылья? Он бы сейчас взлетел под потолок,... да куда там под потолок – он бы поднялся выше дома и даже выше журавлей на Соколовой горе и кричал бы всем, блистая в лучах солнца: «Я – игрушка!!! Я ваша игрушка... саратовцы!!! Я не просто так. Слышите, горожане!! Поднимите ваши глаза, посмотрите на небо! Это я, Свистопляс,... самый настоящий кентавр, я

самая живая и красивая глиняная игрушка на белом свете; меня слепила великая игрушечница города – мамушка! Вы уже не помните меня, а я есть,... и есть мои братья и сёстры,... нас много. Я познакомлю вас с Гуделкой и Заступником, Белянкой и Смуглянкой, Катериной и Дуняшей, Мурлотиком и Пустолаем, а Васёк сыграет вам на Саратовской гармошке и сочинит прекрасные куплеты!.. Вы откусываете великолепного Саратовского калача, испечённого великой мастерицей Катериной...

Но тут учитель поставил игрушку на стол и Сви-стопляс осёкся в своих мечтаниях. Он вдруг вспомнил, что из глиняшек он один в этом помещении и что он даже не знает, где находятся его друзья Васёк, Белянка и Смуглянка? Радость его померкла, а глаза потускнели.

– Пал Палыч, а народная игрушка не анахронизм? – спросил Костя. – Сейчас век техники, компьютеров. Много технических игрушек – бакутанов, трансформеров и других.

– Эти игрушки, – не больше и не меньше – есть факт интервенции на ваши души. Игрушка не должна быть злой. По признанию некоторых художников из Голливуда, эти образы им приходят в голову в результате употребления наркотиков. Они их просто видят в наркотическом угаре и зарисовывают. Теперь вам понятно, во что вы играете?

– Понятно. А кентавра можно починить? – спросил Антон.

– Обязательно можно, – сказал Пал Палыч, – даже необходимо, этим мы сегодня и займёмся. Для начала, ребята, давайте приложим к его царапинам кусочки перемятой глины и оставим на часок другой, влага из этих кусочков очень медленно перейдёт в верхний слой изделия, немного размягчит его и тогда царапины можно будет заглаживать.

– А почему именно так надо, а нельзя просто взять и замазать? – не унимался Антон.

– Влажная глина к сухой не пристанет, – заметил учитель.

– А если его смочить? – продолжал спрашивать Антон.

– Смачиванием вы только разрыхлите и разрушите верхний слой изделия, вот и всё, игрушка будет испорчена.

– Разве? – разочарованно протянул Антон.

– Секрет здесь, ребята, заключается в том, что глина обратного хода при увлажнении не даёт, – сказал Пал Палыч, обращаясь ко всем детям. – То есть, её нельзя из сухого состояния в изделии перевести в то состояние, как бы вы только что это изделие слепили.

– Вы же нам, Пал Палыч, говорили, что глину можно в жижу превратить и мы не раз в этом убеждались, размачивая в корыте игрушечный бой, – сказал Витя Делягин.

– Размочить – это одно, – потербил ухо Пал Палыч, – здесь много ума не надо, а вот размягчить изделие без нарушения связей, полностью не удаст-

ся. Частички глины, вбирая воду, набухают и встают так, как им удобнее, а на прежнее место не встают, плотность нарушается и получается рыхлость. Это всё равно как если из битком набитого троллейбуса высадить пассажиров, а потом попросить их зайти снова и занять те же места, с той же плотностью.

– Этого никогда не получится, если только после длительной тренировки, – сказала Люся Пахомова.

– А вот и получится, – заспорила с ней Козырева Тася, – ты не знаешь, а говоришь, – правда, Пал Палыч?

– Точно всё сделать, не получится, это я про троллейбус и пассажиров, вот и в глине точно так же – сказал Пал Палыч, – слишком много разных факторов влияют на процесс.

– Можно только высадить тех пассажиров, кто на ступеньках висит, – заметил Антон.

– Верно, – улыбнулся Пал Палыч, – те, кто в первом ряду находятся, те только могут выйти и зайти, но и занять, более-менее точно, свои места, так и в глине.

– Верхний слой в глине как раз и есть те самые пассажиры, что на подножке стоят, – догадался Делягин, – мы их можем сами расставить.

– Совершенно верно, – подтвердил Пал Палыч. – Сделан кентавр из серо-белой глины, так что приложить к нему лучше какую глину?

– Серо-белую, – быстро ответила на вопрос Тася.

– Правильно, приложить лучше серо-белую, догадалась, молодец, только не очень влажную, возь-

мите лучше ту глину, которая изрядно подвяла, чтоб влага медленно переходила, а не бегом бежала в кентавра.

Ребята, чтобы поэкспериментировать, стали искать собственные побитые игрушки, чтобы немедленно заняться их восстановлением, а Миша Лучников даже специально процарапал полосу на своём высохшем домике, чтобы тут же её и заделать.

– Где ж я такую сейчас глину возьму, чтоб не сырая и не коже-твёрдая?, – спросил Антон. – Им, – он кивнул на товарищей, – ради эксперимента можно любую глину пробовать, а нам кентавра чинить надо, это серьёзно, тут не поэкспериментируешь.

– Ты же вчера лепил чего-то, – заметил Костя, – вот это изделие как раз и находится сейчас в подвяленном состоянии, тут и думать нечего, они же у тебя на медленной сушке стоят.

– Он правильно говорит, – поддержал Костю учитель.

– Только я не могу ломать изделий, – сказал Антон, подумав о том, что ему рассказал о своих братьях и сёстрах Свистопляс. Да и сам кентавр был главным подтверждением тому, что игрушки живые, потому сломать что-либо из сделанного – было никак нельзя.

– А ты и не ломай, – сказал Костя, – возьми и приложи готовые изделия к кентавру.

– Ты голова, – обрадовался Антон и тут же достал вчерашние изделия, которые у него находились в ведёрке и приложил их к ранам на теле Свисто-

пляса. Пал Палыч поправил, проделанное Антоном, и сказал:

– В этом деле, ребята, торопиться не надо, вы, пока кентавр увлажняется, другое что-нибудь лепите, а про кентавра не забывайте, здесь, как мало подержать – плохо, а передержать и того хуже, так что глину на кентавре надо держать ровно столько, чтоб ноль в ноль было по времени, не больше и не меньше.

– А как же определить, когда готово? – спросил Костя.

– Отнимай глину с поврежденных мест и проводи ногтем по телу кентавра в том месте, где повреждение, если остаётся блестящая полоса, то значит пора глину убирать и проводить восстановительные работы.

Антон сгорал от нетерпения, он то и дело заглядывал в ведёрко, боясь что глина на кентавре пере лежит. Примерно через полчаса осмотрел кентавра и Пал Палыч.

– Достаточно, – сказал он, – а теперь, ребята, надо вести реставрационные работы дальше.

– А как? – спросил Костя. – Вы нам об этом не рассказывали.

– Раньше не говорил, потому, как нужды в этом не было, а теперь говорю, – сказал Пал Палыч. – Реставрация старых глиняных изделий, это, можно сказать, высший пилотаж в работе с глиной, – и он рассказал ребятам, как заделывать на кентавре повреждения.

На то, чтобы починить кентавра, у ребят ушёл весь вечер. Пал Палыч очень внимательно следил за ходом реставрационных работ и самую ответствен-

ную работу делал сам, потому как находка была уникальная и ничего испортить было ни в коем случае нельзя. Наконец на кентавре сделан последний штрих и довольный Антон поднял Свистопляса над головой.

– Пал Палыч, а можно я возьму игрушку домой и немного с ней побуду, – спросил Антон.

– Зачем, пусть в кружке остаётся, – сказал Костя, и толкнул сердито брата локтем.

– Да нет, я не против,... возьми, – сказал Пал Палыч. – Ты же её нашёл, только обращайтесь с ней, ребята, очень бережно, это реликвия. Положи её сразу в ведёрко и прикрой ведёрко сверху тканью и раньше утра в ведёрко не заглядывай, а утром можешь открыть и изделие из ведёрка вынуть. Я надеюсь на вас. .

– Это зачем накрывать тряпочкой? – спросил Костя учителя.

– Чтоб реставрированные места медленнее высыхали. Бережно всё делайте, бережно. Можно накрыть и газетой.

– Обязательно бережно, – воскликнул от радости Антон, взял Свистопляса, завернул его в мягкую тряпочку.

– И я возьму свою игрушку, – сказала Люся.

– И я, – сказал Миша Лучников.

«И я», «И я», – загалдели ребята.

– Ладно, ладно, берите, – улыбаясь, сказал Пал Палыч.

Ребята радостные ушли из клуба, было уже поздновато.

– Ты зачем игрушку взял? – сказал сердито Костя, – тоже мне собственник нашёлся... и других подначил.

– Ты просто ничего не знаешь, – сказал Антон. – Эту игрушку зовут Свистопляс.

– Как, как?

– Свистоплясом его зовут.

– Что, сам придумал?

– Не я, а он сам мне сказал.

– Кто?.. Пал Палыч!?

– Да кентавр и сказал.

Костя от такого ответа неожиданно остановился. Он даже как - то опешил и изумлённо и даже изучающее посмотрел на брата. В то, что кентавр живой и говорящий, он не поверил.

Братья Пчелинцевы шли из КЮТа в приподнятом настроении, думая над тем, как найти и другие игрушки. Они решили снова заловить Муху и хорошенько его допросить. Больше всех радовался Антон, потому что он чувствовал как у него в кармане скрывается копытом Свистопляс, желая высвободить из кармана хотя бы голову. Однако, если бы братья Пчелинцевы задержались в клубе хотя бы на пару минут, то обязательно нос к носу столкнулись бы с Вадиком Мухаевым.

Вадик вошёл в кабинет бочком, не слышно.

– Что так поздно? – спросил Пал Палыч, – все уже разошлись, да и я скоро уйду.

– Я ненадолго.

– Что, Вадим?.. желание полепить пробудилось?
– спросил Пал Палыч, а сам подумал: «неспроста он вот так поздно пришёл, перед самым концом занятия».

– Подарок матери надо, вот я и пришёл, вспомнил только что, а завтра день рождения, – соврал Муха.

– Это хорошее дело. Думаю, как лепить ты ещё не забыл? – спросил Пал Палыч.

На вопрос преподавателя Муха утвердительно кивнул головой, взял кусок глины и целлофановую подложку сел за стол недалеко от Пал Палыча и стал лепить.

«Вроде и впрямь что-то делать собирается? – подумал Пал Палыч, разбирая на столе свои собственные поделки. Последнее время он пытался сделать старосаратовскую игрушку не пользуясь современными красителями, а применяя для подкрашивания только разноцветную глину. «Зря я о нём плохое подумал, – сказал Пал Палыч самому себе. – Мало ли, вот так походят, полепят, потом бросят, а по прошествии одного – двух лет приходят снова и уже надолго. Зря я так с подозрениями, это не педагогично».

На какое-то время Пал Палыч забыл о Мухаеве, ходил, просеивал сухую глину, смешивал глиняную муку, разводил засохшие краски. Дел было много, а времени не хватало, приходилось задерживаться. Когда Пал Палыч вспомнил о Мухаеве, того уже в кабинете не было. «Зря я к нему не подошёл, – укорил себя учитель, – человек через столько времени пришёл,...а я? Нехорошо получилось. Однако, не бежать же следом».

Глава 36. Сомнительная находка

Когда на следующий день Пегас с Мухой приехали с попутным автобусом на свалку, оттуда уже доносился громкий голос Симы.

– Работать,... работать, бездельники,... дохлые свиньи... Профессор? Я что ли буду хлам разбирать!? Кучка идиотов... Кормишь их, поишь, кров даёшь, а они бездельники машину мусора не могут перебрать!..

– Напоил и накормил, – пробурчал Крокыч. –... благодетель... «Живут же люди с такой совестью», – сказал высокий бомж.

– О какой ты, Мытко, совести говоришь, – проговорил Крокыч, – этого фактора человечности мы в Симе никогда не наблюдали.

– Перестаньте разговаривать, сюда идёт, – предупредил профессор.

– Ага,... болтовнёй занимаемся, а работать кто будет? – раздался злорадный голос Симы, и тут же раздался свист берёзового прута. Удар пришёлся по спине профессора. Прут разорвал на профессоре рубашку, выступила кровяная полоса.

– За что? – проговорил Крокыч, заступаясь за профессора.

– А было бы за что – совсем убил, – проговорил зло Сима и сплюнул.

– Хоть что ищем, скажи? – спросил Крокыч.

– Игрушки ищем,... игрушки, я же всем говорил...

– Какие игрушки? Нас с профессором не было, сам за верёвками да за баграми посылал, чтоб растаскивать.

– Будете в подчинении у Пегого, – бросил Сима, кивнув на рядом стоящего Пегаса. – И если что? Гони в шею, – сказал он Пегасу. – Считай, что это твоя первая проверка в деле. Не будешь кисейной барышней – сработаемся.

– А его я в помощники могу взять? – спросил Пегас кивнув на Муху.

– Бери своего слепня, не жалко, только чтоб всё в ажуре, понял? – и ушёл.

– Что ищем-то? – спросил опять Крокыч, но уже Пегаса?

– Игрушки глиняные ищем, дядя, игрушки, – ответил Пегас.

– Знаем, что игрушки, только непонятно как-то. Что, дорогие они?.. по ошибке выбросили?.. или как?

– Может быть даже и культурную ценность составляют, – бросил Пегас и, замолчав, отошёл к следующей куче. Да, он снова увидел того самого бомжа старичка. Что-то никак не верилось, чтобы это был тот самый профессор Позолотин – «В таком месте, босой, рубашка какой-то верёвочкой подвязана, – думал Пегас, – мало ли кого и как зовут...

Потом, информация от Симы вряд ли достоверна. Он этим хотел приблизить Лёню, вот и выложил замануху. Не похоже, чтоб профессор», и Лёня отошёл к следующей куче.

– Профессор! Игрушка, это уже по твоей части, – сказал художник Позолотину, когда Пегасов ушёл, – Правда, от этого пацана мало чего узнаешь, – и он кивнул в сторону стоящего у другой кучи Пегаса, – да и от Симы тоже.

– Здесь и узнавать не надо, – ответил Позолотин. – По привезённому мусору, можно сказать, что сломали старый дом. Видите, Семён Ваганович, черепицу?

– Вижу, ну и что?

– А то, что черепицей в нашем городе уже сто с лишним лет дома не кроют. Дому не менее ста лет. Потом, видишь, элементы наличников – ажурная прорезная деревянная вязь с козырьками.

– Покажите, Вениамин Павлович...

– Так вот же, вот... Голубки, а под ними карнизик резной, а сверху голубка козырёчек. Обратите внимание, Семён Ваганович, на чугунное литьё печных элементов. Всё это делалось не при советах, а гораздо раньше, ещё при царе. Потом, кирпич печной...

– А что кирпич? Кирпич, как кирпич, – и художник поднял с земли обломок кирпича.

– Не простой это кирпич, на каждом печать стоит, опять же размеры нестандартные. Раньше кирпичи делались других размеров. Эти стандарты не раз менялись. По кирпичам можно определить год их изготовления, а стало быть, и возраст строения. Дом, Семён Ваганович, очень старый. Уж поверьте мне как искусствоведу. В чём, в чём, а уж в этом-то я разбираюсь... Но, не это главное, дорогой друг. В городе есть дома и постарше. Главное то, что сказал Сима – «мы ищем глиняную игрушку» и, наверняка, это местная глиняная игрушка. – Глаза у профессора засветились. – Я знал, что она каким-то образом всплывёт, покажется, понимаете,... знал. Именно ей, Семён Ваганович, я и занимался последнее время на кафедре – опросил сотни стариков, составил словесный портрет этой игрушки. Вы бы нарисовали эту игрушку с моих слов, чтоб рабочим показать?

– В нашем-то положении... – изумился Крокыч.

– А почему бы и нет... – на мысль нельзя надеть наручники, дорогой друг, душу нельзя отстегать кнутом. Она всегда свободна. Я вот хоть и подневольный у Симы, а чувствую себя гораздо свободнее его. Он меня кнутом, а мне его жалко. Жалко, что в человеке, рождённая быть свободной, душа – мается в темнице его помышлений и пропадает. Это он не меня, Семён Ваганович, прутом стеганул, а свою душу несчастную стеганул.

Они замолчали. Через некоторое время Крокыч сказал:

– Вы, Вениамин Павлович, я смотрю, очень лихо заработали. Может быть от Симы благодарность заслужить хотите?

– Если бы вы, уважаемый художник, не были мне другом, то я бы обиделся, – разогнувшись, сказал Вениамин Павлович. – У меня стимул к труду появился. Первый раз подневольный труд в радость, – и профессор засмеялся.

– Поделитесь,... может быть, и я воспылаю любовью к рабству? – сказал непринуждённо Крокыч.

– Я вот о чём, Семён Ваганович, думаю и не только думаю, но и уверен – мы ищем эту, мою игрушку? Потому и руки сами к мусору тянутся...

– Дорогой мой профессор!! Простите, я об этом не подумал,... раз так, то мы должны найти её, быстрее чем другие.

– Пусть хоть кто-нибудь найдёт, мне всё равно, главное, чтоб нашли, да мне одним глазком на неё взглянуть.

– Они найдут и Симе отдадут, да на водку попросят, а Сима директору на блюдечке принесёт или ещё кому отдаст. А потом куда её сплавят? – никто не знает, – сказал Крокыч резко.

– Может, браткам, об этом шепнуть? – сказал Вениамин Павлович, – уж больно низкий процент вероятности, что игрушка попадётся именно нам.

– Мы никого из них не знаем, – дойдёт до Симы и будет беда. Это не важно, что он нас побьёт, он нас от работ может отстранить...

– Вон нам подмога идёт, – проговорил Позолотин, кивнув на приближающуюся группу людей.

– Сима с размахом дело делает – добавил Крокыч. – Стоп! Среди них вижу нашего знакомого.

– Кого?

– Помнишь к нам Валет приходил?..

– Конечно помню... Как же я могу такое забыть? Меня до слёз проняло. Может быть с ним поговорить, наш человек... Вы тут пошебуршите для видимости, а я сейчас, – и Крокыч, делая вид, что решил стянуть с кучи лесину, пошёл навстречу прибывшим.

Валет сразу узнал Крокыча.

– Что,... и вы здесь? – спросил он художника, пожимая ему крепко руку.

– А как же, – наигранно важно сказал художник, – в первых рядах.

– Что, и профессор кучи разгребает? – удивился Валет.

– И он тоже; в рабстве все равны.

– Сима старается, или кто ещё приказал? – заинтересовался Валет.

– Нет,... пока он один, – проговорил Крокыч и кивнул на Пегаса с Мухой. – Вон ещё двоих над-

смотрщиков нашёл, боится, гат, боится посмотреть.

– Нам сказали, что какие-то глиняные игрушки будем искать.

– Правильно сказали, – подтвердил Крокыч, – а теперь слушай, – и он понизил голос до шёпота. – Позолотин уверен, что мы ищем ту самую игрушку о которой он пишет в своей книге, старую саратовскую,... понял?

– Как не понять, мы понятливые,... а что делать надо? – так же шёпотом спросил Валет.

– Ты кого-нибудь из прибывших знаешь?

– Не вопрос, многих, но не всех. Есть наши, а есть и не наши, но такие же странники как и мы. Среди наших могу положиться на Рябого, Шкоду, он в зелёном свитере, Илюху, и он кивнул в сторону щуплого болезненного парня. С Илюхой мы два года на одной трубе спим. Однотрубниками зовёмся. Так что будь спок, не подведём.

– Какой из твоего Илюхи работник, он же кое как себя носит. – Проговорил Крокыч глядя на испитое лицо бомжа, которого Валет назвал Илюхой.

– Нет, переключившись с места на место он может.

– Что с ним? – спросил Крокыч, молодой ещё.

– Што, што? По закону хотел жизнь построить. Поддался на рекламу. Те, кто об этом кричит, хитренькие. Они по закону сами не живут, а народ подначивают. Вот и нашего Илью подначили. Ему один

из новых русских так и сказал: «Хочешь из твоей же квартиры тебя выселю и будет всё по закону», а Илюха в бутылку «не имеете права». Вот ему и прописали закон. Сделали так, что и жена ушла, и квартиры лишился, а потом и здоровья. Подрядился на дачах кирпич носить рано весной. То ли надсаднился, то ли простыл, холодно было. С тех пор и чахнет. А этот, новый русский, однажды его увидел, открыл дверку машины и спрашивает: «Ну, что, одумался или нет, законник?». Илюха стоит и молчит, только землю носком ботинка ковыряет. «Стало быть не одумался» - заключил тот, что в машине. – Живи дальше» Вот так. Можно сказать за правду пострадал. Помрёт, конечно. Только не он первый и не он последний... Все там будем.

- Ну, раз ты их знаешь, тогда тебе и карты в руки.

- Хорошо, чтоб и все козыри у нас были, – пошутил Валет. Крокыч же, не обратив на его шутку внимания, проговорил:

- Надо предупредить, что если кто найдёт, то надо сразу спрятать, чтоб ни Симе, ни этим двум, – он кивнул на Пегаса и Муху, – в руки не попало, понял?

- Чего ж не понять. Всё даже очень понятно. Тузы, конечно, у них, у нас на руках одни шестёрки, зато со всей колоды. Но это, смотря в какую игру

играть? Шестёрка она ведь и туза берёт, когда надо, – и Валет, показав ряд белых зубов, улыбнулся.

– Только осторожнее... – предупредил Валета Крокыч.

– Хорошо. Я к дальним кучам Илюху поставлю, муха не проскочит. После чего Валет переговорил с Илюхой и вот они как бы перебирая мусор, стали переходить от одного рабочего к другому, потихоньку с ними перешёптываясь. Рабочие согласно кивали головами, одобряюще посматривали в след Валету и Илюхе. Но не успели они обойти всех вновь прибывших, как у дальней кучи раздался крик: «Я нашёл!! Я нашёл!!». Кричал высокий худой бомж, махая рукой с зажатым в пальцах изделием.

Рабочие недоумённо переглянулись, а Илюхастоя поблизости, проговорил: «Оглобля, заткнись!».

К кричавшему сразу бросились Лёня и Муха. Сима находился в это время в вагончике, но и он услышал крик. Рабочие тоже потянулись к последней куче. Пегас первым подошёл к рабочему и выхватил у него из рук глиняную игрушку. Тут и ещё есть, проговорил высокий рабочий, которого назвали «Оглоблей», засовывая руку под балки и вытаскивая изделия.

– Вениамин Павлович! Вениамин Павлович! – громко позвал профессора Крокыч.

– Что случилось, – послышался голос профессора.

– Идите сюда,... игрушку нашли, ... может быть она?

– Только поосторожней с ней, пожалуйста, – громко сказал профессор, – я сейчас.

На шум прибежал Сима. Распорядившись всем разбирать последнюю кучу, он велел немедленно принести найденные фигурки к нему в вагончик и ушёл.

– Неси, – сказал Мухе Пегас. – Вои в коробку сложи и неси, да осторожней, тряпочку постели, чтоб не потёрлись, а сам наклонившись, а затем встав на колени стал обследовать место, где найдены были игрушки.

Такой поворот событий не входил в планы Пегаса. Он заметил недружелюбное ворчание бомжей в адрес того бомжа, которого называли «Оглоблей» и по сердитым лицам никак не мог понять, что же происходит? Ведь нашли игрушки, должны радоваться. А они? «Возможно, что это только маленькая часть коллекции, – думал он. – Странно... Странно ещё и то, что он не испытывал никакой радости, от того, что игрушка нашлась. Ему внутреннее чутьё говорило, что здесь что-то не так, но что? Вдруг это не та игрушка? А вдруг это кукла для Симы? И эту куклу подбросили, чтобы Симу сбить с толку. А если кукла, то кому это нужно? Может это Костян с братом их всех разводят? То какова цель и что они от этого имеют? Непонятно. Разве только

если затянуть на какое-то время поиски?.. Правда, Лёня тоже хотел подсунуть Симе куклу, но только после того, как будут найдены настоящие игрушки, поэтому и послал Муху в клуб лепить, только лепщик он оказался неважный». Пришлось от этой идеи отказаться.

Пегаса смущало ещё и то, что найденные изделия лежали кучно, в одном месте, будто их кто туда положил. Никакой сумки или ящика рядом не было. Если без сумки или ящика, то они бы при погрузке и выгрузке разлетелись в разные стороны. «А если их Оглобля нашёл в сумке и высыпал? – задал он себе вопрос. – Спросить? А чего добьёшься? Вон как недоверчиво и подозрительно смотрят,... что угодно скажут. Больно уж чистенькие,... тут что-то не так...». Пегас попытался настроится на игрушку, поморщился. «нет, на свалке это делать бесполезно, – подумал он, – слишком много разных антикварных вещей здесь захоронено, сплошной антикварный могильник...».

Пегас снова подошёл к тому месту, где были найдены игрушки, засунул руку под балку, пошарил там рукой, вытащил руку, сел на балку, посмотрел на рабочих, перехватил недружелюбный взгляд Крокыча, задумался, бросил взгляд на вагончик. «Задерживается у Симы Муха, задерживается...»

Затем стукнул себя по колену кулаком, встал и медленно стал обходить сваленные кучи, дошёл до

зарослей лопухов, постоял, увидел искореженный ящик из под мыла, поставил на него ногу, стал обирать со штанины репьи. Что-то вроде улыбки скользнуло по его лицу.

– Что тут у вас? – спросил профессор, подходя к Крокычу.

– Игрушку нашли,... только вы долго шли,... Симе унесли.

– Мне бы одним глазком взглянуть, – загорелись глаза у профессора.

– Сейчас посмотрите, – весело сказал Крокыч. Думаете, Сима без вас обойдётся? Он же в этом деле барабан.

– Значит, всё-таки она приехала к нам? – весело и немного возбуждённо сказал профессор... Что молчите, Семён Ваганович!?

– Да не молчу я, тоже душа радуется. Между прочим, я тут кое-чего узнал... Братки говорят, что дом на Большой Горной сломали, там игрушечница жила, недавно умерла. Она и лепила из глины эти игрушки. Наши всё знают, особенно насчёт старых домов, подвалов, теплотрасс, сами знаете...

– Это просто великолепно! – потёр ладони Позолотин, я так рад. Я даже иногда думал: «Найдётся игрушка, подержу её в руках, допишу последнюю главу, лягу под черёмуховый куст, положу на лицо

лист лопуха и скажу: Забирай меня, Господи, Позолотин дожил до своего часа».

– Ну-у-у, вы, Вениамин Павлович, даёте... – укоризненно воскликнул Семён Ваганович, и тут же добавил, – Что-то Сима долго на игрушку не реагирует.

– Я просто с ума схожу от нетерпенья, – улыбнулся профессор.

– Сейчас появится, – заверил художник.

Через минуту слова художника подтвердились. Открылась дверь вагончика и Сима приказным тоном позвал профессора к себе.

– Вот видишь, – улыбаясь сказал Крокыч, – говорил же,... идите, зовёт.

– Я сейчас,... я быстро, – обрадовано сказал Вениамин Павлович и заспешил к Симиному вагончику.

.....

Как только Муха вошёл в вагончик, Сима велел поставить коробок на стол, вытащил из него игрушки и стал рассматривать.

– Что скажешь, букашка? – спросил он весело. – Молодцы! – Затем, повернувшись к Мухе, спросил, – Давно у Пегого служишь?

– Мы дружим... – ответил Муха.

– Дружбы не бывает, – отрезал Сима, – есть интерес и ничего больше. Это сказки для детского сада... Согласен?

- Не знаю...
- А я знаю!.. С сегодняшнего дня будешь ходить с Пегим, а работать на меня. Понял?
- Как это?
- Просто... Медок будешь в соты носить.
- Какой медок?
- Информацию. Мне около Пегаса свой человек нужен, моими глазами и ушами около него будешь.
- А если откажусь?
- Не откажешься,... потому, как скажу я Пегому, что ты мне такую услугу сам предложил и что, по-твоему, сделает с тобой Пегас?
- Он не поверит, – первое, что пришло в голову, сказал Муха, лихорадочно прокручивая варианты ответа. Такой оборот дела в его планы не входил.
- Да ты не парься... – сказал дружелюбно Сима, – всё решено,... я тебя сразу срисовал, как только ты на свалке появился,... глянул на твою рожу разок и готово.
- Чем же моя рожа тебе приглянулась? – спросил Муха, чувствуя как Сима забирает над ним власть. Казалось, что он видит человека насквозь и прячется от его взгляда Мухина душёнка, бегая по телу, пытаясь укрыться от вездесущего взгляда Симы, и добежала уже до пяток.
- Рожа у тебя облизанная... – бросил Сима. – Такие облизунчики только холуями бывают, – и засмеялся нервическим тихим смехом, выпуская зву-

ки сквозь редкие прокуренные зубы. – Что ж, доверяй, но проверяй, – проговорил Сима и, открыв сапогом дверь вагончика, крикнул: «Профессор,... мать твою,... ко мне, каналья старая.

Дождаясь профессора, Сима продолжал изучающе, с прищуром, смотреть на Муху. – Посмотрим, поглядаем, – говорил он, раскатывая папиросу между пальцами. Вошёл профессор, вопросительно посмотрел на Симу.

– Посмотри, вон в коробке на столе, что это за хрень? – и Сима кивнул на коробок с игрушками. Вениамин Павлович подошёл, взял одну из игрушек и стал рассматривать.

– Что это? – нетерпеливо спросил Сима.

– Да, это саратовская игрушка, – проговорил профессор. – Стиль, манера росписи, вот эти геометрические оттиски. Это она... – Руки профессора от волнения дрожали, однако чем дольше он рассматривал игрушку, тем большее недоумение появлялось у него на лице.

– Что ещё? – спросил Сима, заметив изменения в лице профессора.

– Точнее, эти изделия можно отнести к саратовской глиняной игрушке, а дальше надо заниматься научным анализом.

– Ладно,... иди, – сказал Сима профессору и когда за тем закрылась дверь, повернулся к Мухе и, раскачиваясь в кресле и глядя в потолок, прогово-

рил как бы размышляя: – Старая коряга, решил правду скрыть. Ладно, не говори. Анализ ему понадобился! Лабораторию ему подавай! Не на того попал. А ты, – он в упор посмотрел на Муху. – Решил, значит, Симу кидануть?! Ай, поганец,... ну откуда только такие поганцы берутся? Молодца... Молодца... И как, ты это один придумал или с Пегим на пару? Только не думаю, чтоб с Пегим, он такого прокола не сделает.

– Один, – проговорил тихо Муха. – Пегас не знает.

– Во!.. Даже друга киданул... И меня бы киданул, если б не профессор. Выше науки, милок, не попрёшь. У меня тут и эксперты, и криминалисты, если надо, под рукой. – Затем помолчал и добавил, – Это хорошо, что один,... очень даже хорошо, значит соображение имеешь. Ладно, этот вопрос оставим, обговорим потом, а сейчас иди к бомжам и с Пегого глаз не спускай, понял. Ступай. Да, кстати, вот на, – и он подал Мухе бутылку водки, – отдашь Оглобле, тому, кто это нашёл, – и он кивнул на лежащие на столе игрушки, – и пусть работают, скажи: «за Симой не заржавеет».

Мухаев пошёл к двери, но Сима стукнул по столу кулаком. Муха то ли от страха, то ли от неожиданности остановился и втянул голову в плечи.

– Запомни, Мухобой! Завтра я сменю всю бомжатуру, договариваться бестолку, пусть Пега не па-

рится. Но это я не для него говорю, а для тебя. Чтобы ты знал и на ус мотал... Скажу больше, хотя и не надо бы... Завтра Пегас на площадке не появится, попомни мои слова. Теперь иди и думай, да прикинь насколько Сима дальше тебя видит?

– А если я о нашем разговоре Пеге скажу? – выдавил, не поворачиваясь, Муха.

– Не в твоём это интересе,... что-то сольёшь, а что-то побережёшь. Не ты первый, не ты последний, психология.

Муха, как ошпаренный, выскочил из вагончика и столкнулся с Пегасом.

– Нам в город надо, поздно уже, – сказал Пегас, – ближайšie кучи почти что растаскали.

– А тут? – спросил Муха, пряча глаза.

– Нам здесь делать нечего, – бросил Пегас. – Оставаться тут, значит быть у Симы на подхвате, то есть быть пешкой в чужой игре. Давай, сваливаем. Нам игрушки Сима не отдаст. Потом не только мы и Сима пасём эти игрушки, но и работяги тоже. Я краем уха слышал отдельные фразы, Валет с бомжами говорил. Его, дружан, Илюха даже крикнул на Оглоблю, когда тот игрушки обнаружил.

– А Валет на кого работает? – спросил Мухаев.

– Валет, думаю, с Крокычем в связке. К нам с опаской относятся. Так что если и найдут, лопухом накроют и ни мы, ни Сима и знать не будем. Давай, сваливаем. Я тут на этот счёт придумал кое-что, потопали по-тихому.

– Симе надо сказать, что больше ничего не найдено, – смущаясь, сказал Муха. Уши у него при этом покраснели и это тоже не прошло мимо Пегиного глаза.

– Иди, отчитайся, – сказал он. – По глазам вижу, что он тебя под себя гребёт. Или уже подгрёб?

– Что-ты, Пега, как можно!?! – стал отнекиваться Муха.

– Всё возможно, Муха,... всё,... особенно у Симы. И не отнекивайся, лучше скажи в открытую, вместе чего-нибудь придумаем. Это у него излюбленный приём – иметь везде свои глаза и уши. И не пытайся смотреть на меня невинным взором.

– Да ты что?

– То, Муха, то. Мне не ври – глаза выдают. И хватит об этом. Сам думай. И потом, ты что забыл, что мы с доцентом должны встречаться? Он на одиннадцатое встречу назначил.

– На три часа, я помню.

– А после трёх мы здесь должны быть, понял?

– Может быть с бомжами переговорить, – сказал Муха.

– Бестолку. Они на контакт не идут, видно предупреждены.

– На счёт чего?

– Здесь, по-моему, предупреждены и насчёт чего и насчёт кого, то есть насчёт нас с тобой тоже. Я пытался с Крокычем говорить, а он подозрительно так на меня глянул и в сторону отошёл, с профессором стал шептаться. В общем глухо.

- А профессор, – он что, точно профессор?
- Ты над этим не парься, лучше скажи, что профессор Симе наговорил?
- Говорит, что очень похожа, что надо анализировать.
- И всё?
- Всё.
- Странно, сказал Пегас и испытующе посмотрел на Муху. – Здесь что-то не так.
- Что не так?
- Сказанное профессором только подтверждает мои догадки. Ладно, разберёмся, пошли...
- Ты тоже думаешь, что эта игрушка не настоящая? – спросил Муха.
- Индюк думал, да в суп попал. Единственное, что обнадёживает – не профессионально сработали, не спецы... Старить надо было им игрушку, старить, в пыли хорошенько обвалить, в куче в разные места засунуть, трухой натереть, мелким боем присыпать, так что с куклой прокол у них получился, пошли давай.
- А как же Симино предложение?
- Плевать и на Симу, и на его предложение.
- Ты не согласен! – удивился Муха. – Что ты решил?
- Пока ничего, но инициативу надо брать в свои руки. Я сегодня приехал, думал тут чего-нибудь склею – мимо. Оставаться тут и на завтра – значит проиграть Симе всю партию.
- Ему и тем, кто за ним стоит? – добавил Муха.

– Сейчас никто за Симой не стоит, – резко сказал Пегас, – сам свою партию разыгрывает. Если б стояли, то тут лимузины б крутились и Сима как ошалелый бегал.

– Ты так думаешь? – сдвинул брови Муха.

– Уверен... как дважды два. Без хозяина решил дело повернуть. Такой ход в криминальном бизнесе не нов. Только ты об этом не парься. Сима на завтра перерыв объявил.

– Правда!

– Правдой тут и не пахнет. Не я буду, если завтра Сима не заменит бомиков, что кучи перебирают. Осторожный. Всё просчитал, на два хода вперед.

– Ты что, Пега, его мысли читаешь? – удивился Вадик.

– Не читаю, а размышляю... С Крокычем и профессором ему отношения портить не резон. Ты думаешь, он не просёк, что приживалы у него хотят игрушку перехватить? Не беспокойся, он их просчитал как дважды два. Думаю, он им завтра краплёные карты подсунет.

– Какие краплёные?

– У тебя чего, совсем голова не соображает? Завтра кучи будут разбирать только те, кого Сима лично знает. Сегодня удалось Крокычу обговорить с братухами ситуацию, а завтра приживалам Сима кислород перекроет, другие будут работать и на сговор с приживалами не пойдут.

– Он что, других людей наймёт? – спросил удивлённо Муха. Удивившись прежде всего тому, что Пегас буквально повторил сказанное Симой.

– Это как дважды-два.

– Завтра, значит, можно сюда не приезжать совсем?

– Завтра работы начнутся с обеда, раньше Симе новых бомжей не набрать. Ишь ты, на завтра он перерыв объявил,... тоже мне, профсоюзный деятель. Время ему нужно, время, Муха, и ничего больше, так что у тебя завтра до обеда выходной, можешь на своих плотках плавать, я к трём на встречу. После обеда чего-нибудь придумаем, не бойсь.

– А ты?

– До обеда меня не ищи.

Дальше шли молча. Вскоре они сели под мостом на последний дачный рейсовый автобус, следовавший из Синеньких, и поехали в город.

Глава 37. Горбатая ворона

– Эти двое свалили, – сказал Крокыч, подходя к присевшему на стропилину Вениамину Павловичу. – На сегодня шабаш, пойдёте в хибарку.

Однако Вениамин Павлович не поднимался.

– Вы что, Позолотин, решили во вторую смену остаться?

– Т-с-с, произнёс Позолотин, поднеся палец к губам и кивком указал Крокычу на стоящую у оврага бочку. Художник посмотрел в указанном направ-

лени и замер – на бочке выхаживала взад и вперёд горбатая старая ворона. Крокыч таких и не видел никогда. Сразу бросилась в глаза её на полголовы грязно-фиолетовая лысина, оципаный хвост, кривоватый клюв и большое, на весь левый глаз, бельмо.

– Экая уродица, – сказал профессор.

– Ты это чего к нам, бельмовая, прилетела!? – крикнул Крокыч.

После его слов ворона ещё больше сгорбилась и, взмахнув крыльями, неуклюже спикировала в овраг и больше уже из него не показывалась.

– Не увидел бы – не поверил, – сказал вслед вороне Вениамин Павлович.

– Вот и не верь сказкам, – усмехнулся художник, – аж мураши по коже забегали. Помните наш давнишний разговор? То была теория.

– Пошли, Ваганыч, – и оба неторопясь зашагали к своей хибарке.

– Сима консультировался по игрушкам? – спросил Крокыч и кивнул на вагончик, – поделитесь впечатлением, что-то не вижу особо радостного блеска в ваших глазах, кроме отдельных искорок.

– Всё не то, Семён Ваганович, всё не то,... однако это тоже информация. Вижу у вас, художник, глаза поблёскивают, не иначе что-то узнали?

Они вошли в хибарку и стали стаскивать запотевшие рубашки.

– Давайте постираю, – сказал Крокыч, беря рубашку профессора.

– Если вам не трудно, Ваганыч, почините пожалу́йста, а то у меня глаза плохо видят, нитку в ушко не вдену. Сима, испортил вещь. Отчего глаза поблёскивают?.. скажите, не испытывайте старика.

– Пока вы, профессор, ходили к Симе, мы тоже для вас кое-чего приготовили, точнее не мы все, а Оглобля. – Торжественно начал Крокыч. – Он, когда игрушки нашёл, то не сразу шуметь стал, а сначала пару игрушек припрятал, а потом уж закричал, – и Крокыч подал Вениамину Павловичу глиняного баранчика и конька. Профессор взял в руки игрушки и проговорил:

– Кажется вы, уважаемый художник, преподнесли мне сюрприз. Эта игрушка значительно отличается от той, что я видел у Симы в коробке. Там уровень изготовления гораздо ниже, можно сказать уровень начинающего лепильщика, а не профессионала.

– Не тяните за душу, профессор?

– Да-да. Это, Семён Ваганович, действительно саратовская глиняная игрушка.

– Что ещё скажете?... Не томите душу.

Профессор говорить не спешил, он внимательно рассматривал, то одно изделие, то другое, качал головой, побрякивал, потом сдвинул очки на лоб, стал рассматривать игрушку без очков, приблизив её к глазам.

– Одна из них тянет на старину, даже очень тянет. Я бы сказал, что этот конёк прискакал к нам из прошлого столетия, но...

– Что но?..

– Меня смущает его соседство вот с этим рога-
тым господином, – и профессор указал на баранчи-
ка. – Баранчик из того же семейства, что и другие
игрушки, найденные Оглоблей, только сделан на
порядок качественнее.

– Так его Оглобля и отложил, потому, что при-
глянулся...

– Баранчик, Семён Ваганович, современного из-
готовления.

– Как вы определили?

– Вот видите эти идеальные звёздочки на баран-
чике? Эти оттиски сделаны в век техники. Разве мог
мастер в старину добиться такой точности в изго-
товлении штампов? Он ведь что использовал при
их изготовлении: нож, раскалённую проволоку, а
тут? Оттиски звёздочек просто идеальны или вот на
боку выдавлен круг с внутренней насечкой. В каче-
стве штампа мастер использовал деталь очень не-
большого зубчатого привода, например от заводных
игрушечных автомобильчиков. Нет, эта игрушка
решительно не с прошлого и тем более с позапрош-
лого века.

– А чему же радуетесь? – спросил Крокыч.

– Меня конёк откровенно радует. Это та же рука
и глубокой стариной здесь тоже не пахнет, а вот
проработка рельефных рисунков велась мастером
старинным способом, без всяких современных на-
воротов. Штришки сделаны палочкой с острым кон-
цом, а эти углубления, рядом, сделаны той же па-

лочкой, только тупым концом. По спине идут углубления от штампика-тройчатки – такой рисунок легко вырезался ножом на торце палочки. Глаза тоже оттиснуты.

– Так почему вы конька поначалу отнесли к старинному изделию, а то вдруг раз, и уже к современному.

– Правильно. Я только в последний момент увидел, что глаза у конька и у барашка оттиснуты одним штампиком. Видите вот эту выщерблинку, что оставил инструмент? – и профессор указал на глаз конька.

– Вижу,... и что?

– Такая же выщерблинка имеется и на глазу баранчика. Это говорит о том, что глаза у обеих игрушек сделаны одним инструментом. И если мы относим баранчика к современным изделиям, то и конёк тоже не менее современен. Просто игрушка-конёк делалась специально под старину.

– Получается, что обе игрушки делал один мастер? – удивился Крокыч.

– Не обязательно. Инструментом могли пользоваться и другие, например ученики мастера.

– Глаза, Вениамин Павлович, оттиснуты очень оригинально, думаю, что этот штампик было нельзя изготовить вручную, – добавил Крокыч.

– А вот тут вы, Семён Ваганович, ошибаетесь. Для оттиска глаз делались специальные палочки-глазнички.

– Так это же токарная работа! – воскликнул Крокыч.

– Нет здесь никакой токарной работы, – спокойно и со знанием дела сказал Вениамин Павлович. – У палочки конец скруглялся на брусочке. Палочку мастер зажимал между ладонями и прокатывал палочка вращалась и ширкалась концом о брусок, таким образом достигалась хорошая круглость, чем не примитивный токарный станок.

– А выступ-зрачок в середине как образовался? – заинтересовался художник.

– И это очень просто... мастер брал проволоку, шильце или гвоздик, нагревал докрасна кончик и в середине скруглённого торца прожигал неглубокое отверстие. При оттирке это отверстие в середине штампа давало мастеру выпуклость – зрачок.

– Так чему же вы радуетесь, если это не старинная игрушка? – спросил Крокыч, – так бы сразу и сказали, что это подделка под старину и ценности эта игрушка никакой не имеет.

– Нет, Семён Ваганович, этот конёк по большому счёту не подделка. Мастер не делал копию с оригинала, тем более, что оригинала у него, по всей видимости, и нет. Вы всмотритесь оком художника, а не искусствоведа и обязательно найдёте свои подтверждения моим выводам.

Крокыч взял в руки игрушки и тоже стал их пристально рассматривать.

– Вы правы, Вениамин Павлович, – сказал он через некоторое время. – Я ведь смотрел на неё сна-

чала как на оригинал, потом как на подделку, а теперь, с вашей подачи, вижу в ней совсем другое.

– Что же вы видите? – заинтересованно спросил профессор.

– Игрушка делалась в полёте фантазии мастера. Когда мастер что-либо подделывает, а по сути – копирует, он скован, его движения не свободны. Какой там полёт фантазии! Сам по себе знаю. А здесь? Посмотрите на изгиб шеи. Изгиб делался одним движением руки,... одним движением, профессор... Живо, свободно, без комплекса осторожности, боясь сделать что-то не так. Вы меня понимаете?

– Да, да,... понимаю, говорите,... говорите, я слушаю.

– Так может лепить только очень талантливый мастер, который свободно творит, не опираясь на схемы, шаблоны и заготовки. Эта игрушка создавалась в полёте фантазии, я бы даже применил такое слово, как экстаз. Экстаз самоотречения,... профессор. Это состояние, когда ваятель мысленно уходит из этого мира, его душа парит свободно и легко, она свободна. Ни что не сковывает его творческого «Я»: ни забота о порванной обуви, ни косые взгляды жены. Он только телом в этом грешном мире. В это время он только духовен и своим талантом тоже служит духу. Вот почему изделия, сделанные в творческом порыве, отличаются от изделий, сделанных мастером не находящимся в духовном полёте. Находиться в духе, это значит, профессор, нахо-

даться в любви. Художественный дар без божьего присутствия – творческий вандализм.

– Продолжайте, продолжайте, я вас очень внимательно слушаю.

– Игрушка это, или картина, или другое произведение искусства только тогда имеет право называться искусством, если оно ведёт человека к богу. Само полотно художника должно быть этой дорогой. Если нет – то это псевдоискусство, и даже скажу больше и резче – это антиискусство, дорогой профессор. Не так ли?

– Вы читаете мои мысли, Семён Ваганович. Я бы даже сказал, что антиискусство – это возгордившееся искусство, оно услаждает собственную гордыню, собственный слух, собственное око, оно воспаляет в человеке гнусные желания и всякое непотребство, ведя человека к гибели. Я даже, Семён Ваганович, чуть-чуть в этом плане пофилософствую.

– Я, Вениамин Павлович, всегда рад слышать ваше мнение, знать ваши взгляды...

– Я, Ваганыч, уверен, что каждое большое произведение по сути своей должно быть литургично. Да, в нём будет виден смрад, который окружает человека и путь, по которому он должен пройти, чтобы обрести истинную свободу. Да – да истинную, вы не ослышались, свободу в Иисусе Христе. Других свобод не бывает, это обман, желание увести человека, направить по ложному пути. Вся эта блистающая мишура современного мира, это, по сути, ложный дорожный знак для человека и человечества.

Знак стоит со стрелкой – «только налево», а там яма.

– Можно, профессор, и мне дополнить именно эту часть вами сказанного, сейчас лопну от нетерпения, мысль народилась.

– Что ж, новорождённым всегда рады, – и Позолотин улыбнулся.

– А вам не кажется, что бессмертное произведение Сервантеса «Дон Кихот», сейчас обрело своё второе дыхание.

– У меня есть на это соображение, Ваганыч, но хотелось бы услышать сначала вас.

– Мне кажется, что все эти современные экранные герои с накачанными мускулами, вооружённые по последнему слову техники – есть Дон Кихоты, нарастившие мышцы. Суть одна – они так же сражаются с ветряными мельницами. Спасая планету, материк, город, они, прежде всего, спасают его от овеществлённого зла, а зло оно не рядом с человеком находится, оно в самом человеке устраивает своё жилище. Вот и получается, что современный странствующий рыцарь, поражая, как ему кажется, носителя зла, не поражает само зло, это и есть его ветряные мельницы. Что вы на это скажете, профессор?

– Я скажу на это лишь то, что мы с вами, дорогой художник, отвлеклись. Давайте вернёмся к нашим баранам, – и он кивнул на игрушечного баранчика. – Вы красиво сказали об антиискусстве, Семён Ваганович, этак вдохновенно,... я вам верю. И верю

не потому, что ваш слог прекрасен, а потому, что каждое ваше слово находит поддержку в моём сердце, оно искренно. Ум ещё не успел оценить сказанное, разложить по составляющим, а душа уже приняла без всякой мозговой экспертизы... Хотите, я добавлю к вашему мнению, насчёт игрушки ещё один штришок.

– Да-да... я слушаю, профессор.

– Мы сошлись во мнении, что изделие делалось специально под старину. И я этому приведу ещё одно доказательство. Видите, штампиковые углубления подкрашены не гуашевыми красками, а коричневой глиной.

– У вас хороший глаз, профессор, насыщенности действительно нет.

– Рука одна делала, Семён Ваганович, что барашка, что конька.

– Разрешите с вами решительно не согласиться, – сказал Крокыч. – В этом деле у меня глаз более натренирован, чем у вас. Игрушки делали разные люди, а вот стиль один и тот же.

– Что вы этим хотите сказать?

– А то, что такие вещи происходят, когда делает учитель и ученик. Ученик, чаще всего копирует учителя. Вот и здесь, конька явно лепил учитель, а баранчика – ученик. И скажу вам – неплохой ученик.

Профессор ещё раз осмотрел обе игрушки и сказал:

– Убедили, Семён Ваганович, вы тонкий художник, такое увидеть не каждому дано.

– Я смотрю – вы радуетесь просто как ребёнок, хотя сами говорите, что игрушка современная, – заметил Крокыч.

– Я радуюсь тому, что всё-таки нашёлся мастер, пожелавший лепить старую игрушку. Традиции, оказывается, не умирают. Только как, среди явно ученических поделок, оказались конёк и барашек – это загадка?

– Может быть, эти игрушки подбросили, чтобы Симу с толку сбить? – сказал Крокыч.

– Это уже из разряда криминальной фантастики, – ответил профессор. – Если в таком плане рассуждать, то вскоре нарисуеться целая криминально-детективная история, с целью – заполучить изделие в свои руки любой ценой с перестрелками, захватом заложников, ликвидациями свидетелей и в центре событий обязательно будет стоять криминальный синдикат с далеко идущими планами и иностранным партнёрством. Нет... нет... нет,... дорогой Семён Ваганович, не будем тратить наше серое вещество на эти нелепости, я учёный, а не голливудский сценарист низкопробных сюжетов. Меня от этих фантазий увольте.

– Как знать,... как знать, – проговорил Крокыч. Я просто в своей гипотезе отталкиваюсь от простой логики и не витаю в облаках, в которых летают создатели книг о криминале. Моя логика проста – если есть силы действия, ищущие игрушку с целью наживы, то почему бы и не быть силам противодейст-

вия, тоже ищущих игрушку, но только с целью её спасения?

– Вы, что, на себя и меня намекаете?

– Хотя бы и так.

– Что-то на грозную силу мы не совсем тянем, – улыбнулся Вениамин Павлович, – разве что к любому выброшенному шедевр у мы географически находимся ближе других.

– Жаль, что в нашей среде нет ни одного сыщика, – сказал художник, – приживалы замолчали. Каждый стал думать о своём, потом понемногу опять разговорились, Вениамин Павлович стал вспоминать давнюю встречу с одним энтузиастом, преподавателем из какой-то детской организации, хотевший восстановить игрушку, он приходил к профессору за консультацией. В голове у более экспрессивного Крокыча появлялись иные картинки, а точнее, вырисовывался целый сценарий детективного плана. Так, думая и тихо переговариваясь, Крокыч и профессор не заметили, как кто-то подошёл к их хибарке.

– А вот воровать, господа бомики, как-то неприлично! – проговорил Сима, распахивая дверь и выростая на пороге. – Кого хотели между пальцами провести! – Я же вам говорил, что у Симы всё схвачено. Вы не успели до своей вонючей хибарки дойти, а я уже знаю, что и как? Решили Симу обмануть. Что, профессор, не удалось!? Мне принесли, то есть подкинули, что не надо, а у вас, смотрю, на столе стоит не фуфло.

С этими словами, он взял со стола Конька и баранчика, сунул их в карман и вышел, пообещав сделать за это приживалам козью морду. На языке Симы это означало предать художника и профессора опале. Если сказать совсем понятно, то до этого им было не сладко, а станет ещё хуже.

Глава 38. Опалённые жизнью

Каково же было удивление Смуглянки и Беянки, когда они увидели невесть откуда появившегося белого пуделя, но ещё большее их удивление было от того, что с ним пришёл Васёк и почему-то он был совсем не такой, как прежде. На вид он был совсем красный, как и некоторые другие игрушки у мамушки в доме, например Заступник, или Катерина.

– Что с тобой произошло? – спросили они разом.

– В костёр попал. – Почему-то весело, но серьёзно ответил Василий. Таким его ни овечка, ни козочка никогда не видели. А он, – и Василий кивнул на белого пуделя, – мой и ваш друг. Он меня спасал от синеволосой Зины.

– Он же её пудель, – недоверчиво сказала Смуглянка, – я его в квартире видела.

– Правильно, – сказал Василий, – жилец, но не единомышленник, понятно? а это две большие разницы, надо эти понятия различать.

«Верно мамушка говорила, пока Васю жизнь не опалит и пламенем не вылизет, толку от него не бу-

дет, – подумала Белянка. – Только он теперь стал такой серьёзный, вон как рассуждает...»

– Эх, ты,... неудачник... хорошо, что вовсе не сгорел. Как это тебя угораздило? – спросила озабоченно Смуглянка, боясь, что Васёк обжётся.

– А я даже рад, что со мной всё это произошло, – ответил Василий.

– Я его в клумбе нашёл, его Зина, моя хозяйка, в костёр бросила – сказал пудель.

– Видишь, от любви чуть не сгорел, – съехидничала Белянка, зная о недавней привязанности Василия к синеволосой и, понимая, что Ваську костёр послужил хорошей огненной купелью.

– Оставь его, – сказала Смуглянка, – не видишь – человек преобразился.

– Мамушка, когда читала толстую книгу, то часто говорила Никите, что человек станет новой тварью, обновится. Может и наш Вася так обновился?

– Нет, подруга, мамушка говорила о конце света. А сейчас разве конец? – сказала Смуглянка. – Днём солнышко светит, Волга блестит, ночью звёзды горят. Нет, не то. У Василия сознание изменилось. Его не костёр опалил, а жизнь опалила. От костра только красными становятся, а он и красный, и умный.

– А почему ты его Василием называешь? Раньше всё Васьком звала... – сказала Белянка.

– Раньше ему то имя подходило, а теперь не подходит. – Заметила Смуглянка. – Васёк – это что-то такое ветренное... –

– Знаете. Я действительно стал по-другому думать. – Тихо сказал Василий. А опалило меня – это верно. Только не один огонь может опалить. Могут опалить и мысли и слова и философия. Так вот раньше я надеялся на Батиста, а оказалось – зря надеялся. Батист оказался тесно связан с одним неприятным гражданином, который и ко мне, и к нашей мамушке, и к дворнику, и, ко всем, кто живёт в нашем городе относится пренебрежительно. Это меня обожгло сильнее огня. Я даже рад, что попал в этот костёр. Иначе я бы и сейчас думал о том, что во всём виновата роковая случайность...

– Не будем об этом вспоминать, – проговорила Смуглянка и тут же стала рассказывать Василию и пуделю, как они нашли бело-серый порошок и как от него у них зажили ножки.

– А у меня гармонь что-то не срастается, сказал Василий, глядя на допину на гармошке.

– А это потому, что ты сделан из другой глины, – проговорили подруги вместе. Пойдёмте искать и твою землю.

– А может быть пойдём домой, вон там далеко-далеко должны быть журавли? Там наш дом – проговорил Василий грустно.

– Мы не можем вернуться домой с покалеченной гармошкой, – сказал пудель.

– Над нами и так все будут смеяться – проговорила Белянка, – Мы ведь сами напросились на счастливую жизнь, а что получилось, вернулись с раз-

битой гармошкой. Понимаешь, какой будет хохот в мамушкином доме.

– Ты не расстраивайся, – сказала Смуглянка, погладив Василия по вздрагивающей спине. – Мамушка говорила, «что бог не делает – всё к лучшему». А мамушка у нас была самая честная, справедливая, бесконечно добрая, а значит и самая умная женщина на свете. Ведь это так?

– Правильно, – сказал пудель, – самые умные – это те, кто самые добрые. А те, что весьма умные, но не добрые, по сути, и не умные вовсе, потому что им ума не достаёт быть добрыми, доброта выше ума, – проговорил пудель.

– Смотри-ка, ещё один философ в нашем глиняном королевстве появился, то-то обрадуется Мурлотик, теперь ему будет с кем пофилософствовать, – удивлённо и восторженно сказала Белянка.

– Это так, – кивнул Василий. – Только я сейчас очень хочу к мамушке на могилку...

– И мы хотим, только где она находится, знает один Никита.

– Давайте поищем глину, из которой был сделан наш Василий, – предложил пудель, – надо же починить гармошку.

– Это умно и справедливо, – сказала Смуглянка, – потому как гармошку надо обязательно вылечить, она ведь наша, общая.

– Вы, проговорил Василий, простите меня девочки, что я вас втянул в такую катавасию. Я думал... – Василию было трудно говорить и он, опус-

тив голову, замолчал. Его плечи как от плача вздрагивали, и по ним было видно, что этот, теперь уже сильный духом мужчина, не может поднять головы от стыда.

– Не надо, – сказал пудель, – он обнял Василия и лизнул его в щёку.

– Нет, надо! – упрямо сказал гармонист, надо, дорогой друг, надо. – Голос Василия стал твёрд и решителен. – Я ведь себя чуть не погубил... Да что себя, я и их чуть не погубил... Перед собой стыдно... Перед мамушкой стыдно. А более всего перед Дуняшей,... простит ли? Я нанёс ей своим уходом удар в самое сердце, а она меня так любит...

– Она, если любит по-настоящему, обязательно простит, – сказал Пудель. – Только скажи, кто такая Дуняша, ты мне о ней ничего не говорил.

– Это глиняная девушка, Дуня – тонкопряха,... она его любит, – перебивая друг друга, заговорили Белянка и Смуглянка.

– А поймёт она его? – спросил пудель очень серьёзно и сдвинул брови.

– Думаем, что она поняла это гораздо раньше его самого, – сказали одновременно овечка и козочка.

– Это очень хорошо... – подытожил пудель.

– Мы тоже хороши, – сказала Белянка.

– Мы тоже виноваты, – подтвердила Смуглянка.

Мы ведь эту новую жизнь, так и называли «Васькиной жизнью». – И тут они разом и безудержно захотали.

– «Васькина жизнь»,– хватаясь за живот,– кричала Смуглянка. – Ха-ха-ха!

– «Васькина жизнь», – даваясь от смеха, хохотала Белянка.

Сам Василий стоял между ними и не знал, что ему делать, то ли смеяться, то ли плакать? И вдруг он, глядя на весёлые лица Смуглянки и Белянки, медленно стал повторять «Васькина жизнь», «Васькина жизнь». И вдруг тоже захохотал, вскрикивая и приседая: «Васькина жизнь», Ха-ха-ха. «Васькина жизнь», затем без музыкального сопровождения припел:

Раньше жизни нам хотелось
Беззаботной и простой;
Быстро ж мы её наелись,
И потёпали домой...

Ему подпели Белянка и Смуглянка:

А мы тоже хороши,
Глиняные дурочки,
Накрутили нам хвосты
В тихом переулочке.

Им было смешно и весело. Они посыпали друг друга серо-белым порошком, кружились, сцепившись копытцами, и радовались. И этот порошок, светлый и чистый, родной земли будто смывал с них и с их душ, прилипшую некогда грязь, и они чувствовали себя победителями и самыми счастливыми игрушками на свете. Только это был ещё не конец их испытаниям и странствиям.

Василий, Белянка, Смуглянка и белый пудель дружно встали и отправились в путь – искать глину, из которой был сделан Василий, ведь ему надо было помочь излечить многочисленные раны и ссадины. И никто из них не догадывался, что их братья - глиняшки находятся не в лучшем положении и что тем и другим пока было ещё рано радоваться.

Глава 39. По следу

Итак, мы расстались с Митиным Юрой после его встречи с Пегасом и Мухой. После того, как ребята покинули кафе, Юра тоже покинул это уютное заведение, не торопясь вышел из кафе; следить за ребятами дальше в его планы не входило. Митин снял и вывернул ветровку, жёлтый цвет стал подкладкой, теперь она у него вместо жёлтой стала чёрной, отклеил и спрятал в карман усы, вытащил изо рта специальную вставку, меняющую голос. Эту вставку Юра придумал и изготовил сам. Мальчишки, как он и рассчитывал, не обратили на него никакого внимания, разве что Мухаев выразил неудовольствие, что неизвестный сидит на его месте. Только откуда было Юре знать, что это их столик? Зато они сели рядом,.. в общем получилось. Толковали о свалке, о Симе; Пегас дал Мухе какое-то задание. Какое? – Юра не расслышал. Только услышал такие слова в ответ: « Я уже всё забыл, вряд ли получится». Что получится? Что Мухаев забыл? Непонятно. Слова «вряд ли получится» относят порученное к какой-то

работе, какую должен выполнить Мухаев, а эту работу он забыл. Понятно, что Мухаев не задачки по арифметике собирается решать, тогда что? Попробую размышлять с другого конца. – Речь вели о свалке, то и дело поминали какого-то Симу. Но, что это за свалка, куда должен ехать Пегас? Что за задание он дал Мухе? Из разговора было совершенно непонятно. Но то, что ребята и Сима охотятся за старинными глиняными игрушками было проговорено чётко и ясно. По всей видимости это и было самым главным в их разговоре. «Игрушка, а потом всё остальное» – решил Юра. – За этим все приходили к сломанному дому. Дом – это стержень. Юра видел там их раздасадованные лица. Значит, в этом доме они нашли игрушки. Только где, в комнатах, полуподвале или на чердаке? Нет, об этом он думать не будет, потому, как дом сломан и большой разницы, где они находились нет. Лучше поразмышлять над словами Пегаса «Машины уже ждали, и мусор сваливали отдельно». Эта информация сейчас дороже. Ясно, что у мальчишек есть сильный конкурент. И так же ясно, что именно с этим конкурентом Митину и придётся скрестить шпаги. Да, он какое-то время будет выступать на стороне мальчишек и даже способствовать, чтобы реликвия города попала именно в их руки, и это только потому, что он их знает и ему их отследить в какой-то мере легче, здесь нет неопределённости».

После удачной, как он считал, слежки в кафе Юра решил продолжить разработку параллельных

каналов. Игрушка – главный козырь, а зацепка у него была, и неплохая зацепка. Известно, что Пегасов и Мухаев занимаются антиквариатом, значит надо выйти на местных антикваров, а там, глядишь, что-нибудь и прояснится. Как только Юра об этом подумал, он сразу поехал на Сенной базар, потому что он видел там один такой лоток.

.....

– «Покупай гребешки, заколки, филигрань царская» – говорил молодой круглолицый продавец за прилавком, не обращаясь ни к кому. Он говорил для того, чтобы проходящие мимо люди обращали внимание на голос и знали о его столике.

– Червонец, разменяй сотню, – попросил продавец с соседней точки, продающий букинистическую литературу. «Это и есть тот самый Червонец, имя которого называли мальчишки» – подумал Юра, глядя на продавца.

– Как продам чего-нибудь, тогда разменяю, – ответил названный Червонцем продавец, – примета плохая, чтоб ничего не продать, а уже менять. Вон попроси мороженщицу, у ней уже полчаса очередь стоит... А тебе чего надо – обратился он немного грубоватым тоном к Митину, – принёс чего? Показывай.

– Я проконсультироваться, что зря тащить, – слукавил Юра.

– Выкладывай,... поможем, – весело сказал Червонец и испытующе посмотрел на Юру.

– Бабушка умерла, у неё кое-что осталось старинное... – проговорил Юра.

– Конкретнее можешь?

– Скульптурка, работы Фаберже, по крайней мере, так она говорила, – брякнул, не ожидая от себя такой прыти, Юра и замялся.

– Неси, – безразличным тоном сказал продавец.
– Ещё?

– Заколки, запонки, карты игральные ручной работы, вроде самим Репиным рисованные, статуэтки или игрушки, – добавил он по инерции и не знал, что попал в разговор в большую точку, которая ещё никак не могла в Червонце зажить после того, как у него перехватил товар невесть откуда появившийся очкарик.

В это время к Червонцу подошли два паренька и стали что-то ему предлагать, показывая на сумки.

– Открой, – скомандовал Червонец.

Ребята расстегнули сумки, засуетились.

– Не вынимайте, так вижу, положи под прилавок,... беру. Расчёт по прежней таксе.

– Может, накинешь полсотню? – спросил один из мальчишек.

– Можешь оставить себе, – проговорил продавец, – хотя с червонец могу накинуть, не больше.

Мальчишки обрадовались и по ту сторону прилавка стали что-то вытаскивать из сумок. Что они вытаскивали, видно не было. Продавец отсчитал пацанам сто рублей, добавил ещё десятку и те довольные убежали. И не успели они скрыться, как к

прилавку подошёл мужчина в кепке и спросил Червонца: «Есть чего?»

– Пока мало, – ответил тот и мужчина в кепке отошёл.

– Что за игрушки? – обратился Червонец к Юре, но уже более заинтересованно, чем раньше. – Если пластмасса, то оставь себе на память об усопшей.

– Глина,... думаю, что глина.... Я не специалист...

– Неси, раз глина, это можно посмотреть, – сказал Червонец, а сам подумал «неплохо бы Пегому наставить рога и перетянуть у него покупалу». – Сегодня принесёшь или когда?

– Я просто думал, прицениться, – сказал Юра, понимая, что вот так с бухты-барахты Червонца не разговорить. – У нас в районе пацанва скупает старые вещи, но боюсь продешевить. Если у вас дороже, так я с радостью.

Кто скупает? – поинтересовался Червонец.

– Я не запомнил. Фамилия какая-то птичья, а может быть и прозвище, кто их знает...

После этих слов в глазах Червонца мелькнули злые огоньки и Юра понял, что наступил продавцу на большую мозоль и попал в своём размышлении в точку.

– Птичья, говоришь?... знаем,... фарцовщик ещё тот, это погоняло у него такое. Недавно игрушки глиняные приносил, на прилавок поставил, а потом на попятки,... так у нас не делается.

– Что так... не сошлись?

– Сошлись, не сошлись,... какая разница. Понтоваться не надо. За понты платить положено. Да и этот гусь хорош, по очкам бы врезать, чтоб торговых людей уважал, хрен учёный, доцент мать его. В прямые руки, так в прямые, кто же против, но не на прилавок и с прилавка. Правда, они тоже козланулись, рванули за оставшимся товаром, а дом под нож пошёл. Я всем говорю, кто мне дорогу перейдёт – больше потеряет. Так что неси, паря, неси, Пегас тебе больше не даст, а я тебе ещё добавлю, за то, что к нему не попало. А лучше – ему покажи, а принеси мне, за это ещё червонец наброшу. Вот так-то, дорогу оправдаешь. А теперь вали, не загораживай, а то припухлые не видят, что на столе лежит.

– Добро, – сказал Юра и ушёл.

После того, как Сенной остался далеко позади и первая радость от удачной поездки прошла, Юра стал анализировать базарную встречу. «Так-так, – думал он, – клюнула рыбка, спонтанность, она имеет свои преимущества, тут художественный вымысел по ходу рождается и никаких домашних заготовок. Итак, что я имею? А имею я многое: во-первых Пегас приносил Червонцу глиняные игрушки, это раз; брал он их в сломанном доме на Большой Горной, где я Пегасова с Мухаевым и видел – это два; засветился какой-то доцент, то ли кличка, то ли учёное звание – три. Нет, учёное звание. Червонец про него сказал: «Кандидат хренов». Я знаю, где находился этот дом – четыре. Если ещё немного поду-

мать, то можно догадаться и ещё о чём-нибудь, например, что за ребята приходили к Червонцу? Почему товар не выставили на прилавок? почему его тут же кто-то унёс и куда? Возможно, эта торговая точка и есть скупочно-перевалочный пункт. Ладно, об этом пока думать не буду. О чём же думать?.. Ах, да,... свалка». Но сколько Митин не активизировал мозговые извилины, никаких мыслей по выявлению места нахождения свалки не рождалось. «Может быть, попытаться крутануть Мухаева? – подумал он, – Нет, рано. Порасспросить Никиту и узнать, что и почём? Кстати, где может быть сейчас Пегас?... Ах, Лёня, Лёня, где же ты, милый, сейчас обретаешься? Зря я, наверное, прекратил слежку за пацанами. Червонец от меня никуда бы не ушёл, а вот Пегас мог вывести и на эту самую свалку, которых вокруг города предостаточно» – и младший лейтенант почувствовал всем существом своей милицейской натуры, что стоит на верной дороге... Как говорит в таких случаях Мария Васильевна: «В носу защекотало».

Митин пошёл на пруд, в надежде увидеть там Мухаева или Пегасова, хотя и понимал абсурдность этой затеи. На пруду их, как он и ожидал, не оказалось. «А что, если ещё раз поговорить с дворником? – мелькнуло в голове, – а о чём? Что я у него спрошу?»

В это время открылось окно и женский голос прокричал: «Федюня! Ты чего мусор не выбросил?!»

Вот неслух. Я же тебе говорила. Иди и сейчас же вынеси ведро, – после этих слов окно захлопнулось.

«Воспитательный процесс, – подумал Юра и усмехнулся. Но тут же сделался совершенно серьёзным. Мысль как стрела пронзила его голову. Он ещё несколько раз повторил произнесённое рассерженной женщиной слово «мусор».

– А вот с него самого мы и начнём, – радостно и вслух сказал он сам себе. – С него милого. Вот о мусоре я и должен спросить дворника. Наверняка мусор вывезли на ближайшую свалку, но где она? Надо ехать к дворнику, он может знать, куда повезли мусор? Хорошо,... это я узню, а потом? «Потом суп с котом», – сказал он сам себе и поспешил на троллейбусную остановку.

– Куда повезли мусор, я не знаю, – сказал Никита, – вспомнив Юру, – зачем мне это? Куда бы не повезли, уже всё равно...

– Я понимаю, что вам всё равно.– Сказал младший лейтенант. – Ещё один вопрос. Скажите, а ничего подозрительного вы не заметили,... может быть тоже кто-то интересовался, этим же вопросом, крутился здесь не без интереса,... такого не было?

– Крутились здесь два паренька, они и раньше к дому интерес проявляли. Я их ещё метлой гонял. Высокий подходил к водителю самосвала и они о чём-то разговаривали.

– А он на этом самосвале не уехал случайно?

– Точно не помню,... самосвалы уехали, и они исчезли, а кто, куда, с кем и как? Не знаю.

– Может быть, водители что говорили? – допытывался Митин. Запросто ведь могли не на свалку отвезти, а кому-нибудь на дачу, на строительство баньки,... а?

– На строительство баньки могли, только не возили.

– Почему не возили?

– Потому, что один шофёр другому сказал чётко. «Везём на свалку, иначе Хорунжиев шкуру спустит». Простите, больше ничего не знаю.

– Как вы сказали?.. – «Хорунжиев».

– Так он сказал, видно фамилия такая, – подтвердил дворник.

– Спасибо, спасибо. – И Юра торопливо пошёл со двора.

– А что, что-то не так? – спросил вслед Юре Никита, но Юра в ответ только махнул рукой и зашагал быстрее. Он понял, что свалок вокруг миллионного города много, а вот начальников автобаз или их заместителей с фамилией Хорунжиев всего одна. Если узнать какой транспортной организацией руководит Хорунжиев, то легко найти и водителей. Надо пробить эту фамилию по нашим милицейским каналам. А впрочем, можно проще, – он увидел выезжающий от голубой церкви самосвал. Водитель самосвала оказался словоохотливым и сказал, что фамилия Хорунжиев среди автомобилистов известная и база эта находится на ВСО.

– Вы на ВСО спрашивайте директора автобазы Хорунжиева, вам любой скажет, – добавил он. – Впрочем, я еду на кирпичный завод в Елшанке, могу подбросить. – Юра поблагодарил разговорчивого водителя и залез в кабину.

Найти базу оказалось совсем просто. Диспетчер, к которому обратился Митин, – пошелестела бумажками и ответила, что вывозили мусор их водители, только куда, она не знает, а узнать можно у одного из шоферов, который проколол шину и в рейс не вышел. Идите в ремзону и спросите Шаповалова.

Шаповалов, как только ему Юра задал вопрос о свалке, аж вскипел.

– Я им говорю, что не буду я в Заводской район на свалку ездить. Просто проклятие какое-то, как не поездка – так прокол, как не поездка – прокол, а на этот раз оба ската продырявил.

– А мальчишки с вами до свалки ни с кем не ехали?

– Да со мной и ехали, только один ехал. Сказал, что это дом его бабушки, детство в нём провёл. Я взял. Отчего ж не взять.

– Может быть, ещё что-то было непривычное, вы ведь часто мусор вывозите?

– Всё привычно, чему там непривычному быть, свалка – она и есть свалка, привёз, вывалил куда сказали, вот и всё.

– Значит, свалили как обычно?

– Ну, не совсем обычно.

– А что необычного? – допытывался Юра.

– Да распоряжало на свалке велел на отдельную площадку валить, не в овраг. А до этой площадки надо задом пятиться метров пятьдесят. Пока пятился, на два колеса и подсел, – и водитель смачно выругался.

После разговора с водителем, Юре стало ясно, что Лёня Пегасов, проявил в этом деле цепкость. Вероятно, не без его подсказки мусор свалили на отдельную площадку. Раз на отдельную площадку, то будут перебирать, а это дело не быстрое, за один день не получится. Молодец Пегасов, подсуетился.

Свалка может денёк и подождать. Надо обязательно наведаться в клуб к Пал Палычу. Учитель наверняка что-то знает. И это что-то может быть очень ценным для расследования. Ведь практически Юра не знаком с этой сферой и то, что он нарыл, лежало на поверхности. А если копнуть вглубь? Ведь он не спросил Червонца про ценность этой игрушки. Пегас не просто так поехал на свалку? А он в этом деле не профан. Червонец тоже жалеет об упущенной выгоде и готов поквитаться с Пегасом. Одним словом, дело закручивается. Только нужна хорошая консультация, потому что дальше тупик. Надо идти к Пал Палычу, но сначала заглянуть в отделение.

.....

Сорокина встретила Юру прохладно, видно сердилась на то, что Юра целых полдня не давал о себе

знать, но когда Митин рассказал ей, что ему удалось узнать, похвалила.

– Вижу, ты по следу идёшь хорошо, цепкий. Только, Юра, по следу идти – маловато. Когда гончая идёт по следу, она знает, что заяц ходит кругами и выходит обязательно на то же место. И ещё она знает, что зверя она обязательно выгонит на охотника. Чувствуешь разницу.

– Чувствую, что я должен быть и гончей и охотником в одном лице, так я вас понял?

– Правильно понял. А я добавлю: не будешь играть на опережение – проиграешь. Ты – это охотник. Ты знаешь, где ты сидишь, и гнать зверя должен на себя, понял.

– В общем, понял..., – и добавил – Я, Марь Васильевна, думаю к Пал Палычу сходить, проконсультироваться.

– Правильно думаешь, только это надо было сделать, как только игрушка засветилась. Ты практически шёл к Червонцу не подготовленным. Хорошо, если он тебя не просчитал.

– Я чайником прикинулся...

– Если хорошо прикинулся, то похвально. Кстати, о Червонце:... ты сказал, что барыга обмолвился о том, что Пегасу негде будет взять игрушку – дом сломали. Так?

– Так, – не понимая, куда клонит Мария Васильевна, – согласился Юра.

– Так-то оно так, только откуда он это узнал. Сто процентов Пегас и Муха ему об этом не сказали.

Они конкуренты, это им зачем? В результате этой версии, что получается?

– Получается, что Червонец Пегаса выследил, – улыбаясь, сказал Юра.

– Молодец практикант. Именно так и было.

– А Червонец, – продолжил Юра, – эту информацию мне бы не сказал, если б дом был цел, так? А так как его нет, то они с Пегой как бы квиты.

Мария Васильевна заулыбалась:

– Ой, не зря на тебя Городец глаз положила... Однако мою похвалу считай авансом. Как бы мы не были хороши в расследовании, всё равно важен результат. Нет результата и работы нет. К Червонцу больше не ходи, опасно для дела, твои наблюдения на базаре очень ценные, здесь есть над чем подумать. Я об этом расскажу Музе Карповне.

– Может, Марь Васильевна, это друг к Червонцу приходил, а ребята под заказ вещи принесли, сразу под покупателя?

– Не думаю, такие совпадения – редкость.

– Я понял, Марь Васильевна, пойду-ка я к Пал Палычу наведуась.

– От меня привет передай, – сказала Мария Васильевна.

– А вы что, его знаете? – удивился Юра.

– Кого я только не знаю... особенно из тех, кто с ребяташками работает, ладно, ладно иди, но всегда помни – наша задача – убереечь детей, помочь им выйти из опасной ситуации, разрулить их пробле-

мы; соседство со взрослым криминалом во много раз усложняет задачу, а теперь иди.

Глава 40. Муха называет адрес

На следующий день, как не уговаривал Костя брата оставить кентавра дома, Антон не согласился. Кентавр за ночь высох и был таким, как и прежде.

– Эта находка принадлежит не только тебе, – сказал Костя, – а всем, и потом: ты уже один раз брал кентавра и мы знаем, что из этого получилось.

– Кому это всем? – возмутился брат.

– Всем людям, – сказал Костя, – всем саратовцам, и находится она должна в музее, а не в твоём дырявом кармане.

– У меня карман не дырявый, – обиженно буркнул Антон.

– Всё равно, – настаивал на своём Костя, – всякое может случиться.

– В моём кармане ничего не случится, – упорствовал Антон.

– Довольно нам препираться, пошли лучше Муху искать, – сказал Костя, и оба направились к пруду.

Муха уже был там и катался на плотках.

– Наше вам, – крикнул Мухе Костя, – гребки к берегу, вопрос есть!

– Да пошли вы со своими вопросами, – огрызнулся Муха, – знаю я эти вопросы.

– Хуже будет, когда догоним, – пригрозил Антон.

– Не догоните, хохотнул Муха, – не на чем. Другой плот я тоже с собой прихватил – рядом с плотом, на котором лежал Вадик, плавал ещё один.

– Ну и гнида ты, Муха.

– А вы чё, думали, что только вы умные!?

– Ладно, катайся на плоту и жарься на солнышке, а мы тут в кустах, в тенёчке подождём, когда ты подплывёшь. Деться-то тебе всё равно некуда. Как ни плавай...

– А я никуда не тороплюсь, – проговорил Муха, – жалея, что не прихватил с собой лимонад, так как ощущал жажду. «Может, не будут меня караулить и уйдут» – подумал он, лёг на плот и стал ждать. А тут как назло Костя громко сказал брату:

– Сбегай, Тош в ларёк за лимонадом, а то жарко и пить хочется...

От этих слов у Мухи в животе аж уркнуло.

Антон действительно сходил за бутылкой лимонада и братья в тенёчке под деревом стали наслаждаться его сладковатой влагой.

– А лимонад какой?– спросил, не выдержав, Муха.

– Персиковый, – прочитал на бутылке Костя, – а ты какой любишь?

Именно персиковый и любил Муха. И у него начали бродить в голове такие мысли: «Что мне Лёня, ... я что, подписывался что ли хранить его тайны. Из игрушек всё равно ничего не получилось, самосвалы увезли. Вряд ли они чего в этом мусоре найдут. А если и найдут, то поколотое – кто купит? На-

до подплыть. Чего уж там. Не побьют ведь, а, может быть, даже лимонадом угостят».

– Подплывёт,... нет? – спросил Антон Костю.

– Ни куда не денется. Он чтоб на чужбинку лимонада не попить, сам знаешь, уверен – не вытерпит, обязательно подплывёт. Видишь, он уже потихоньку в нашу сторону правит, подгребаёт незаметно.

И Муха сдался. Хотя он и уговаривал себя, что подплывёт только поближе и что они его не достанут, а сам всё быстрее и быстрее плыл к берегу, видя на траве заветную бутылку с лимонадом.

– Ну что, Муха, подгребай, освежайся, – сказал Костя приветливо.

– По правде? – спросил Муха недоверчиво, – без дураков?

– Подгребай, подгребай! Не веришь что ли?

– Почему?... Верю,... думаю, что хотите, про Пегу узнать?»

– Обойдёмся без Пегги; нас другой вопрос интересует.

Муха облегчённо вздохнул, главное, чтоб про Пегу не спрашивали, потому как Муха мог и проболтаться, а это было не по-товарищески.

Мухаев подгрёб к берегу, сошёл с плотика и подошёл к братьям.

– Бери пей, – протянул ему пластиковый стакан с лимонадом Антон.

– Что надо? – спросил Муха, беря стакан и отпивая прохладную влагу.

– Нас глиняный мальчик интересует, которого ты взял на чердаке старого дома. Где этот мальчик и что с ним? Вот такой вопрос. Как видишь – ничего криминального, – сказал совсем просто Костя.

«Откуда это им известно? – подумал Муха, – никак Червонец проболтался, только братаны с ним не в контакте, откуда знают, что я этого жмурика взял?»

Муха от такой информированности братьев опешил.

– Вам и это известно? Вы чё, ясновидящие что ли?

– Нет, нам сон один на двоих приснился, как вы по чердаку шастали, а потом на базар рванули, – серьёзно сказал Костя.

– А чё, такое бывает, чтоб сон на двоих? – изумился Муха, явно поверив в сон. Такую осведомлённость он ничем другим объяснить не мог. «Ну раз сон, то тут вины моей никакой нет», – подумал Муха и рассказал братьям, что глиняная игрушка – мальчик-гуделка с дырочками на животе и груди у Лёни и что сегодня в три часа он должен отнести её доценту.

– Сегодня в три говоришь? – переспросил Костя.

– Ей богу не вру, вот, – и Муха судорожно перекрестился.

– Адрес? – спросил Костя.

– Какой адрес? Свалки что ли? – не понял Муха.

– Адрес, где живёт доцент, – пояснил Антон.

– Был адрес,... доцент визитку оставил,... только я забыл... – растерянно проговорил Муха, – визитка у Пеги.

– А ты вспоминай,... вспоминай,... это в твоих интересах... – сказал Костя и налил другой стакан лимонада, но не подал Мухаеву, а задержал в руке. Муха посмотрел на лимонад и этот аргумент перевесил все остальные.

– Кажется, там было написано... слово «доцент», имя не помню, а дальше адрес: «Лермонтова 9А», –

– Кажется, или точно? – спросил Антон.

– Да, точно,... я вспомнил. Так и было написано. Пега вслух прочитал. Если б я прочитал, то не запомнил бы, а он вслух,... вот я и запомнил. У меня на слух память хорошая. Я и в школе,... если домашку зададут, ковыряюсь, ковыряюсь, а если училка у доски, что скажет, то сразу и ответить могу...

– Когда это ты отвечал? Что-то я не припомню, – сказал Костя.

– Так это если я слушаю, то и отвечаю, а если не слушаю, то и не отвечаю.

– Значит, никогда не слушаешь, – подытожил Костя.

– Это точно, – тряхнул Муха рыжими кудрями, – слушаю мало. На уроке всякие мысли в голову лезут. Сначала вроде слушаешь о чём у доски говорят, а потом нет, а когда снова начнёшь слушать, то и непонятно, потому как до этого не слушал, в общем

фигня получается, а что потом слушать, напрягаться, раз всё равно непонятно, вот я и не слушаю.

– Молодец, – сказал Костя, – не совсем пропавшая душа, раз критику принимаешь и сам об этом сказать честно можешь. А теперь возьми бутылку лимонада и плыви на середину, наслаждайся.

– Что,... бесплатно? – удивился Муха.

– Это тебе награда за память, – улыбнулся Костя. – Плыви, ... плыви,... памятливым ты наш...

Муха взял бутылку, зашёл на плот и Костя с силой оттолкнул плот от берега.

– Вот здорово, – подумал Муха, – я на плоту да с лимонадом. Чудные какие-то пчёлки сегодня. То раньше кулак показывали, то лимонадом угощают. Ладно, я в их дела не встречаю,... я сам по себе. И он уселся на плоту, а ребята зашли на детскую площадку около дома № 9, рядом со «Спутником» и стали совещаться. Информация, полученная от Мухи, была наиважнейшая.

– А если он наврал? – засомневался в Мухином рассказе Антон, – и адрес придумал?

– С лимонадом у носа?... Ни за что, это посильнее кулака действует, – возразил Костя. – Он очень большой охотник за чужой счёт полакомиться.

– Раз такая удача, то не грех нам ещё бутылку купить, – проговорил Антон. – Он вытащил из кармана мелочь и стал считать. На маленькую бутылку лимонада хватало.

И только Антон собрался бежать в магазин за лимонадом, как увидел подходившего к ним парня в чёрной ветровке-хамелеоне с оранжевым низом.

– Что, ребята, скучаете? – спросил он весело.

– Да не очень, – ответил Антон, взглядываясь в незнакомца и шепча что-то Косте на ухо.

– О чём это вы шепчитесь? – спросил весело Митин, это был он.

– Мы вас узнали, – сказал Антон, вы с нашим директором школы на улице разговаривали, только вы тогда в форме были. – Правильно, хорошая у вас память, – проговорил младший лейтенант, поняв, что ребята его узнали и, не желая больше играть в прятки, спросил:

– Вы наверняка знаете Пегасова, не скажете, где он может быть?

– Трудно сказать... – ответил Костя. – Ему пути-дороги не заказаны.

– Тогда, может быть, вы мне поможете? Вы ребята наблюдательные. Вам не знакома такая кличка или имя «Доцент». Может быть чего слышали, даже случайно... а?.. Может, кто из ребят это слово проносил?

– Нет, не слышали, – сказал Костя и тихонько наступил на ногу Антону, дескать, помалкивай и не говори лишнего. Но Антон, вместо того чтобы молчать, вдруг неожиданно ойкнул.

– Значит, не знакома, говорите, – проговорил Митин. – А я думал, вы что-нибудь знаете? – поняв, что старший из детей наступил младшему на ногу.

– Не знаем мы никакого доцента, – сказал Антон. – Кино видели, там доцента Леонов играет, только там его давно поймали.

– Да... да. Я видел эту картину. – Сказал Митин.
– А Пал Палыч когда будет?

– Он куда-то уехал. Мы его тоже ждали, но не дождались, – сказал Костя.

– Вы у него в кружке занимаетесь? – спросил ребята Юра.

– Да, лепим понемногу, – сказал Антон.

– Что же? Если не секрет...

Антон замялся и посмотрел на Костю. Костя хмыкнул и продолжил. – Секрет есть, конечно, только перед ребятами других школ, потому как у нас конкуренция. Они на выставке свои поделки выставляют, а мы свои, кто кого обойдёт. За работы призы дают, грамоты – ребята заулыбались.

– И что же вы сейчас на конкурс готовите, если не секрет, конечно?

– А вы зачем к Пал Палычу? – спросил Антон, оставив вопрос без ответа.

Юра понял, что подвергается проверке по принципу «свой – чужой».

– Я у него тоже в кружке занимался, – соврал Юра. – Только давно.

– Понятно, – протянул Антон уже более дружелюбно.

– Приятно встретить младшее поколение, – сказал Юра. Он моментально вошёл в роль бывшего одноклубника.

– А вы в том же кабинете занимались, что и мы сейчас или нет? – спросил Костя.

– А вы в каком лепите? – вопросом на вопрос спросил Юра.

– Мы в самом большом, – сказал Костя, с решёткой на окнах.

– Нет, ребята, я в нём не лепил, мы лепили в том, что поменьше, – ответил Юра, сообразив, что называть этот кабинет нелепо, может последовать провокационный вопрос. Если они лежат в самом большом кабинете, то все остальные наверняка его меньше.

– А вы тоже Саратовскую игрушку лепили? – спросил Антон. Но Костя его перебил:

– Если он лепил в маленьком кабинете, то когда это было? Соображаешь, а мы Саратовской от силы два года занимаемся, даже на выставке с ней только один раз были, а больше и не были.

– А что это за Саратовская? – спросил Юра, – при мне такой не было.

– Эту игрушку Пал Палыч восстанавливает, а мы ему помогаем, – важно сказал Костя. – Пал Палыч говорит, что она уникальная, так сказать исчезнувший вид.

– Да ну? – не притворно, а уже по-настоящему удивился Юра. И это не ушло от внимания ребят.

– Пал Палыч говорит, что видел её на Сенном в перестройку. Он говорит, что она уникальная, со своей технологией декорирования, вот так. Этой игрушке цены нет, только игрушечники старые все

повымерли, вот мы и восстанавливаем забытое. – Ребята специально умолчали о кентавре, дескать, нечего перед каждым распинаться.

– Пал Палыч сказал, что если мы с ней на городскую выставку выйдем, то первое место обеспечено, – прихвастнул Антон.

– Если Пал Палыч сказал, то обязательно выйдете в призёры, – подтвердил Юра.

– Зря вы Пегаса ищите, его вот так просто не найти, – заметил Костя.

– Это почему же? – заинтересованно спросил Юра.

– Деловой... Просто так ошиваться где-либо не будет, с интересом живёт.

– А вы что, без интереса? – ухватился за слово Юра.

– И мы с интересом, – заметил Костя, – только у нас интересы с ним разные.

– Чем же разные?

– У него интерес рисковый... – сказал Костя.

– И тайный, – добавил Антон.

– Ну-ну, – понимающе сказал Юра. – Вы тоже свои поделки, что на выставку делаете, поди, от чужих глаз оберегаете?

– Верно, – нетерпеливо сказал Костя, – только здесь большая разница. Мы свои изделия временно не показываем, а Пегас – всегда.

– Не по вкусу он вам? Что, совсем редиска? – пытливо, но весело спросил Юра.

– Нет, он не редиска, он меня от чужих пацанов защитил, – вспомнил Антон.

– Как же это было? – с нескрываемым интересом спросил Юра.

– Они у меня десять рублей отобрали, что мама на мороженое дала. А я не давал, они меня по шее. Я одного за руку укусил. Он хотел мне зубы выбить, а тут Пега – одному в дыхалку, другого в челюсть... кричит «Беги!». А я от страха ногами пошевелить не могу, он меня хватать за руку и прочь. Когда отдышались, посоветовал в этот район, около базарчика, не показываться.

– Вот видишь, можно сказать, спас, – участливо сказал Юра, а что ж не дружите?

– Спаси – одно, а дружба – совсем другое, – вставил Костя, – он и в школе такой.

– Какой?

– И не свой, и не чужой, – выпалил Антон. – Меня спас, а когда встретились, то как будто ничего и не было. Посмотрел, будто в первый раз видит.

– А Муха? – Юра перевёл разговор на Мухаева, – они ведь друзья...

– У Пегаса нет друзей, – заметил Костя, – он одиночка, а Муха так, на подхвате, ни то – ни сё.

– Как это? – спросил Юра, но ребята заторопились.

– Вы нас извините, – сказал Костя, – только нам надо идти, – и толкнул Антона плечом.

Ребята ушли, оставив младшего лейтенанта сидеть на детской площадке. Правда, он и не собирался оттуда уходить. Он смотрел, как два карапуза роются в песочнице и размышлял: «Примерно такую же характеристику Лёне и Вадику дала и Сорокина. А вот слово «Доцент» мальчишкам знакомо и не по кино, иначе бы старший не нажал младшему на ногу и не подал сигнал молчать. Потом эта встреча с Мухаевым (следователь наблюдал за ней из-за куста). О чём они говорили? Понятно, что не о лимонаде, потом на лимонад расщедрились. Странно и непонятно. Они что-то выпытали у Мухаева, это точно, а расплатились лимонадом. На детскую площадку они пришли, чтобы обсудить проблему. Зря я к ним в этот момент подошёл, только насторожил. И ещё более зря я их вот так просто отпустил. Наверняка они с ходу, учитывая детскую нетерпеливость, захотят решить проблему. Лица-то у них были весьма озабоченные. Надо бы за ними проследить, только куда они направились: к дому культуры? На стадион? Или свернули на четвёртый жилучасток? Интересно, какой дорогой пошли, через перекидной мост или напрямую, через рельсы? Попробую догнать, если не ошибусь в направлении,... – и Митин быстро пошёл в сторону клуба. Но около клуба ребят не было. «Может быть, они всё-таки напрямую через пути на четвёртый жилучасток подались» – решил он,

поняв, что ребят он потерял и стал думать, что ему делать дальше.

Глава 41. Под лопухом

Весь день до вечера глиняшки провели под лопухом. Они так устали от бултыхания в ящике из-под мыла и до того у них болели бока, что им было ни до чего. Глиняшки повалились наземь и тут же уснули. Спали они долго и сон их был глубокий. И это очень хорошо, потому, ничто так не восстанавливает силы, как крепкий и долгий сон. Они проснулись на следующий день, когда солнце встало и начинало уже припекать

Дуня пришла под лопух возбуждённая и немного расстроенная. Она хотела немного найти воды, но достала из бочки совсем немного. Только расстроилась она совсем не из-за воды. Она увидела множество людей, разбирающих наваленные чудищами кучи. Это её встревожило. Но ещё больше встревожило, когда она услышала следующий разговор. Говорили между собой двое рабочих, что стояли всех ближе к Дуне.

– Как ты думаешь, есть в этом хламе что, или нет?

– Наше дело, Мокей, искать.

– Что ж, если всё переберём, а в них или под ними ничего нет, то и ничего за работу не дадут? Как ты думаешь?

– Сима сказал, что не обидит.

– А ты поверил? Это он говорил, что если игрушки найдём, а про то, что если не найдём, он ничего не говорил.

«Не нас ли ищут?» – подумала Дуня и сердце у нее тревожно ворохнулось. Нет, оно ворохнулось не от радости, что их ищут. Тревожное предчувствие бередило её душу. Тем более, она теперь знала, что доверяться надо далеко не всем, люди бывают злы и жадны. Конечно, она могла подойти к любому рабочему и сказать, что они здесь, под большим лопухом. Но будет ли это разумно? И не откликнется ли это необдуманное действие новой бедой, может быть даже худшей, чем с ними произошла? Лучше ко всему этому присмотреться и взвесить все за и против. Она видела из-за бочки прохаживающихся по двору свалки двух мальчишек, но сразу их не узнала, а когда узнала, то даже вздрогнула.

«Эти были на крыше и взяли Гуделку, – мелькнуло у неё в голове, – потом Гуделку бросили, как ненужную вещь, а затем маленький вновь его подобрал. Это плохие ребята, – заключила она. – И вся эта деятельность здесь нехорошая и нехорошая потому, что они здесь. Ещё она этих мальчишек видела в чердачное окно, когда ломали дом. Они не заступились за Никиту, а прятались в зарослях, и явно хотели проникнуть в дом и чем-то поживиться». И тут она вспомнила о других мальчишках, что стояли за трубой. Из них маленький, когда ломали дом, смело бросился на верзилу и даже укусил его за руку, заступаясь за дворника, за что и получил хоро-

шего тумака. Больше она ничего не успела тогда увидеть, потому, что стала обваливаться кровля и они спрятались в ящик. Да, глиняшки тогда были очень расстроены, их жизнь висела на волоске и было не до воспоминаний. Но, теперь, когда их жизням явно ничего не угрожает, почему бы и не вспомнить и не проанализировать ситуацию? И она заспешила под большой лопух, чтобы поделиться с друзьями своими мыслями и наблюдениями.

После её рассказа, о том, что она увидела и что вспомнила, все оживлённо стали обсуждать возникшую ситуацию .

– Надо было показаться тем первым, что были на чердаке и прятались за трубой, – проговорила Катерина.

– Жаль, что их здесь нет, мы к ним сразу со всех ног бы побежали, – сказала, вздохнув, Дуня.

– После драки дубиной не машут, – заметил Заступник.

– Мы тогда разве знали, кто они такие? – заметил Пустолай. – Это сейчас хорошо рассуждать, когда мы имеем ряд добротных свидетельств.

– Я вижу ценность Дуниной информации в том, что она с одной стороны негативная, а с другой стороны позитивная, – важно проговорил Мурлотик. – Благодаря этой информации, мы наконец-то узнали, кто из мальчишек наш друг и кто враг. И мы знаем, что именно враги занимаются нашими поисками здесь на свалке. А раз мы это знаем, то долж-

ны приложить все усилия, чтобы не попасться им на глаза.

– Правильно мыслишь, – сказал Пустолай.

– Против этого ничего не возразишь, всё разумно, – сказала Катерина.

– Я пойду на разведку, оценю обстановку, объявил Заступник. – Лопух это защита до поры до времени. Разберут кучи, наткнутся на разбитый ящик и будут осматривать рядом растущую траву и обязательно наткнутся на нас.

– Нет, не ты пойдёшь, а я, – перебил Заступника Мурлотик. – Ты очень большой, Заступник, и тебя могут заметить, а я из вас сейчас самый маленький и поэтому на разведку пойду я. И потом, женщина могла чего-то не досмотреть. Надо всё оценить ещё и мужским взглядом.

– Ох, мужчина нашёлся, – сказала сердито Дуня, – что, если усы растут, то значит и шибко умный?!

– Не бранитесь, – сказала Катерина, а ты, кот, не задирайся, всё себе цену набиваешь, мы и без этого знаем, что ты обладаешь хорошими аналитическими способностями, этого никто из нас не ставит под сомнение, иди лучше и посмотри, что к чему? Дуня принесла очень важную информацию, а вот с чем ты вернёшься, ещё неизвестно?

Мурлотик больше не стал ничего говорить и ушёл. А через некоторое время он пришёл пыльный, грязный с взлохмоченными усами и шишкой на голове.

– Мура! Что с тобой случилось, – проговорила Дуня, жалея Мурлотика, – тебе больно.

– Не будем развешивать нюни из-за какой-то шишки, подумаешь, свалился какой-то обломок кирпичика на голову.

– Так, быстрее говори, что ты узнал? – тормозили его глиняшки.

– А вот чего я узнал, – сказал он важно, усевшись на выступавший из-под земли корень. – Во-первых, там, – и он кивнул в сторону куч, – какие-то глиняные игрушки уже нашли.

– Как!– выдохнула Катерина, неужели Васёк, Белянка и Смуглянка попались им в руки? Как они здесь оказались? Не может быть!

– А я разве сказал, что они нашли кого из наших?.. Вовсе нет. Там рабочие нашли другие глиняные игрушки, кстати, очень похожие на нас и отнесли их в вагончик Симе.

– Какому Симе? – спросил Пустолай.

– Сима, здесь главный,... и скажу вам, что отморозок ещё тот, похлеще синеволосой Зиночки со своим полюбовником. У той хоть комплексы, а здесь полный провал до преисподней... – и он безнадежно махнул лапой.

– Ладно, Сима подлый человек,... что дальше? Не тяни ты быка за хвост, – исходил нетерпением Пустолай.

– А ты не торопись, Пустолаюшка, будет тебе и первое, и второе, и десерт. Терпенье, мой друг... Я подтверждаю слова Дуни о тех мальчишках, кото-

рых мы видели на крыше и во дворе. Я их тоже узнал, что меня несколько не радует. Пегас и Муха, так их зовут, у Симы за надсмотрщиков. Так, что им лучше на глаза не попадаться,... вот так.

– А ещё что?

– А ещё я обследовал двор и кроме техники и мусорных куч, нашёл в отдалении маленькую хибарку. Дверь была не заперта, я вошёл и остолбенел. Вы понимаете, там, оказывается, живут люди,.. врагу такого не пожелаешь. Цивилизованная страна! А-а-а...

– Что ты в ней увидел?

– Увидел: эскизы картин по стенам развешены, палитра на столе, стопка рукописей в нише, прикрытая холстом. И всё.

– Что нам это даёт? – спросил Заступник. Ну, живут люди в ужасных условиях и что?

– Вы мне не даёте договорить, – обиженно сказал Мурлотик, – а сразу стараетесь комментировать отрывочные сведения. Я просто назвал несколько фактов, не комментируя и не делая выводов, а вы...

– Говори... говори... слушаем, – сказала Катерина и сделала страшные глаза, пытающемуся что-то сказать Пустолаю. Пустолай замолчал.

– Когда я слушал разговоры рабочих, то обратил внимание на двух из них, одного зовут Крокыч, а другого - Профессор. В любом случае, они так друг к другу обращались. Они страшно не любят Симу, с подозрением относятся к Пегасу и Мухе. Это их хи-

барка, думаю, что в ней можно укрыться под кроватью за связкой старых книг.

– Почему ты решил, что это их жилище?

– А как же, друзья-товарищи? Если этот старичок настоящий профессор, то рукопись в нише явно его. А Крокыча профессор ещё называл художником, то и картины, эскизы понятно чьи. Тут много ума не надо, чтоб понять, что к чему? И потом, у старичка разорвана на спине рубаха и через всю спину идёт кровавый рубец. Валет сказал, что его Сима прутом ударил.

– Сволочь, – сказал только одно слово Заступник, – надо его на трезубец поднять.

– Я бы Крокычу и Профессору доверился, – сказал Пустолай, – а Профессору ещё надо полизать рану.

– Тебе только чего –нибудь полизать, – сказала Дуня.

– Я кроме шуток, – сказал Пустолай, – моя слюна убивает болезнетворные бактерии. Мамушка рассказывала, что во время войны собаки зализывали солдатам раны. Она сколько раз звала меня, «полижи, – говорит, – Пустолай, палец, ножом порезала». Я так всю ранку тщательно вылижу, один раз, да другой, да третий, всё и проходит. – Пустолай замолчал.

– Значит, говоришь, на профессора и художника можно положиться! – не спросил, а утвердительно проговорил Заступник.

– Положиться можно, но я бы не спешил. Давайте ещё денёк понаблюдаем, а, то, как бы нам эта поспешность боком не вышла, – заметил Пустолай. – Давайте установим дежурство и будем наблюдать по двое. Один в одну сторону свалки будет глядеть, а другой в другую, так мы больше получим информации.

– Правильно мыслишь, брат Пустолай, – сказал Заступник. – Дуня будет наблюдать с Катериной, Мурлотик с Пустолаем, а я и один управлюсь, потому как у меня всё это профессионально отработано.

На том они и порешили. Весь день глиняшки наблюдали за рабочими, спать на ночь легли опять под лопухом.

.....

В это самое время, когда Заступник разговаривал с Пустолаем, в городе, на улице Вологодской 10/1, в квартире 36 произошла непредвиденная для Батиста встреча. Эту однокомнатную квартиру он снимал как частное лицо. Вечером, когда на улице стемнело, в дверь постучали. Стук был размеренный и властный.

Коммерсант открыл дверь и от неожиданности сделал шаг назад. Перед ним стоял сердитый Бакстер. Гость пересёк прихожую, заглянул мимоходом в туалет, прошёл мимо Батиста в зал и уселся в кресло. Батист прошёл следом и сел на краешек софы напротив.

Такая встреча для Батиста не предвещала ничего хорошего, аванс он израсходовал, а заказанной игрушки у него пока не было.

– Не ожидал? – спросил Бакстер, перейдя с «вы» на «ты». При этом казалось, что его похожий на молот тяжёлый нос ударил по квадратному ещё более тяжёлому подбородку – наковальне. «Хрум!» – раздалось от соединения молота и наковальни, и тяжёлые, откованные звуки, сниженные в слова, звякнули около коммерсанта.

– По правде говоря, нет, не ожидал, – ответил тихо Батист. (Разговор шёл на английском языке.)

– Правильно и делал, что не ожидал. Нас никто не ожидает, но мы приходим и все рады, когда мы уходим... Не так ли?.. – и засмеялся, выдавив из себя набор скрипучих звуков. – Я жду отчёта, сэр... – и он закинул ногу на ногу.

– Рад бы отчитаться, но отчитываться особо нечем... – проговорил тихо коммерсанта.

– Ты её нашёл? – бухнуло молотом о наковальню Бакстер.

– Пока нет, но я думаю, что игрушка вернётся в тот дом. Я об этом сразу буду знать. Фома Фомич обещал приложить усилия... Возможно, она в этом доме где-то и прячется. Мы выследим и возьмём её по-тихому.

– Не удастся взять по-тихому, так возьмите по-громкому.

– Как это, по-громкому? – непонимающе спросил Батист.

– Взорви этот дом, в котором, как ты говоришь, находится изделие, – раздражённо сказал Бакстер.
– Мне всё равно.

– Вам что, игрушка не нужна??? – изумился Батист. – Я много чего могу, но взрывать не умею и не хочу.

– Это сделают другие, если надо, – выдохнув, проговорил Бакстер и, помолчав, добавил. – Наше ведомство недоволено тобой. Своей нерасторопностью, Батист, ты, неумышленно, конечно, срываешь очень важное дело.

Батист усмехнулся.

– Я понимаю, что у вас тоже сроки и отчёты, но ни Америка, ни Англия не пострадают, игрушка не ядерная бомба и взрывать из-за неё никого не стоит. Я принял, сказанное вами, за своеобразную шутку.

– Я не шутил, – сквозь зубы проговорил Бакстер. А насчёт того, что это не ядерная бомба, ошибаешься. Какая ещё ядерная. Более того. Народная игрушка несравнимо сильнее любого ядерного заряда.

– Шутите? – Коммерсант удивлённо поднял брови.

– Без всяких шуток. Заруби себе на носу, Батист, – глиняная народная игрушка – это культура народа, который мы хотим держать в повиновении.

– В рабстве что ли?

– Можно выразиться и так. Только в цивилизованном рабстве... в цивилизованном... Пока любой народ живёт по своим понятиям добра и зла, то есть, исповедует свои культурные ценности, а не иные –

этот народ – наша постоянная головная боль. Поэтому, завоевать, в современном понимании – это не ходить с автоматами по улицам чужих городов, и даже не высасывать из государств силы при помощи хитроумных экономических технологий. Пока народ живёт в своём культурном пространстве – он не завоёван. Это доказано историей. Рано или поздно он всё равно просыпается от информационного дурмана... Покорить, – это значит лишить народ культурной составляющей, превратив его в обычную толпу, если хотите – в быдло.

– Это другой разговор. Прежний, о цивилизационном прорыве, как я понимаю, был, как говорится, «для прессы» и не более того, а звучало правдоподобно... очень правдоподобно. Может быть, Бакстер, вы преувеличиваете значение этих глиняных шуток, – мягко возразил коммерсант.

– Ничуть. – Нижняя челюсть англичанина грохнула о верхнюю. – Народная игрушка в линейке влияния культурных ценностей является самой главной и стоит под номером один. Она первооснова восприятия. Она, сэр, есть наш главный стратегический противник. Именно народная игрушка воспитывает детей в духе преданности своему народу, в служении ему. А нам надо, чтобы было всё наоборот... Да, мы сумели заменить их игрушки на иные, но это, как я уже говорил, не выход из положения.

Батист, слушая Бакстера, в изумлении высоко поднял брови, отчего сгорбленный нос его, слегка

разогнулся и уставился на тяжёлый подбородок собеседника.

– Вы удивлены?.. Полно... Это ещё терпимо. (Бакстер снова перешёл на «вы». Главное заключается не в этом, а в том, что русская народная игрушка несёт в себе философию русского православного бога, а это уже серьёзно.

– Зачем вы мне всё это говорите, сэр?

Бакстер не ответил и закончил мысль.

– Вот почему, дорогой Батист, нашему ведомству всё равно, будет ли игрушка находиться у нас в подвалах или исчезнет вместе с домом, где она может, находится.

– Тогда надо прятать в ваши подвалы и саратовскую гармошку, и саратовский калач, – заметил Батист. Это тоже реликвии города...

– С этими можно подождать. Эти изделия не первой величины по значению. Игрушка с колыбели формирует народную душу. Она это делает тогда, когда народившейся душе пока не нужны ни народные пляски, ни гармошки. Всё о чём вы сказали – это приходит потом, являясь только удобрением, а семя – это игрушка. Помните об этом и ещё помните о том, что наше ведомство не прощает инакомыслия. Мы можем простить просчёт, но инакомыслие – никогда.

– Почему вы так заинтересованы именно малоизвестной игрушкой, ведь есть в России другие, с мировым именем? – Спросил Батист, отведя разговор от темы – «инакомыслия».

– Наша задача не допустить возрождения игрушки, – ответил Бакстер. – Пока дитя в люльке – с ним меньше хлопот. Детская смертность в мире не новость. И потом, вы не один занимаетесь этим вопросом, любезный. Надо торопиться. Ведь, если ребёнок встанет на ноги, его будет трудно не замечать.

– Что вы собираетесь делать с известными в России игрушками?

– Мы их превратим в обыкновенные сувениры, в украшения, придав им иной смысловой оттенок, но это кропотливо и долго, поэтому, дорогой, на вас лежит особая миссия.

С этими словами гость поднялся из кресла и, не попрощавшись, вышел.

После его ухода Батист впал в ярость. Он нервно ходил по комнате и проговаривал одни и те же фразы: «Что мне он сейчас говорил!? Что он говорил?». «Он рассуждает о культуре, как телёнок о тряпке, которую жуёт». «Он смеет учить потомственного аристократа тому, что есть культура?! Смерд. Паршивый смерд». «Нет, никогда, человек воспитанный и выросший в атмосфере великого наследия, не поднимет руку на великие творения!!! Никогда! Никогда! Он ещё смел рассуждать о цивилизационном лидерстве... а, в сущности, бандитизм в мировом масштабе и не более того. Он явно боится игрушки». В эти секунды потомок аристократов себя откровенно ненавидел.

Разгневанный Батист ещё долго потрясал в воздухе кулачком, мучился совестью, откровенно презирал себя за то, что связался с Бакстером, за то, что взял эти проклятые деньги и, когда совсем обессилен от истязавших его душу эмоций, тихо заснул в кресле, не раздеваясь. Заснул, чтобы успокоившись, завтра снова начать искать то, что искать ему уже совсем не хотелось и, только азарт игрока толкал его на действия. Он спал, глаза его были закрыты и только через узкую щёлочку век стеклянный глаз мерцал голубой поволокой.

Глава 42. Бесплодные поиски

– Перекур! – прокричал Сима. После команды, рабочие уселись тут же на мусорные кучи.

Сели чуть в сторонке и Крокыч с Позолотиным.

– Жаль, конька и баранчика Сима отобрал, – посетовал Крокыч.

– Поиски развернул не на шутку, – заметил Вениамин Павлович, кивнув на перебирающих мусор бомжей.

– Что хочешь думай, а вчерашних рабочих здесь нет, Сима всех убрал за исключением нас с вами да Валета. Просто так, Вениамин Павлович, состав не меняют.

– Вы, Семён Ваганович, с Валетом на эту тему говорили?

– Говорил, только всё без толку. Он их не знает, заговаривать пытался, но они на разговор не идут.

Не случайно Сима вчера на сегодня выходной объявил, а сегодня в обед новый состав рабочих привёз и перебирать начал.

– Со всех сторон обложил. Если такая предусмотрительность, то можно думать...

– А что, профессор, чем чёрт не шутит, вдруг мы действительно ищем ту самую игрушку, что и вы ищите, а? Человеческий мозг – это такая загадочная субстанция, возможно, он у вас прогнозирует дальнейшие события, а может быть здесь есть и элементы ясновидения. Я читал, что бог награждает любящих его людей и много во имя его претерпевших разными способностями, например, видением будущего или способностями излечивать людей от всяких болезней, или прозревать прошлое. Я, кажется, что-то из прошлого нашёл... – Художник нагнулся и поднял с кучи мусора небольшую вещь, обтёр с неё пыль. Это был небольшой, отлитый из бронзы рельефчик, на котором были изображены три стерлядки. Крокыч передал находку профессору. – Посмотрите, уважаемый, может быть, что ценное?

Вениамин Павлович взял находку и стал внимательно её осматривать, затем вернул находку Крокычу.

– Это, Семён Ваганович, поздняя отливка. Она особой ценности не представляет. Таких отливок я встречал достаточно много, является деталью письменного прибора.

– Ну, вот... А я думал, что это археологическая ценность. Кстати, профессор, что стоит за этой геральдикой на гербе Саратова? Почему именно стерлядки? Я знаю, что стерлядь является в Волге самой ценной промысловой рыбой, но, думается, что не только это её воздвигло на герб?

– Геральдика – дело серьёзное, Ваганыч. Просто так на гербах ни одного штриха не ставят. Разумеется, стерлядь является самой ценной рыбой среди семейства осетровых. Размножение её не такое, как у других рыб. Самки впервые нерестятся в возрасте семи – восьми лет, а живёт она без малого тридцать. Но, это так, для информации. Разумеется, Семён Ваганыч, за рыбкой этой и ещё всякие истории стоят, и для Саратова немаловажные. Есть, конечно, истории совсем сказочные, а есть и правдоподобные.

– Так не тяните за душу... расскажите.

– Был я, Ваганыч, в одной экспедиции, изучали быт народов Поволжья, так мне один рыбак вот какую историю рассказал. История эта связана со стерлядью и выбором места постройки города. Так вот. Известно, что Саратов по повелению царя строился как город-крепость. Это факт исторический. Место же постройки выбирали конкретные люди. Выбрал это место князь Григорий Засекин с товарищами. Крепость рубили в верховьях Волги, вязали в плоты и спускали вниз по течению, а на месте только собирали. Так строить удобно, быстро и для врагов неожиданно. Место было князем выбрано, расположились стрельцы на берегу, ждут плоты, ко-

стры жгут. А тут туман надвинулся, в двух шагах ничего не видно. Речники хоть люди и опытные, а как в туман плот погонишь? Можно место постройки проскочить, а это беда и можно сказать – государственное преступление, назад плот не воротить и царский срок нарушишь. Вот такая ситуация сложилась – вперёд не поплывёшь и на месте стоять нельзя. Боятся, но плывут потихоньку, в береговые шумы вслушиваются. И тут лоцман, он на переднем плоту был, заметил плывущих впереди плота трёх стерлядок. Плывут стерлядки, спинами поверхность воды разрезают, отчего волны на спокойной водной глади в разные стороны расходятся. Стерлядок видно хорошо. Средняя чуть впереди плывёт, а две по бокам. Сначала лоцман подумал, что это случайность, а потом смекнул, что случайностью тут не пахнет, понял, что стерлядки плоты сопровождают и путь указывают. Одним словом – привели рыбки плот к берегу, где его стрельцы с князем ждали и, разом перекинувшись у берега через спины, исчезли в глубине под плотами. Вот такую я услышал историю.

– Я читал, профессор, про то, как дельфины корабли по сложным фарватерам проводят, а тут стерлядь... – сказал Крокыч.

– Мне эти факты про дельфинов, тоже известны, поэтому как к сказке или придумке какой, отнести к рассказу рыбака нельзя, других же доказательств случившегося нет, заглянуть в прошлое тоже нельзя. Есть, конечно, ясновидцы...

– Может быть у вас, профессор, некие способности из этой области есть?

– Что вы, Семён Ваганович! Эвон куда хватили. Из меня хоть святого не лепите. В бога, как в личность за нас пострадавшую и взявшего наши грехи на себя, и кровь свою за нас на кресте пролившего, я верю и всегда верил, это просто для любого учёного очевидно, но я никогда не думал, что нахожусь на свалке и страдаю ради Христа. Мне и мысль такая в голову не приходила.

– А вот уж тут позвольте, уважаемый, с вами не согласится, сказал Семён Ваганович. – Вы о ближнем пеклись, когда квартиру свою подписывали, а о своей участи не думали и теперь о ближнем печётесь, научный труд пишете, игрушку ищите, которую мастера, талант которых от Бога был, делали. Согласитесь, что это не праздное занятие, напомнить людям поделкой о любви...

– Что вы сказали, Семён Ваганович!! – каким-то неестественным голосом воскликнул профессор. Повторите,... повторите мне это ещё раз...

Профессор после сказанного Крокычем очень разволновался и художник подумал о том, что уж не симптомы ли это болезненного состояния проявляются?

– Что я сказал?.. Ничего не сказал, опешил Крокыч.

– Нет... нет, вы что – то, дружище, сказали и я прошу вас это повторить, – взволнованно сказал Вениамин Павлович.

– Как вам угодно, – пожал плечами Крокыч, – просто я сказал, что это не праздное занятие – напомнить людям поделкой о любви, вот и всё.

– Нет, дорогой, не всё. Вот мысль, которая от меня всегда ускользала, вот она – главная задача народной игрушки – нести людям любовь, напоминать им о любви, о той любви, которой господь возлюбил людей. Это. Семён Ваганович, не просто изделия на потеху! В этом сокрыт грандиозный сакральный смысл, и господь вашими устами до меня его донёс. Именно в этом и состоит великое предназначение народной игрушки, как нести людям любовь, размягчать их души своим видом, учить детей любви, напоминать о ней взрослым. Спасибо, Семён Ваганович! Большущее вам спасибо! – профессор взял руку Крокыча и крепко её пожал.

– Бросьте вы, профессор, я ведь когда говорил об этом даже и не думал, просто с языка сорвалось.

– Даже если и так, сказанное вами для меня не случайно, это будет главной мыслью в моей книге, и я с радостью поставлю вашу фамилию на обложке рядом со своей, приглашаю вас в соавторы.

– Что вы, что вы, помилуйте, – замахал руками Крокыч, – нашли учёного, а вот о том, что не свою ли игрушку вы сейчас в кучах ищите, это я действительно сказал и от своих слов нее отказываюсь.

– Вы, милейший, мои мысли прочитали. Что вы насчёт этого ещё думаете?

– Меня, профессор, смущает то, что этим вопросом занимается Сима; с какой стати? Это дело ин-

теллеktуалов, хоть с положительным, хоть с отрицательным значением этого слова. Это единственное, что меня смущает в разборке мусора, а точнее, в этом деле.

– Возможно, до него информация дошла своим путём? – заметил профессор.

– Я бы так и думал, если б не появление на свалке этого подростка. Как его там называли, не помните, высокий такой с интеллигентным лицом, а с ним маленький с бегающими глазками.

– Высокого Валет Пегасом называл, – ответил Крокыч, – а маленького Мухой. Только мне показалось, что они с Симой не из одной компании. У них что-то своё на уме.

– Вот, вот и я так же подумал, – заметил Позолотин. – Что-то здесь не так?

– Верно, Вениамин Павлович. – Сима суетится, а эта парочка нет. Только вид делают, что Симе подчиняются и помогают.

– Трудно сказать, но похоже на то, – заметил Вениамин Павлович. – На надсмотрщиков с кнутом они не тянут.

– Надо к ним приглядеться. Только их что-то сегодня нет?

– Интересы видно нет... На найденные игрушки этот Пегас тоже отреагировал как-то странно. Вы-то об этом, Семён Ваганович, что думаете?

– Откуда найденная игрушка в таком исполнении взялась? – недоумённо проговорил профессор. Правда, я знал одного мастера в городе. Он был за-

нят идеей поиска и возрождения старинной игрушки. Не его ли это игрушка здесь очутилась? Он мне давно показывал два или три пробных изделия, очень, скажу вам, напоминают, очень.

– Мне в этой истории странным показалось то, что все игрушки целёхонькие, как-будто специально кто подложил, – высказал своё мнение Крокыч.

– Верно, – сказал профессор, – вот что значит глаз художника.

– Какой там глаз. – Отмахнулся художник. – Глаз здесь не причём, просто так подумалось. Видно, кто-то с кем-то играет в подкидного дурака. Жаль, что вы отмахиваетесь от моей гипотезы о поиске игрушки соперничающими людьми.

– Нам этого, Семён Ваганович, сейчас не понять, надо посмотреть, что будет дальше. У нас на этот счёт очень мало информации. Думается, что в дело поиска игрушки включены разные силы.

– Одни, чтобы на ней заработать, а другие, чтобы спасти народное достояние, – вставил Крокыч.

– Не всех перечислили, дружище.

– Кто же, по-вашему, ещё?

– Третья сила, это сила, желающая исчезновения игрушки.

– Кто же этот ненавистник святого?

– Это спецслужбы других государств, Семён Ваганович.

– Им-то она зачем?

– Им она нужна, чтобы её уничтожить, а другую насадить. Да, да. Это называется подрывом духовной мощи народа и государства.

Об этом мы ещё поговорим. Сейчас давайте подниматься, перекур закончился, вон уже Сима встал, сейчас команду подаст.

Глава 43. Дом на Лермонтовой

Дом Забродина стоял недалеко от Волги и представлял из себя двухэтажный коттедж с двориком, окружённый высоким кирпичным забором.

– Хорош особнячок! – воскликнул Костя, когда они поравнялись с домом.

Костя и Антон укрылись за кустами живой изгороди, опоясывающей забор, и стали думать, как им быть? Сначала они хотели просто дождаться Пегаса и отобрать у него Гуделку, потому и укрылись в кустах. Затем Антон нашёл щель между кирпичами и стал наблюдать за тем, что происходит во дворе. А во дворе за столиком в кресле-качалке сидел интеллигентного вида господин. Он то и дело поглядывал на часы и видимо кого-то ждал. Лицо его было украшено маленькой аккуратно подбритой короткой бородкой и усиками. На столике стояли бутылки, по всей видимости с напитками.

– Это и есть тот самый доцент, – сказал Антон.

– Тоша! А тебе не кажется, что это обыкновенный грабёж, – сказал Костя.

– Как это грабёж.... Ничего подобного. – Ответил Антон. – Муха игрушку стырил, за что метлой вдоль спины получил.

– А ты не стырил?

– Я не стырил, – запальчиво сказал Антон, – нам дворник разрешил и дверь показал.

– Это не аргумент. Игрушка тоже дворнику не принадлежала, если хочешь знать...

– Пегас игрушку продать хочет и свою выгоду ищет, а мы для клуба стараемся... И потом, Пега игрушку должен был сдать государству, а не тащить на Сенной, – возразил Антон.

– Не очень убедительно.

– А что убедительно по-твоему? – рассердился Антон.

– А убедительным будет то, если бы мы перелезли через забор и послушали, о чём этот господин будет говорить с Лёней Пегасовым, которого, по сведениям полученным от Мухаева, он теперь и дожидается. А у Лёни чем голова сейчас заряжена? Понятно без слов.

– Это ты здорово придумал, только как пробраться во двор? – Антон уважал в брате эту способность к анализу, – по правде, лезть через чужой забор, это тоже посягательство на частную собственность, – договорил Антон.

– А мы ни на чью собственность и не посягаем, – ответил Костя, – мы ничего не крадём, мы только слушаем и всё,... а слова это не имущество, вот так.

Этот аргумент брата развеял последние сомнения Антона. Слова действительно имуществом не назовёшь.

– Хорошо, – улыбнулся Антон, будем считать, что убедил, только не совсем.

– Потом доспорим, – бросил Костя, а сейчас дело надо делать.

В конце забора они нашли толстое дерево, ветки которого перепутывались с такими же ветками такого же большого дерева, только росшего по ту сторону забора.

– Что, рискнём? – кивнул Костя на сплетённые ветки.

– А выдержат?

– Ты легче меня, полезешь первым. А если под тобой затрещат, то сразу назад... понял?

– Чего ж тут не понять... – и Антон полез на дерево, затем встал на толстую ветку, по ней перешёл на другую сторону забора, осторожно перебрался на ветку другого дерева и затаился за стволом, показывая брату знаками, что ничего страшного нет.

– Костя тоже благополучно достиг по ветке, другого дерева, но когда ступил на неё, она предательски затрещала. Костя, сбалансировал и удачно переступил на другую ветку и удержался от падения. Осторожно, держась за сучки, они спустились на землю и, прячась за кустами, приблизились к сидящему за столиком господину. И только они успели подобраться к нему поближе, как в калитку постучали. Калитка, видно здесь не обошлось без электроники,

бесшумно открылась и во дворе появился не кто иной, как сам Лёня Пегасов. Он подошёл к доценту и поставил перед ним на стол глиняного мальчика.

– И это всё? – спросил господин.

– Пока да, Эдуард Аркадьевич, есть непредвиденные технические сбои, – Пегасов немного смутился.

– Что за сбои? – строго спросил доцент, и они стали тихо разговаривать. О чём они говорили, было не слышно. Мальчишки подобрались поближе. И хотя первая часть разговора была пропущена, о чём шёл разговор, было понятно. Говорил доцент:

– Я обещаю устроить тебя в ВУЗ, Лёня! Мне нужны игрушки. Ты это понимаешь!? Твоё поступление на бесплатное отделение целиком и полностью теперь зависит от этих глиняных болванчиков,... неужели непонятно?!

– Я понимаю, Эдуард Аркадьевич, делаю всё возможное.

– Это и есть та самая игрушка, что Пега с Мухой на чердаке нашли, – прошептал Антон.

– Молчи ты... – угрожающе прошипел Костя. – Смотри лучше.

Минут через пять Лёня, получив деньги, встал, намереваясь уйти.

– Уходим, – проговорил Костя. И только они собрались уходить, как Эдуард Аркадьевич тоже встал и, проводив Лёню до ворот, вернулся назад, но не сел в кресло-качалку, а подошёл к беседке, путь на-

зад к тому месту, где перелезли Костя и Антон через забор, был отрезан.

Минуты через три после ухода Лёни у ворот раздался сигнал автомобиля. Степан Аркадьевич взял в руки прибор, нацелил его на ворота – последние открылись и во двор въехал чёрный «шевроле». Из кабины вышли небезызвестный нам Фома Фомич Тараканов и иностранец, тот самый господин Батист, с которым наш читатель уже хорошо знаком. После краткой церемонии встречи, знакомства Батиста с хозяином дома и обмена любезностями, они сели за стол в беседке.

– Давай послушаем, о чём говорить будут, – прошептал Костя. Антон кивнул.

– Вы о чём так волнуетесь, уважаемый Эдуард Аркадьевич? – спросил Фома Фомич.

– Дело в том что, случилось невероятное, – сказал доцент.

– Что-то давненько в нашем городе невероятных событий не происходило, – улыбнулся директор свалки, оттянув нижнюю губу и затягиваясь сигаретой. Ты бы, Эдик, поподробнее рассказал и не спешил, а то господин Батист подумает о нас не совсем то и не совсем так.

Господин Батист как только подошёл к столику сразу увидел, принесённую Лёней глиняную игрушку и стал её внимательно рассматривать.

– Как я понимаю это и есть тот самый шедевр, о котором мне вы, господин Забродин, сказать? – спросил Батист. В его душе снова взяла верх алч-

ность и стремление к наживе, временно подавив лучшие побуждения потомка аристократов и, понятно, что глаз его на это соответствующе отреагировал.

– Да, господин Батист, у вас в руках та самая игрушка, о которой шла речь, – торжественно сказал Эдуард Аркадьевич.

– Я не понимаю,.. я видел подобный игрушка у господин Тараканов, – удивился Батист. Вы меня что, водить за нос, – и иностранец замысловато поводил рукой в воздухе, выразительно коснувшись своего носа.

– Нет-нет, – сказал Фома Фомич, сразу сообразив, что по своему незнанию дал маху, что у него в квартире Батист видел такую же игрушку, и тут же решил исправить положение. – Господин Батист, Вас никто не желает водить за нос, – произнёс он. – Эти игрушки из одной коллекции, делались одним мастером, поэтому и почерк един.

– Сколько это стоить доллар? Хотя бы приблизительно, – спросил Батист.

– Сейчас это не стоит ничего, – проговорил доцент.

– Не понимаю ваш высказывания! – поднял брови иностранец.

– Всё просто, – стал пояснять доцент. – Это касается истории края. Дело в том, что на саратовщине испокон веков делали вот такую глиняную игрушку. Это утверждал профессор Позолотин. Позолотин утверждал, что это место на берегу Волги особое.

Игрушку ведь лепили не только в Саратове. Задолго до появления Саратова игрушку лепили в золотоордынском городе Укеке, который располагался в сегодняшней черте города Саратова. Сейчас это посёлок Увек. Некоторые археологи утверждают, что до Золотой орды на Увеке уже жили люди. И стоит предполагать, что они тоже лепили игрушку. Прошу заметить, что это говорил не я, а профессор Позолотин. У меня было несколько иное мнение. Я считал, что игрушка как отдельный вид не существовала. Я думал, что на саратовщине мастера просто копировали игрушки из других мест. Они ходили на заработки в другие регионы, видели игрушку, покупали и как могли копировали, разумеется, немного её изменяя. Надо признать то, что профессор Позолотин оказался прав, игрушка действительно существовала в наших местах как отдельный вид и вот эта игрушка, что вы держите в руках, полное тому доказательство. Спустя десятилетия после исчезновения она нашлась.

– О! Это колоссально!! Профессор Позолотин, как я понимаю, очень доволен, – проговорил господин Батист, – его уважай учёные запада! Это очень солидный в науке господин. Я рад буду его смотреть и знакомиться...

После экскурсии в историю края в Батисте произошло смешение чувств, перед величием находки. Стекланный глаз не знал, как ему реагировать на путаницу в душе хозяина и он, то мгновенно темнел,

то так же мгновенно светлел, да так, что из него буквально сыпались голубые искры.

– Позолотина давно нет, – подчеркнуто произнёс Эдуард Аркадьевич.

– Как нэт? – удивился француз. – Позолотин совсем нэ-эт?!

– Да, нет. – Нервно проговорил доцент. – В России часто пропадают люди, господин Батист, их крадут, они теряют память, да мало ли чего может приключиться с человеком.

– Это плёхо. сэр. Вы – человек наука, кандидат наука, и понимаете это не хуже меня. Человек с таким именем не может, не наследив, пропадать.

– Вы хотели сказать «бесследно», – поправил иностранца Фома Фомич.

– Да-да, бесследно, бесследно. О-кей. Совсем бесследно.

– Это хорошо, что его нет, – наигранно весело сказал Забродин. – Хорошо именно для нас, для нашего бизнеса.

– У вас в Россия всё, как это выразиться, – к верх сапогами. Что у нас плёхо, то у вас почему-то обязательно корошо, – недоумённо сказал Батист. – Я не понимаю почему это для наш бизнес плёхо? Я платить...

– Профессор Позолотин не разрешил бы вывезти уникальную игрушку за рубеж, вот почему это и для вас, господин Батист, и для нас было бы плохо.

.....

Продолжение романа в книге седьмой.

Содержание

Глава 17. Компаньоны (продолжение главы).....	3
Глава 18. Непредвиденный ход.....	6
Глава 19. Неудачный маневр.....	18
Глава 20. Вред становится пользой.....	23
Глава 21. Ответственное задание.....	30
Глава 22. Поведанная тайна.....	36
Глава 23. Рухнувшие надежды.....	50
Глава 24. Зыбкий след.....	72
Глава 25. В полной темноте	78
Глава 26. Есть идея.....	88
Глава 27. Вся надежда на ящик.....	91
Глава 28. Идея провалилась.....	95
Глава 29. Даже мусор вывезли.....	108
Глава 30. Кто съел Федю?.....	120
Часть вторая. Опалённые сердца	122
Глава 31. Столовая дракона.....	123
Глава 32. Кентавра мучает совесть.....	127
Глава 33. Иносказательная речь.....	132
Глава 34. Родная земля.....	143
Глава 35. Реставрация.....	162
Глава 36. Сомнительная находка.....	175
Глава 37. Горбатая ворона.....	195
Глава 38. Опалённые жизнью.....	207
Глава 39. По следу.....	213
Глава 40. Муха называет адрес.....	226
Глава 41. Под лопухом.....	238
Глава 42. Бесплодные поиски.....	251
Глава 43. Дом на Лермонтовой.....	259

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ КРЫШЕЙ»

Книга шестая

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод
«Римкер».

-mail : p.africkantov@yandex.ru